

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

В.И. Фёдорова

**ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ
1861–1917 гг.:
ЭКОНОМИКА. ОБЩЕСТВО.
КУЛЬТУРА**

Монография

Красноярск
2016

ББК 63.3(253.5)

Ф 333

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор

Г.Ф. Быконя

Доктор исторических наук, доцент

О.В. Коновалова

Фёдорова В.И.

Ф 333 Енисейская губерния 1861–1917 гг.: Экономика. Общество. Культура: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016. – 344 с.

ISBN 978-5-00102-031-8

Монография представляет комплексное исследование особенностей социально-экономического и культурного развития Енисейской губернии на этапе перехода от аграрной модели общественно-го развития к индустриальной. Рассматривается широкий круг вопросов: сельское хозяйство, промышленность, торговля, кредит, демография, социальная динамика, культура. В работе аккумулируются результаты новейших исследований в исторической науке и краеведении, что позволяет осмыслить события истории Приенисейского края на пересечении локальных сибирских и российских тенденций.

Предназначена для специалистов по истории, студентов и широкого круга читателей.

ББК 63.3(253.5)

Издается при финансовой поддержке проекта № 06/12 «Исследования проблем развития человека на базе Гуманитарной технологической платформы “Инновационный человек”» Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012–2016 годы.

ISBN 978-5-00102-031-8

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016

© Фёдорова В.И., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ЭКОНОМИКА	
1.1. Сельское хозяйство	23
1.2. Промышленность	65
1.3. Торговля и кредит	101
1.4. Транспорт.....	123
Глава 2. ОБЩЕСТВО	
2.1. Динамика численности и демографическая структура населения	150
2.2. Формирование новой социально-классовой структуры.....	176
2.3. Образование как фактор социальной мобильности населения	222
Глава 3. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЕНИСЕЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ	
3.1. Народное образование	257
3.2. Организация научного изучения края.....	293
3.3. Печать.....	310
3.4. Художественная культура.....	313
Заключение	321
Приложение.....	327

Введение

Енисейская губерния во второй половине XIX – начале XX вв. представляла отдаленную сибирскую окраину Российской империи с обширными, но слабо заселенными пространствами. Ее протяженность с севера на юг составляла 2 800 верст, с запада на восток – 1 300 верст, общая площадь губернии 2 571 425 кв. верст – в несколько раз превышала отдельные европейские государства: в 4 раза Австро-Венгрию, в 4,7 раза Германию, в 5 раз Францию. На севере границы губернии проходили по побережью Северного Ледовитого океана. На юге она граничила с Китаем, на западе с Тобольской и Томской, а на востоке с Иркутской губерниями, на северо-востоке с Якутской областью.

Административные границы губернии были определены с момента ее образования в 1822 г. и не изменялись до конца века. Территория губернии была поделена на 5 округов, с 1898 г. – уездов: Енисейский, Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский, в особую административную единицу был выделен Туруханский край.

Богатые запасы каменного и бурого угля, железной руды, никеля, меди, свинца, золота, содержащиеся в недрах губернии, плодородные земли с черноземами высокого качества, леса, богатые пушным зверем и древесиной ценных пород, значительные гидроресурсы – все это создавало благоприятные условия для экономического процветания края. Однако освоение этих богатств тормозилось слабой заселенностью, неразвитостью транспортной сети, нехваткой крупных капиталов, что усугубляло периферийное положение Сибирского региона в составе Российской империи.

Либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. дали заметный толчок для оживления хозяйственной и общественно-культурной жизни страны, включая и такие отдаленные ее окраины, как Сибирь. Однако модернизация экономики и формирование новой социально-классовой структуры здесь шли с заметным отставанием от европейской части страны. Положение Сибири как рынка сбыта для промышленности центра страны, отсутствие помещичьего землевладения и достаточный резерв свободных земель, удаленность от крупных торговых магистралей консервировали аграрный характер экономики, затрудняя переход на индустриальные рельсы. Для Енисейской губернии отмеченные особенности усугублялись ее обособленным экономико-географическим положением. Находясь в центре Сибири, она в равной степени была удалена от формирующихся рынков, как в Западной, так и Восточной Сибири. В Западной Сибири формирование крупных капиталов шло на базе оптовой торговли хлебом, а для соседней Иркутской губернии роль источника первоначального накопления сыграла транзитная чайная торговля с Китаем. В Енисейской же губернии местное купечество не могло эффективно использовать торговый ресурс. Сибирский тракт, являвшийся с XVIII в. практически единственной магистралью, связывавшей губернию с миром, не мог эффективно использоваться для хлебной торговли. Но и речные пути не давали такой возможности. Путь на восток по Ангаре преграждали труднопроходимые пороги, а выход на запад через Чулым осложнялся узким фарватером реки. Выход по Енисею на север до начала развития золотопромышленности тоже не сулил выгодных торговых перспектив.

Роль капиталистического локомотива могла бы сыграть золотопромышленность, которая начинает бурно развиваться в крае в 1830–1840-е гг., однако, чтобы развиваться устойчиво, она сама требовала серьезных капиталовложе-

ний. В итоге экономика губернии на протяжении всего пореформенного периода даже по сравнению со своими западными и восточными соседями сохраняла полунатуральный характер, что замедляло формирование социально-классовой структуры нового типа и тормозило культурные процессы. Таким образом, даже в рамках региональной сибирской социально-экономической модели Енисейская губерния занимала своеобразное место внутренней периферии. До нее с большим опозданием доходили новые веяния технического прогресса, современные формы организации капитала и производства, прочнее держались архаические устои и нормы в общественной жизни. Лишь проведение Сибирской железной дороги нарушило вековой патриархальный уклад, в рамках которого протекала жизнь многих поколений сибиряков. В начале XX в. край становится ареной конкурентной борьбы между крупным российским и иностранным капиталом за его ресурсы. Природные богатства края превращаются в его проклятье, так как формируется сырьевая модель экономики с характерными для нее секторальными диспропорциями. Огромные финансовые потоки, идущие от использования местных ресурсов, централизуются за пределами края, оставляя его жителям только высокие цены и низкий уровень жизни. Массовый приток переселенцев в губернию в годы столыпинской аграрной реформы резко сужает возможности экстенсивного развития для крестьянского хозяйства, а вместе с этим понижает и душевое производство хлеба, что, в свою очередь, оборачивается для большинства крестьян ухудшением положения. От бывшего сытого благополучия сибирского крестьянина остаются лишь воспоминания. Все это превращает Енисейскую губернию из тихой гавани в арену, где кипят политические страсти, сталкиваются интересы разных социальных и политических сил. В 1905 г. в Красноярске возникает одна из первых в Сибири

советских республик, а в 1917 г. Красноярск становится «сибирским Кронштадтом», где власть реально перешла к советам раньше, чем это произошло в революционном Петрограде. По степени радикализации общественно-политических настроений Енисейская губерния сильно опережает остальные регионы Сибири.

Итак, история Енисейской губернии на рубеже XIX – начала XX вв. представляет для исследователя интерес с точки зрения стремительной динамики социально-экономических и культурных процессов. Так сказать, что бывает, когда слишком долго запрягают, но слишком скоро едут? В переводе на академический язык предметом данного исследования являются особенности периферийной модели развития экономики и общества на этапе перехода от аграрной к индустриальной стадии на примере Енисейской губернии.

Начало научному изучению социально-экономических процессов в губернии в пореформенную эпоху было положено в трудах губернского статистического комитета, на базе которого был организован выпуск ежегодных «Статистических обзоров» и «Памятных книжек» Енисейской губернии. Исключительное значение для комплексной характеристики социально-экономического состояния крестьянского хозяйства имеют статистические данные, полученные при обследовании 4 южных округов губернии в начале 1890-х гг., которые были опубликованы в 4-томном издании «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии» (Иркутск, 1893–1894). Они содержат обширные сведения по динамике демографических изменений, посевных площадей, урожайности, крестьянской промышленности, торговых оборотов и т. д. И хотя в дореволюционной статистике не было четких критериев для классификации типов промышленных предприятий и

крестьянских хозяйств, все же приводимая в них статистическая информация не утратила ценности для современного историка.

К трудам обобщающего плана по истории губернии относятся работы С.Л. Чудновского и Н.В. Латкина, заложившие основы исторического краеведения¹.

Очерки ссыльного народника Чудновского дают общую характеристику социально-экономического состояния Енисейской губернии в первые два десятилетия пореформенного развития. Они были написаны в 1883 г. для «Сибирской газеты», редакция которой состояла в основном из демократически настроенной интеллигенции. В 1884 г. они были отмечены на конкурсе работ по истории губернии, объявленном Красноярской городской думой, а в 1885 г. изданы в Томске отдельной книгой.

Чудновский дает довольно обстоятельную характеристику демографических процессов, соотношения естественного и механического факторов роста населения, его этнического и конфессионального состава. Опираясь на материалы губернского статистического комитета, автор анализирует состояние крестьянского хозяйства и городской промышленности, показывает динамику торговых оборотов. Он в целом правильно обозначил болевые точки экономического развития: техническую отсталость, скудость источников накопления, монополию торгового капитала, проблемы логистики. Однако при объяснении их он склонен слишком преувеличивать роль субъективного фактора. В том, что в крестьянском хозяйстве преобладают экстенсивные методы, с точки зрения Чудновского, виноваты власти, они не просвещают крестьян, не рассказывают о пользе прогрессивных севооборотов, удобрений и т. п. В том, что в золотопромышленности господствуют хищнические приемы и дикая эксплуатация труда, виновата буржуазия, которая из-за своей алчности

и косности не стремится к техническому прогрессу. Снижение доли инородцев в общей массе населения он рассматривает как их вымирание, в котором повинна, конечно же, власть. Обличительный дух чувствуется буквально во всем: от разоблачения коррумпированности чиновников всех мастей и уровней до обвинения в том, что от губернской власти никак не зависело, а определялось общей политикой правительства по отношению к Сибирскому региону. Как, например, порочность самой системы налогообложения крестьянства, при которой неизбежно возникали теневые поборы и криминальная смычка волостной верхушки с полицейским аппаратом. Народник явно не замечал даже робких попыток губернских властей, направленных на оживление местной экономики и общественно-культурной жизни.

Зато к крестьянству автор проявляет явные симпатии. Несомненную ценность представляют сведения по общинному землевладению сибирских крестьян. Здесь Чудновский выступает как большой знаток вопроса, истинный народник, горячо защищающий этот институт крестьянской жизни. Картина бедственного положения здравоохранения и просвещения дана автором с устрашающей правдивостью, но выводы делаются односторонние – во всех бедах и проблемах виновата власть. Такой субъективизм, пусть даже с позиций искренней защиты народных интересов, сужал возможности объективного научного анализа.

В 1890 г. отдельной брошюрой вышел очерк Н.В. Латкина по истории Красноярского округа, написанный по материалам доклада, сделанного им на международном конгрессе в Париже в 1875 г. В нем приводится обширный статистический материал по состоянию экономики, населения, в особую главу выделен исторический очерк губернского центра. Но, в отличие от Чудновского, он ис-

пользует статистический материал фрагментарно, не стремится к выявлению каких-либо тенденций в развитии, обобщениям, оценкам. Фактографизм, чрезмерное внимание к второстепенным деталям, отсутствие обобщений демонстрируют слабость методологической базы исследования.

Наиболее изученным сюжетом из социально-экономической проблематики в дореволюционной историографии следует считать историю губернской золотопромышленности. В трудах Н.В. Латкина, В.И. Семевского, А.А. Уманского, В.М. Крутовского и И.С. Боголюбского² рассматривались вопросы технико-экономического состояния отрасли и положения приисковых рабочих.

Определенную ценность представляет работа А.Г. Шлихтера «Кустарные промыслы в Енисейской губернии» (Красноярск, 1915), в которой были обстоятельно изучены отраслевая структура и основные тенденции в развитии мелкой промышленности в крае на рубеже XIX–XX веков. Как марксист Шлихтер был убежден, что кустарная промышленность обречена на полное подчинение крупному торговому капиталу, поэтому он явно недооценил ее жизнеспособность, возможность своеобразного симбиоза с крупной капиталистической промышленностью.

В начале XX в. в связи с массовым притоком переселенцев в Енисейскую губернию активизируются исследования по состоянию сельского хозяйства и землеустройства. Эти вопросы рассматривались в трудах В.Ю. Григорьева³. Исследователь проанализировал состояние земельного фонда в губернии, привел подробные данные о посевах и урожаях, охарактеризовал рынки сбыта сельскохозяйственной продукции, влияние золотопромышленности на земледелие и скотоводство. Особую ценность представляют его работы, характеризующие последствия массовых

переселений. Григорьев акцентировал негативные результаты – сокращение землепользования старожилов, рост социальной напряженности в деревне, бедственное положение переселенцев. Однако выход он видел лишь в упорядочении работы губернской администрации по организации устройства переселенцев.

Особое внимание в историко-краеведческих исследованиях уделялось культурно-бытовым сюжетам. Это работы известного сибирского архивиста Н.Н. Бакая по истории народного образования, музейного дела, библиотек Енисейской губернии, труды В.М. Крутовского о состоянии здравоохранения и истории Общества врачей Енисейской губернии и т. п.⁴ Они носят в основном фактографический характер, но это не снижает их ценности для современного историка.

Отдельные вопросы социально-экономического развития Енисейской губернии рассматривались на общесибирском материале в трудах Н.М. Ядринцева, И.А. Гурвича и А.А. Кауфмана, П.М. Головачева⁵.

Подводя итоги дореволюционного периода в историографии, надо отметить, что она в целом не выходила за рамки разрозненных краеведческих сюжетов, что значительно ограничивало глубину научного анализа исследований.

В советской историографии период 1920 – начала 1930-х гг. отмечен активизацией краеведческих исследований. Большое значение в этом плане имели подготовка и издание «Сибирской советской энциклопедии», в рамках которой широким фронтом развернулось углубленное изучение отдельных регионов Сибири. Появились работы В.А. Смирнова, А.Р. Шнейдера, в которых затрагивались вопросы социально-экономического развития губернии на рубеже XIX–XX вв.⁶ Однако эти позитивные сдвиги были прерваны к концу 1930-х гг. Некоторые из участников

краеведческих обществ, которые являлись центрами научных изысканий, были репрессированы, исследования свернуты.

Возрождение научного интереса к краеведческой проблематике было связано с подъемом исторической науки, начавшимся в середине 1950 – начале 1960-х годов. Заметным явлением в изучении истории Енисейской губернии стал выход книги В.А. Степынина «Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма» (Красноярск, 1962). Автор на основе огромного массива источников воссоздал широкую картину переселенческого движения в губернию за 50 лет после отмены крепостного права, его влияния на экономику и социальную динамику в крае. По глубине научного анализа исторического материала монография В.А. Степынина вышла за рамки краеведческих исследований и для того времени явилась образцом для решения сложных методологических проблем капиталистической эволюции на региональном материале. Вместе с тем нельзя не заметить, что часть ее выводов, особенно о степени классового разложения крестьянства, нуждается сегодня в определенной корректировке.

Необходимой предпосылкой для развертывания комплексного исследования по социально-экономической проблематике на локальном материале в 1960–1980 гг. стали фундаментальные труды обобщающего плана: «История Сибири» (Л., 1968. Т. 1–5); «Крестьянство Сибири периода капитализма» (Новосибирск, 1983); «Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма» (Новосибирск, 1980), а также работы по конкретным вопросам истории населения, крестьянского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли Сибири⁷.

В постсоветское время, несмотря на некоторое ослабление внимания к социально-экономической проблематике, связанное с переосмысливанием методологии экономи-

ческого монизма, присущего советской историографии, большинство современных историков, к счастью, не поддались на постмодернистские спекуляции в духе «нового поворота в истории» и сохранили здравомыслие, которое не позволяет отрывать исторический процесс от его экономической составляющей. Поэтому и в это время продолжались исследования по экономике Сибирского региона⁸.

В это время появляются исследования как по отдельным отраслям экономики Енисейской губернии – транспорту, финансам, торговле⁹, так и работы обобщающего плана, например, исследование В.И. Фёдоровой «Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период» (Красноярск, 1999). В нем показывалось, что отставание губернии в пореформенный период было обусловлено ее экономико-географическим положением, в силу которого она была в большей степени удалена от торговых магистралей и рынков общесибирского значения. Свою роль сыграла и малая плотность населения, тормозившая формирование внутреннего рынка. Эти обстоятельства предопределили консервацию аграрного характера экономики губернии. В результате чего огромный промышленный потенциал края оставался нереализованным, а формирующаяся местная буржуазия не могла сколько-нибудь эффективно использовать рычаги первоначального накопления, и ее предпринимательская деятельность и богатства выглядели довольно скромно на фоне ее российских и сибирских собратьев¹⁰.

В трудах современных историков сохраняется интерес к аграрной проблематике. Под воздействием общественного увлечения фигурой П.А. Столыпина приоритетное внимание стали уделять изучению осуществления столыпинской аграрной реформы в Енисейской губернии¹¹.

По-прежнему исследователей привлекала тема золотопромышленности Енисейской губернии, что нашло отражение в работах С.Ф. Хроленка, В.А. Ламина, К.У. О-Ун-Дара, Л.В. Сапоговской, В.В. Смирнова¹².

Активно развивалось на этом этапе изучение городов губернии. В 2003 г. вышла в свет коллективная монография «Красноярск: этапы исторического пути», охватывавшая период от основания города и до начала XXI в. Ее переизданный вариант «Красноярск: от прошлого к будущему» не стал простым повторением предыдущего издания, а был существенно обновлен с учетом современных методологических подходов и нового конкретно-фактического материала, появившегося в научной литературе в первое десятилетие нового века¹³.

В последнее время заметно активизировался интерес историков к изучению купеческого сословия¹⁴. Но особенно привлекательной оказалась тема купеческой благотворительности, которая вызвала целый поток публикаций в краеведческой литературе. К сожалению, их авторы слишком избирательно относятся к фактам, а общий панегирический тон статей приводит к формированию очередного исторического мифа об исключительном альтруизме и филантропии российской буржуазии.

На фоне многочисленных публикаций на эту тему выделяется книга П.Н. Мешалкина «Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей» (Красноярск, 1995) своей основательностью и взвешенностью оценок. Хотя исследование носит главным образом фактологический характер и не дает сколько-нибудь глубокого анализа мотивации, масштабов и общественной значимости купеческой благотворительности, но является вполне добротным в своей конкретно-фактической и источниковой основе.

Интерес современных историков вызывает изучение системы социальной помощи в дореволюционной России. Первой попыткой ее постановки на материалах Енисейской губернии стала диссертация Т.А. Катциной «Общественное призрение в Енисейской губернии (1822–1917)». Автор, исследуя различные формы социальной поддержки – государственные, муниципальные, общественные – приходит к выводу, что развитие этих институтов являлось частью процесса формирования гражданского общества в России. В условиях Енисейской губернии он активнее проявлялся в городах, где сосредоточивались представители крупного капитала и интеллигенции, которым и принадлежала инициативная роль в создании благотворительных обществ, представлявших альтернативу государственным организациям социальной помощи¹⁵.

Наиболее активной в гражданском отношении частью населения красноярского общества являлась интеллигенция. Именно она становилась главной инициативной силой в создании всевозможных общественных организаций, которые брали на себя решение самых злободневных задач социального и культурного развития края, до которых у власти не доходили руки. В советской историографии деятельность интеллигенции рассматривалась главным образом через призму ее участия в революционном движении, тогда как все остальные формы общественной активности подавались под углом «буржуазного культуртрегерства», а их изучение не считалось актуальным. В итоге существенно обеднялось и даже в известной степени деформировалось представление о системе социальных и нравственных ценностей в общественном сознании. Попытку заполнить эти пробелы применительно к местной интеллигенции мы видим в исследованиях А.С. Лисичниковой, А.С. Лониной, Л.М. Евменовой и др.¹⁶

Ценным вкладом в изучение этой проблемы является книга П.Н. Мешалкина «Одержимые» (Красноярск, 1998),

содержащая биографические очерки о В.М. Крутовском, В.Ю. Григорьеве, И.Т. Савенкове, М.В. Красноженовой, Д.Е. Лаппо, Д.И. Каратанове, А.Б. Клюге, А. Шнейдере, оставивших глубокий след в общественно-культурной жизни Красноярска.

Активно на современном этапе разрабатывается историко-культурная проблематика и особенно история народного образования. В постсоветский период в ее изучении произошло заметное расширение объектности исследования проблемы. В нее включаются такие сюжеты, которые ранее казались малозначимыми: школьная повседневность, социокультурный тип учительской интеллигенции, благотворительная помощь образовательным учреждениям¹⁷. Характерной чертой современного периода в изучении проблемы является полидисциплинарный подход. Представители педагогики, культурологии, истории обогащают его новыми дискурсами. Так, в последние годы появилось несколько диссертаций по истории народного образования Енисейской губернии, в которых рассматриваются специфические вопросы организации педагогического процесса, применения передовых методик обучения, внешкольное образование¹⁸. В рамках такого историко-педагогического формата выполнен цикл исследований А.И. Шилова, охватывающий учреждения общеобразовательной начальной и средней школы, коммерческого, профессионально-технического и педагогического образования¹⁹.

Несколько иной аспект выбрала для исследования В.И. Фёдорова. В монографии «Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв.» (Красноярск, 2015) она рассматривает систему образования в рамках социальной истории, выдвигая на первый план такие вопросы, как образование и общество; образование и власть; образование как фактор социокультурной динамики; учительская интеллигенция как социoproфессиональная группа.

В особый раздел стоит выделить многочисленные работы краеведов-любителей. Их проблематика чрезвычайно многообразна: от достаточно сложных вопросов по истории хозяйственного освоения, социально-культурного развития и до семейных хроник, родословных и пр.²⁰

Итак, оживление историко-краеведческой регионалистики, которое наблюдается в последние два десятилетия, создает благоприятные условия для исследования обобщающего плана, которое позволило бы найти ключ к пониманию общего и особенного в развитии Енисейского региона на этапе перехода от аграрной стадии к индустриальной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латкин Н.В. Енисейская губерния, её прошлое и настоящее. Б.м., 1892; Он же. Красноярский округ Енисейской губернии. СПб., 1890; Чудновский С.Л. Енисейская губерния. К 300-летию юбилею Сибири. Томск, 1885.
2. Боголюбовский И. Краткий очерк состояния горного промысла в Енисейской губернии // Вестник золотопромышленности. 1892–1893. №11, 13, 15, 16, 18; Крутовский В.М. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых приисках на физическое состояние рабочих. Красноярск, 1892; Латкин Н.В. Очерк Северной и Южной систем золотых промыслов в Енисейской губернии. СПб., 1869; Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898 Т. 1–2; Уманский А.А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888.
3. Григорьев В.Ю. Основные нужды сельского хозяйства Енисейской губернии: [доклад Енисейскому губ. ком. чл. ком.]. Красноярск: Енисейский губернский комитет, 1903; Он же. Одна из главнейших нужд сельского населения Енисейской губернии. Краснояр. отд. Имп. Моск. о-ва сел. хоз-ва. Крас-

- ноярск: Типо-литогр. Е.Ф. Кудрявцева, 1900; Он же. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1906.
4. Бакай Н.Н. 25-летие Красноярской губернской гимназии. Красноярск, 1893; Он же. Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири. М., 1896; Крутовский В.М. Очерк истории общества врачей Енисейской губернии. Красноярск, 1911.
  5. Гурвич И.А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1888; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892; Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1905; Он же. Экономическая география Сибири. М., 1914.
  6. Смирнов В.А. 300 лет города Красноярска. Красноярск, 1928; Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск, 1928.
  7. Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX в. Новосибирск, 1991; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири. Новосибирск, 1989; Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967; Зверев В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988; Комогорцев И.И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1965; Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972; Научитель М.В. Очерк экономического развития Сибири (вторая половина XIX в.). Иркутск, 1967; Ноздрин Г.А. Заселение Енисейской губернии. 1861–1907 гг. // Социально-культурное развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981.

8. Аграрная история Сибири: традиции и модернизация: Материалы научно-практической студенческой конференции. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006; Баев О.В. Иностраннный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004; Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. Сборник материалов конференции / под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Новосибирск, РИЦ НГУ, 2003; Зиновьев В.П. Экономика Сибири в конце XIX – начале XX вв.: промышленность, промыслы, торговля // Вопросы истории Сибири в новое время. Сборник научных статей. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. Вып. 3. С. 115–134; Кирилов А.К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX века). Новосибирск, 2002; Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001; Она же. Городские ярмарки Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2002; Шостак О.И. Экономическая история Сибири: XVII – начало XX вв. М.: Наука, 2008.
9. Агеев И.А. Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. №1; Гессен В.Ю. Норвежский предприниматель Ионас Лид – энтузиаст установления экономических связей с Россией // Финансы и бизнес. 2010. № 1; Баталова Т.И. Деятельность акционерного общества Ачинско-Минусинской железной дороги // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298; Банковско-кредитные учреждения Енисейской губернии [Текст]: учеб. пособие / А.С. Асочаков, Т.А. Катцина. Красноярск: КГТЭИ, 2006; Шейн И.В., Плотников Н.В. Винокурение в Приенисейском крае: К истории Канского

- ликероводочного завода (1863–1924). Красноярск, 1999.
10. Федорова В.И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период. Красноярск, 1999. С. 104.
  11. Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие восточной Сибири в 1906–1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний). Красноярск, 2006.
  12. Ламин В.А. Золотой след Сибири. Новосибирск: Наука, 2002; О-Ун-Дар К.У. Золотопробышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год. Красноярск, 2008; Хроленок С.Ф. Золотопробышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990; Сапоговская Л.В. Частная золотопробышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург, 1998; Смирнов В.В. Золото Сибири: Исторические очерки о людях, добывающих золото в сибирской тайге. Красноярск: РАСТР, 2011.
  13. Красноярск: этапы исторического пути. Красноярск: Буква, 2013; Красноярск: от прошлого к будущему [Текст]: очерки истории города / [ред. кол.: Быконя Г.Ф., Куимов В.В. Пимашков П.И., Фёдорова В.И.]. Красноярск: Растр, 2013.
  14. Туман-Никифорова И.О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX веков). КГТЭИ. Красноярск, 2004; Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии: учебное пособие. Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. Красноярск, 2002; Быконя Г.Ф., Комлева А.И., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX вв.). Красноярск, 2012.
  15. Катцина Т.А. Общественное призрение в Енисейской губернии (1822–1917): автореф. дис. канд. наук. Красноярск, 2002.
  16. Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское Географическое общество в Красноярске (1901–1937). Красноярск, 2001; Лисич-

- никова А.В. Образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Сибири во второй половине XIX века: автореф. дис. канд. наук. Иркутск, 2000; Лонин А.В. Интеллигенция в общественно-политической жизни Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Красноярск: СибГАУ, 2005; Евменова Л.Н. Культурное подвижничество в истории Красноярского края. Красноярск: СФУ, 2008.
17. Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь учащихся гимназий и прогимназий городов Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Научное обозрение Саяно Алтая № 1(3)/2012. С. 81–90; Бибикина В.В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. Красноярск, 2004; Гордиенко Т.Е., Лобанова О.Б. Передовой педагогический опыт в образовательной практике учителей Енисейской губернии начала XX в. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. 2009. Т. 6. № 2; Выдрин Е. Миссионерская школа в Туруханском крае в конце XIX – начале XX вв. // История образования и науки в Сибири. Вып.3. Красноярск, 2009; Лобанова О.Б. Лукин В.А. Социально-экономические условия реформирования образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 2009.
  18. Ким Е.В. Система образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. канд. наук. 2001; Лобанова О.Б. Передовой педагогический опыт и его распространение в образовательной практике Енисейской губернии начала XX в. (на примере начальных учебных заведений): автореф. дис. канд. наук. Красноярск, 2007.
  19. Шилов А.И. Коммерческие училища в Восточной Сибири начала XX в. Красноярск, 2004; Он же. Профессионально-техническое образование конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 2004; Он же. Педагогическое образование конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 2004; Он же. Начальная и сред-

няя школа Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Красноярск, 2008; Он же. Очерки истории образования в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Красноярск, 2011.

20. Забытые страницы Сибири [Текст]: [альбом / авт.-сост. Э.А. Шемрякова, А.Д. Шемряков]. Красноярск: Сибирские промыслы, 2002; Половникова И.А. Сибирский библиофил и заводчик Юдин. Санкт-Петербург: БАН, 2002; Красноярск. История. События. Люди [Текст] / [Ю. Галишников и др.; сост. Николай Истомина]. Красноярск: [Тренд: Ситалл], 2007; Энциклопедия Красноярского края. Юг. Издательство «Буква С» Красноярск, 2008; Бердников Л.П., Лони́на С.Л. От денежной кладовой до Министерства финансов. Очерки истории финансового управления Енисейской губернии (1822–2009). Красноярск, 2009; Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века) / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, В.А. Безруких. Красноярск: Растр, 2012; Бердников Л.П. Сибирской давности строка [Текст]: [очерки истории книжного дела в Енисейской губернии и Красноярском крае, 1822–2012 гг.]. Красноярск: Офсет, 2013.

Глава 1.

ЭКОНОМИКА

1.1. Сельское хозяйство

Земледелие

Главным занятием населения в пореформенное время оставалось сельское хозяйство. Оно составляло основу губернской экономики, давая более половины всего валового продукта. Во всех губернаторских отчетах неизменно отмечался аграрный характер экономики края. В структуре сельскохозяйственного производства преобладающее место занимало земледелие, чему способствовало наличие обширного фонда свободных земель с высоким содержанием чернозема, местами по качеству превосходившего чернозема в европейской части страны, и сравнительно благоприятные климатические условия южных округов края. Основной объем производства сельскохозяйственной продукции (95 %) приходился на долю 4 округов губернии: Красноярского, Ачинского, Канского и Минусинского. Хотя и здесь в обработке находилось всего лишь 10,7 % от всех пригодных к земледелию площадей¹.

Рост посевных площадей до начала XX в. происходил в основном за счет земель в степной и лесостепной зонах – наиболее благоприятных для земледелия. Однако с ростом переселенческого потока в распахку начинают использовать подтаежные и таежные зоны. При росте общей площади посевов уже с конца XIX в. наблюдается сокращение посевов на душу населения. Так, если в 1873 г. на душу населения обоюго пола в губернии приходилось 0,9 дес., то уже к 1901 г. – 0,6 дес.².

Земледельческое освоение в течение пореформенного тридцатилетия, несмотря на возрастающий приток переселенцев, продвигалось медленно, и в целом не привело к сколько-нибудь значительным качественным переменам, сохранив экстенсивный характер развития. Господствующей системой во всех округах губернии оставалась залежно-паровая, при которой вся возделываемая земля делилась на две части: одна под обработкой (пашня и пары), другая – в резерве (залежь). По мере истощения или засорения первой она поступала под залежь, а к обработке привлекались «отдохнувшие» земли.

Срок использования пашни сильно колебался: от 5–12 до 50–60 лет. Соотношение земель, находившихся в обработке и под залежью, в значительной степени определялось наличием свободных земель и плотностью населения. Так, в Красноярском округе, где была самая высокая плотность населения и меньше резерв свободных земель, под обработкой находилось 71,8 %, под залежью – 28,2 %. Тогда как в Ачинском под залежью находилась половина земельного фонда. В целом по 4 округам резервные земли составляли 38,8 %³.

Использование залежей было не только средством повышения плодородия почвы и борьбы с засоренностью, но одновременно позволяло земледельцам более гибко приспособляться к сложному рельефу и резким климатическим колебаниям, существенно осложнявшим условия крестьянского производства по сравнению с европейской частью страны. Так, в засушливые годы крестьяне переходили к распашке резервных земель в низинах, в дождливые – использовали залежи на холмах. Наличие резервного фонда позволяло оперативно реагировать и на колебание рыночной конъюнктуры. При возраставшем рыночном спросе на хлеб расширение производства шло за счет введения в обработку залежей, и наоборот, сокращение спроса приво-

дило к переводу части земель в резерв. Ежегодно по губернии выводилась из-под залежей примерно 1/15 часть земли, находившейся в сельскохозяйственном обороте.

Однако возможности экстенсивной системы были не безграничны, и в пореформенный период отмечается тенденция к увеличению доли земли под парами, а кое-где сокращение свободных земель заставляло переходить крестьян к трехпольным севооборотам, а также к методам более рационального и интенсивного использования земли. Так, в Минусинском округе крестьянин Ф.Ф. Девятков стал практиковать использование залежной земли под поскотину. Выгон скота на залежь способствовал уплотнению и унавоживанию земли, что позволяло сокращать сроки восстановительного периода и облегчало обработку земли после ее введения в оборот.

Сокращение фонда залежных земель (к 1917 г. он уменьшился до 12,6 %) поставило крестьян перед необходимостью поиска иных способов повышения плодородия земли, кроме залежей, заставив обратить внимание на удобрение. До 80-х гг. XIX в. удобрение пашни в губернии не практиковалось. Типичной картиной сибирских деревень и городов, где население также занималось земледелием, были горы навоза, свозившегося обычно к берегам рек, откуда они смывались весенним половодьем. Но опасность заражения водоемов и окрестного пространства беспокоила главным образом власти и санитарные учреждения, вызывая возмущение образованных чиновников невежеством крестьян, не желавших понимать значение удобрений для прогресса в земледелии. Однако такое поведение крестьян коренилось отнюдь не в их косности и нерадивости к собственной выгоде, а в нерациональности этого метода. Даже переселенцы из европейской части, продолжавшие практиковать на новом месте удобрение пашни, как они привыкли это делать у себя на родине, вскоре вы-

нуждены были отказываться от этого, поскольку в большинстве случаев удобрение приводило к удлинению периода роста. Хлеб не успевал вызревать. Как говорили сибирские крестьяне, «хлеб долго нежился». Печально закончился опыт по внедрению удобрения Я. Прейна, известного в Красноярске ученого-биолога, ратовавшего за освоение передовых технологий в сельском хозяйстве. У себя на заимке он удобрил пашню, но урожая не получил. Хлеб вырос в стебель, а колос остался пустым. Успешные результаты с применением удобрения оставались единичными и не вдохновляли крестьян, среди которых было распространено устойчивое убеждение, что «удобрять – только землю гадить».

В то же время в тех округах, где земля находилась в обороте продолжительное время, отношение к удобрению со временем начинает меняться. Раньше это проявилось у крестьян Красноярского округа, где земли под пашней находились с XVIII в. и была самая высокая плотность населения, что ограничивало возможности для экстенсивного ведения хозяйства. В 1879 г. один из крестьян в селе Березовка в качестве опыта удобрил 0,5 десятин земли, посеяв клевер. Клевер не уродился, но посев на участке зерновых на следующий год дал урожай, в 3 раза превысивший средние сборы. Это дало толчок для использования удобрений в соседних селах округа.

Однако даже в тех случаях, когда удобрение повышало урожайность в 2–3 раза, давая небывалый эффект, его дальнейшее применение было нерентабельным. Примечателен в этом плане пример крестьянина Минусинского округа Д. Братилова. В 1887 г. он по совету директора Минусинского музея Н. Мартьянова удобрил участок, находившийся в обработке 40 лет. Урожай собрал как с новины. Но от дальнейшего использования удобрения отказался, поскольку дешевле было поднять 1 десятину новой пашни,

чем удобрять такую же площадь старой. Подъем десятины нови обходился хозяину в 15 рублей, а удобрение такой же площади в 13 рублей. Но при этом новь давала хороший урожай стабильно в течение 20 лет, не требуя дополнительных затрат, а удобренная пашня всего лишь 2 года. Даже в волостях Красноярского округа, таких как Березовская и Заледеевская, где, как отмечалось, большая часть земель была уже истощена и наблюдался дефицит свободных земель, систематически применяли удобрения только 25 % хозяйств⁴. Удобрение пашни требовало больших затрат, чем распашка нови. Лишь первые два года она давала урожаи, превосходившие норму в 2 раза, в последующие 8 лет – в 1,5 раза, тогда как распашка нови позволяла использовать пашню 50–60 лет, получая достаточно высокие урожаи.

Для повышения плодородия земли в ряде волостей Минусинского округа, где земли были подвержены засухе, в 1870-х гг. стали применять оросительные системы. Пионерами в этом деле явились крестьяне с. Иудино Бейской волости, использовавшие остатки ирригационных сооружений, построенных еще в древности обитателями хакасских степей. Для устройства водной системы делали запруды на реке, а затем поднятую воду отводили на поля с помощью канав или деревянных желобов. Подобные сооружения, называвшиеся мочагами, использовали и для орошения сенокосных угодий. Орошение позволяло повысить укос трав в 3 раза.

Однако такая система была довольно дорогостоящей. Устройство канавы длиной в одну версту обходилось в 500 рублей⁵.

В структуре посевов преобладающее место занимали зерновые культуры (рожь, пшеница, овес, ячмень). Их соотношение определялось природно-климатическими условиями. В Енисейском округе преобладала озимая рожь

(67 %), в южных округах яровая рожь и пшеница (47,3 %), а также овес (24,1 %), незначительная доля приходилась на посевы ячменя (3,5 %). Большой популярностью пользовалась пшеница-белотурка, семена которой были привезены переселенцами с. Большеидринского. Отсюда она разошлась по другим округам, ее стали разводить и в старожильческих хозяйствах.

Определенное влияние на структуру посевов оказывала рыночная конъюнктура, с учетом которой крестьяне вынуждены были увеличивать долю посевов таких культур, как пшеница и овес, пользовавшихся повышенным спросом на рынке. Однако влияние рыночного фактора в пореформенный период еще не стало необратимой тенденцией, и даже в Минусинском округе, дававшем основную массу товарного хлеба, в структуре посевов преобладала рожь, не пользовавшаяся особым спросом. Но она была легче в производстве, не требуя от крестьянина особых затрат. Так, например, крестьяне Новоселовской волости предпочитали сеять яровую рожь, вместо пшеницы, пользовавшейся на рынке спросом, потому, что рожь более надежно обеспечивала потребности самого крестьянского хозяйства. «Рожь не ложь, а первая надежда крестьянина», – говорили местные земледельцы. Крестьяне с. Бейского того же округа преимущественно сеяли пшеницу, но отнюдь не потому, что она хорошо шла на рынке, а потому, что ее легче было сеять по жнивью, то есть более соответствовала сложившейся системе земледелия. Также и преобладание посевов овса у крестьян было обусловлено не столько потребностями рынка, а менее затратной и менее трудоемкой технологией производства. Таким образом, мотивация крестьян в выборе сельскохозяйственных культур и севооборотов диктовалась приоритетами внутренних потребностей крестьянского хозяйства, а не рыночным спросом.

Главным орудием крестьянина была соха. В Енисейской губернии, как и в других местностях Сибири, она заметно отличалась от ее российского варианта тем, что имела приспособление для отвала – «брыло» и регулятор глубины вспашки. Таким образом, сибирская соха представляла промежуточный вариант между классической сохой и малороссийским плугом. Было известно два типа сибирской сохи: бесколесная «рукопашка» или «рогалюха» и колесная – «колесуха», которая существовала в двух разновидностях – одноколесная (сабан) и двухколесная. Использование того или иного типа сохи определялось рельефом и качеством почвенного слоя. Сибирские почвы преимущественно относились к типу «тяжелых», задернённых, поэтому требовали больших усилий для обработки. Для вспашки нови применялась обычно двухколесная соха, более тяжелая и требовавшая как минимум двух лошадей в упряжке. В местностях с более истощенным слоем чаще применялась «рогалюха», имевшая простую конструкцию: две оглобли, рогаль, два железных лемеха и приспособление для отвала. С помощью «рогалюхи» производили неглубокую вспашку (3–4 вершка в глубину). Ее производительность позволяла обработать в течение одного дня всего лишь 1/3 часть десятины. В 1860-е гг. «рогалюха» вытесняется «колесухой». Она давала более глубокую вспашку и позволяла в течение рабочего дня обработать почти десятину земли, так же, как и плуг. В 1890-е гг. переселенцы стали практиковать в своих хозяйствах плуг Эккерта. Однако он был довольно тяжел и требовал 5–6 лошадей в упряжке. Хотя плуг и давал более ровный отвал, но плохо подходил к холмистому рельефу, характерному для местной пашни, поскольку был тяжелее сабана и требовал больше рабочих лошадей. Кроме того, он лучше очищал почву от сорняков так, как взрыхляя почву, вырывал сорняки с корнем. А плуг, поднимая пласты, подрезал корни.

Поэтому крестьяне предпочитали традиционные методы вспашки.

Для боронования применялась борона, представлявшая деревянную или железную раму с рядами металлических зубьев. Для уборки урожая в ходу были косы, серпы, «литовки». Для молотбы применялись специальные приспособления – «молотяги».

В 1880–1890-е гг. в крестьянских хозяйствах губернии начинает распространяться машинная техника: жнейки, молотилки, сеялки. Однако ее широкому применению мешали дороговизна и трудности с доставкой, поскольку техника привозилась из-за Урала. Так, молотилка фабричного производства стоила 400 рублей, веялка – 120 рублей. Высокая цена делала технику почти недоступной для крестьянина. Тогда на помощь приходили местные умельцы, изготавливавшие по фабричным образцам свои модели, в чем-то облегчая их использование и значительно удешевляя. Например, крестьянин Лучников из с. Таскино Минусинского округа усовершенствовал фабричную молотилку, сделав ее много легче и дешевле (80 рублей). В его родном селе таких молотилок насчитывалось 8 штук.

Крестьяне с охотой шли на приобретение техники, так как это значительно сокращало затраты рабочего времени и расходы на наем рабочей силы. Так, уборка урожая с одной десятины с использованием машинной техники обходилась в 5 рублей 50 копеек, тогда как при найме работника затраты возрастали до 9 рублей 50 копеек.

Особенно активно использовали технику переселенцы. Корреспондент газеты «Сибирский вестник» писал в 1894 г.: «С наплывом переселенцев в Сибири начинают замечаться некоторые усовершенствованные приемы при обработке. На участках, занятых переселенцами, начали распространяться конные плуги, железные бороны, ручные и конные сеялки, простой конструкции молотилки и веял-

ки, шерстобитки, мукомольные мельницы, ветряные и даже конные маслобойки и т.д.»⁶.

В 1890-е гг. в Енисейской губернии насчитывалось 743 веялки, 169 молотилок на общую сумму 60 тыс. руб.⁷ По обеспеченности техникой крестьянского хозяйства губерния значительно обгоняла другие регионы Сибири. Большую роль в распространении техники сыграли склады по продаже сельскохозяйственных орудий, которые начинают создаваться в губернии после постройки Сибирской железной дороги. В 1896 г. открылись склады в Красноярске и Ачинске, позднее в Канске и Минусинске. Они принадлежали Переселенческому управлению, созданному при Министерстве внутренних дел. Первое время условия продажи техники были довольно доступными для крестьян: в рассрочку в счет ссуд на домообзаводство, которые получали переселенцы. Но поскольку это стало убыточно для казны, то вскоре продажа в кредит была ограничена, и с покупателей стал взиматься задаток, равный 2/5 от стоимости товара. Кроме казенных складов, распространением сельскохозяйственной техники среди крестьян занимались частные фирмы.

Пахотным работам предшествовала расчистка пространства от леса. Для чего производилось либо подрезание сохой корней деревьев, либо «подчесывание», то есть вырубка коры по стволу дерева. После этой операции лес оставляли сохнуть («гноиться») на несколько лет. И только потом начинали расчистку. Иногда при густом лесном покрове на это уходило 10–20 лет. Длительность подготовительного срока перед расчисткой зависела еще и от состояния крестьянского хозяйства. Крестьянину, в достаточной степени обеспеченному рабочим скотом и орудиями труда, приходилось затрачивать меньше времени на расчистку, чем тому, кто победнее, поскольку последнему приходилось дольше выжидать, пока лес высохнет на-

столько, что расчистку можно было производить с меньшими рабочими затратами. В целом, издержки, связанные с расчисткой земли под пашню, обходились для крестьянина в довольно солидную по тем временам сумму – от 30 до 80 рублей.

Первая вспашка новины (взмет) делалась обычно неглубоко – на 1,5–2 вершка, поскольку считалось, что более глубокая вспашка истощает плодородный слой. Недели через две следовала вторая вспашка – «двоение», глубиной в 3–4 вершка. Прежде чем начать боронование, поле оставлялось на две-три недели, чтобы земля «упрела» и подсохли сорняки, выброшенные на поверхность при вспашке. Затем проводилось боронование. Его интенсивность зависела от качества почвы. Тяжелые глинистые почвы требовали более тщательной обработки. После боронования поле засевалось. Засев нови производили на следующую весну. После сбора первого урожая с нови следующий сев производили без пахоты по жнивью. Так повторялось в течение 3 лет, после чего поле шло под пары. Весной оно вспахивалось на один раз; вторичная вспашка проводилась летом. На следующую весну «первопарок» засевали. Таким образом, за 5 лет с нови снимали 4 жатвы, а затем переводили под пар. С этого времени пашня уже «парилась» периодически через год после посева и так до тех пор, пока она не переводилась под залежь. Иногда практиковали посевы ржи по жнивью без вспашки, так называемые «ленивки». Семена в этом случае заделывались бороной. Такой прием способствовал уплотнению почвы. Исследователями он рассматривается по аналогии с современным безпахотным земледелием.

Цикл земледельческих работ начинался со схода снега и продолжался до первого снега осенью. В зависимости от климатических условий в каждом округе это время длилось с апреля–мая до сентября–октября. Чтобы обеспечить

своевременное выполнение всего цикла работ (вспашка яровых на 2–3 раза, боронование, сев яровых, поднятие паров, уборка озими и яри, осенняя вспашка и сенокос), крестьянин должен был работать в чрезвычайно напряженном ритме. При этом какая-то часть времени терялась из-за непогоды, что ограничивало сроки работ и заставляло предельно ужесточать их интенсивность. Чтобы успеть уложиться в отведенный суровой сибирской природой срок работ, крестьянину иногда приходилось пренебрегать более тщательной обработкой пашни. Это, разумеется, не могло не сказываться на снижении культуры производства. Вместе с тем экстремальные условия сельскохозяйственного производства требовали от сибирского земледельца не только оперативности, трудолюбия, высокой организованности и дисциплины, но и обширных знаний, наблюдательности, развитого чутья, чтобы правильно определить время сельскохозяйственных работ, скорректировать глубину вспашки и плотность посева в соответствии с рельефом и почвенно-климатическими особенностями местности. Любая оплошность или нерадивость грозила обернуться потерей урожая, а значит, и опасностью для благополучия крестьянской семьи.

Агрономической службы в губернии до начала XX в. не было, и прогресс в земледелии осуществлялся главным образом благодаря таланту и трудам сибирского пахаря, создавшего народную агрономию⁸. Усилиями крестьян создавались опытные поля, где апробировались новые сельскохозяйственные культуры, велись наблюдения и селекционные работы по адаптации новых семян, привозимых переселенцами из Европейской России к новым сибирским условиям.

Большую роль по распространению сельскохозяйственных культур, севооборотов, техники и просвещению сибирских крестьян сыграл сельскохозяйственный отдел

Минусинского музея. Под началом создателя музея Н.М. Мартьянова устраивались выставки, распространялись среди крестьян агрономическая литература и передовой опыт. Культурно-просветительской работой по пропаганде передовых методов хозяйствования занимался и Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства, с подачи которого в губернии в 1892 г. состоялась первая сельскохозяйственная и промышленная выставка. На выставке были представлены лучшие породы скота, сельскохозяйственные культуры и машинная техника.

Увеличение сельскохозяйственного производства осуществлялось главным образом за счет расширения посевных площадей. Динамика их роста зависела от таких факторов, как рост населения, природно-климатические колебания и рыночная конъюнктура. По четырем южным округам, дававшим основную массу сельскохозяйственной продукции, она выглядела следующим образом:

Таблица 1

Динамика посевных площадей

Год	Посев. площадь (десятин)	Год	Посев. площадь (десятин)	Год	Посев. площадь (десятин)	Год	Посев. площадь (десятин)
1871	250 016	1876	317 778	1881	317 772	1886	304 460
1872	260 690	1877	301 250	1882	325 472	1887	309 540
1873	260 295	1878	263 921	1883	299 526	1888	300 066
1874	287 594	1879	294 341	1884	260 028	1889	302 015
1875	290 171	1880	294 341	1885	252 921	1890	307 981

Материалы по исследованию землепользования и хозяйственно-го быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. Вып. 4. Иркутск, 1894.

В целом, за 20 пореформенных лет расширение посевных площадей составило 15,1 % (по Европейской России –

15,6 %). Посевы озимых выросли на 3,8 %, посевы яровых оставались неизменными. При среднем посеве 11 пудов на десятину валовой сбор по всем зерновым по 4 округам губернии составил 71,4 пуда⁹. Конечно, урожайность сильно колебалась по годам в зависимости от погодных условий. В хорошие годы максимальная урожайность, например, в Минусинском округе, достигала 300 пудов с десятины, минимальная составляла 50–60 пудов. В северных волостях Канского округа, соответственно, максимальные сборы составляли 69 и минимальные – 23 пуда¹⁰. При этом следует учесть, что стихийные природные явления, неблагоприятно сказывавшиеся на урожайности, имели очень высокую частоту. Так, в течение 1858–1890 гг., то есть за 32 года, в губернии весенние холода повторялись 11 лет; засухи – 10 лет; сильные ветра – 9 лет; нашествия насекомых и грызунов – 13 лет; наводнения – 5 лет; осенние заморозки – 4 года; сильное поражение полей сорняками – 8 лет. Таким образом, за 32 года 71 раз посевы и урожай подвергались риску.

И все же, несмотря на суровые условия, сибирским земледельцам удавалось поддерживать такую урожайность, чтобы в достаточной степени обеспечивать население хлебом. Средний сбор всех зерновых в расчете на 1 душу населения в губернии составлял 44 пуда, или 5,5 четвертей, при норме потребления 2,5. Однако высокая урожайность достигалась благодаря тому, что в пореформенные годы еще не были исчерпаны возможности экстенсивного роста за счет введения залежей и нови. Но по мере роста населения, связанного с увеличением переселенческого потока, к концу пореформенного тридцатилетия фонд свободных земель начинает заметно убывать, вместе с этим ограничиваются и возможности повышения плодородия земли экстенсивными методами. И как следствие намечается тенденция к падению урожайности (табл. 2).

Таблица 2

**Урожайность по округам Енисейской губернии
(в самах)**

Годы	Округа						По 4 округам	
	Канский		Красноярский		Минусинский			
	озимь	ярь	озимь	ярь	озимь	ярь	озимь	ярь
1870–1879	6,2	4,0	7,3	3,9	4,9	4,5	5,9	4,2
1881–1890	6,0	3,8	7,0	3,4	4,7	4,4	5,8	3,7

Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. Вып. 4. Иркутск, 1894.

Таким образом, за двадцать лет общее снижение урожайности составило 5 %, это привело к сокращению душевых сборов на 21 %, тогда как в Европейской России наблюдается тенденция к повышению душевых сборов.

Но так или иначе в пореформенный период валовой сбор хлебов оставался вполне достаточным, чтобы не только обеспечить потребление крестьян, но и иметь определенный излишек, который шел на рынок. Так, по данным обследования сельского хозяйства губернии на 1890 г., по 4 южным округам сбор зерновых составил 21 млн пудов, из которых на посев ушло 3,5 млн пудов и 6,5 млн пудов составил излишек¹¹.

Излишки зерна шли на продажу. Однако рынок сбыта крестьянского хлеба, вплоть до проведения Сибирской железной дороги, ограничивался главным образом пределами губернии. Лишь небольшая часть хлеба из Ачинского и Минусинского округов шла в соседнюю Томскую губернию. На внутреннем губернском рынке основными покупателями хлеба являлись владельцы приисков, винокуренных заводов, население северных волостей, городов и ко-

ренные народности, главным занятием которых оставалось кочевое скотоводство.

Центрами сбыта товарного хлеба являлись базары в окрестных центрах – Красноярске, Канске, Ачинске, Минусинске и волостных селах – Тесинском, Абаканском, Каратузском, Ермаковском, Назаровском, Ужуре, Рыбинском, Емельяново, Сухобузимском. Главным поставщиком товарного хлеба был Минусинский округ, отсюда ежегодно по Енисею сплавлялось по 700 тыс. пудов зерна.

Сбыт на прииски и винокуренные заводы шел через скупщиков, перекупавших хлеб у крестьян. Скупка производилась, как правило, под задаток, составлявший от 1/8 до 3/4 цены продаваемого хлеба. Задаток представлял форму кабального кредита, при котором крестьянин терял от 1 до 10 копеек с 1 рубля за пуд хлеба. В удаленных же районах потери по цене возрастали от 5 до 15 копеек¹². Наценка являлась процентом за ссуду.

Цены на хлеб устанавливались зимой, достигая своего максимума к марту, и так держались вплоть до нового урожая. К осени в зависимости от нового урожая они опускались или росли. В условиях узости рынка, почти полного отсутствия кредитных учреждений цены на хлеб на губернском рынке испытывали резкие колебания. От перепадов цен страдало прежде всего трудовое население. При сокращении спроса крестьяне были вынуждены продавать по дешевым ценам даже хлеб, необходимый для потребления семьи, чтобы расплатиться за задаток, полученный от скупщика. По этому случаю среди местных земледельцев бытовала такая поговорка: «Не плачь, батюшка хлебец, что теперь продаю тебя, придет время и втрое за тебя заплачу, лишь бы домой вернуть».

Хлебные спекуляции были страшным бичом для городских жителей. Хлеб, поставлявшийся на городские базары, скупался оптовиками и затем перепродавался с наценкой.

Рядовые обыватели вынуждены были платить за него двойную цену. Даже в Минусинске цены за пуд хлеба поднимались до 1 рубля 40 копеек при средней цене 40–60 копеек.

Попытки властей ограничить деятельность перекупщиков с помощью административных запретов не давали успеха. Так, Красноярской городской управой было принято решение о введении потребительских норм на городском базаре, но они игнорировались оптовиками.

Новый этап в развитии земледелия в Енисейской губернии был связан с началом аграрной реформы П.А. Столыпина, частью которой являлась организация массового переселения крестьян в Сибирь. За 1906–1914 гг. переселилось 274 516 крестьян, на карте губернии возник 671 новый поселок. На территории губернии было образовано 14 переселенческих подрайонов, в которые включено 129 волостей и 4 инородческие управы.

Преимущественно расселение прибывавших крестьян на этом этапе шло в подтаежные и таежные районы, на долю которых приходилось 76,3 % всех возникших поселков. Это прежде всего волости на севере Ачинского и Канского уездов и юго-восточные – в Красноярском уезде. В Ачинском уезде переселенческие поселки составили 59,5 % от всех русских поселений, Канском – 67,9 %, Красноярском – 49,5 %, Минусинском – 35,5 %¹³. В итоге существенно выросла доля хозяйств, расположенных в неблагоприятной зоне, составив к 1914 г. 33,1 %¹⁴.

Массовый приток переселенцев сопровождался ударными темпами землеотводных работ, пик которых пришелся на 1908 г. Под все виды переселенческих участков в 1906–1916 гг. в губернии было отмежевано 3 094 267 дес. земли из расчета на 145 155 душевых наделов¹⁵. Это даже превысило потребности в них на 29 319 душевых наделов. Однако значительная часть отмежеванных наделов распо-

лагалась на некачественных землях. Так, в Красноярском уезде 2/3 переселенческих участков располагались в подтаежных волостях. В Канском уезде половина всех участков была нарезана в таежных Тасеевской и Выдринской волостях. В Ачинском уезде основным районом землеотводных работ стала подтаежная Большеулуйская волость. Очень часто земли отводились без необходимого исследования района будущих поселений. Экспедиции землеустроителей наносили их на карты, не проверяя качество земель, а со слов местных жителей. Поэтому эти земли либо вовсе оставались незаселенными, либо переселенцы вынуждены были покинуть их по причине непригодности земли, удаленности участков от населенных пунктов и путей сообщения.

Организация здесь новых хозяйств сопровождалась громадными трудностями, а крестьян, отважившихся на это, ожидала совсем не райская жизнь, которую обещали чиновники, заманившие их в Сибирь, а нищета, хуже, чем в местах их прежнего поселения. Так, в отчете о положении переселенцев, поселенных в Вознесенской волости Красноярского уезда, говорилось: «Все переселенческие участки покрыты густым лесом, благодаря чему разработка земли под пашню сопряжена с затратой массы труда и времени и требует неослабной энергии и массы средств. Поселившиеся на участке переселенцы, прожив несколько лет, едва могли распахать $\frac{1}{2}$ – 1 дес.»¹⁶.

Губернское управление землеустройства и переселений было завалено жалобами крестьян на низкое качество землеотведения. Заведующий управлением В.Ю. Григорьев вынужден был признать, что большая часть земель Ачинского, Канского, Красноярского и Минусинского уездов, которые отводятся переселенцам, не может быть использована непосредственно для организации на них крестьянского хозяйства. Она нуждается в работах по подготовке

этих земель: расчистке от леса, мелиорации и т.д. Таким образом, с одной стороны, в губернии образовался переизбыток отмежеванных для переселенцев земель, с другой – поскольку они оказались малопригодными для земледелия, возникла нехватка колонизационного фонда. Чиновники пытались решить вопрос дефицита земель для переселенцев за счет отмежевания, якобы излишков ее у старожилов, что приводило к ухудшению хозяйственного положения этой части населения и способствовало нарастанию социальной напряженности в деревне.

Благодаря переселенцам в сельскохозяйственный оборот было введено 301 337 дес. пашни, в результате чего в целом по губернии посевные площади увеличились на 35 %. В отдельных уездах, как, например, в Канском, рост посевных площадей составил более чем 3 раза. По темпам роста посевных площадей Енисейская губерния стояла на втором месте в Сибири, уступая только Томской.

В то же время наблюдается сокращение посевных площадей на душу населения. Если в 1901 г. посевная площадь на душу населения составляла 0,6 дес., то в 1909–1914 гг. она колебалась от 0,44 до 0,6 десятин¹⁷. Дело в том, что большинство переселенцев в первые годы не заводили пашни, так как не имели для этого необходимых хозяйственных ресурсов. Как минимум требовалось 1–2 года, чтобы начать самостоятельное хозяйство, а до этого приходилось работать по найму у старожилов или на промыслах, чтобы заработать на покупку рабочего скота, инвентаря и домообзаводства.

Под влиянием массовых переселений начинает изменяться и структура посевов, в ней заметно возрастает доля яровой пшеницы, что было связано с ростом на нее рыночного спроса. Хотя в Енисейской губернии отмечается такая особенность, как возрастание доли посевов озимой ржи,

тогда как по всем другим сибирским губерниям она неуклонно снижалась.

Таблица 3

Рост посевных площадей 1901–1915 гг.

Губерния	Общая площадь посева в среднем в год (дес.)			Рост площади посевов, % к 1901– 1905 гг.	
	1901– 1905	1905– 1910	1911– 1915	1906– 1910	1911– 1915
Енисейская	411 464	454 565	557 115	110,5	135,4

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи в 1916 г. Пг. 1917. Вып. 3; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1975.

По всей губернии она составляла 28,4 %, а по отдельным уездам и того выше: Канскому – 39 %, Енисейскому – 36 %. Это можно объяснить тем, что преимущественно осваивались подтаежные районы, где озимая рожь традиционно доминировала в силу климатических условий. Вообще, если сравнивать структуру посевов в Енисейской губернии с Западносибирскими, то очевидна значительная разница в доле посевов грубых хлебов. Так, если их доля в Западной Сибири составляла менее 10 %, то в Енисейской – 41,5 %, тогда как доля пшеницы соответственно 50 и 25,7 %. Дело не только в более суровых климатических условиях, но и в том, что по степени товарности сельского хозяйства Енисейская губерния существенно уступала Западносибирским. Спрос на хлеб ограничивался преимущественно внутренними потребностями, а они в этот период даже имели тенденцию к понижению за счет сокращения в структуре населения жителей городов, являвшихся основными потребителями хлеба.

Таблица 4

**Структура посевов сельскохозяйственных культур, %
к общей площади**

Годы	Озимые хлеба		Яровые хлеба						Технические культуры		
	рожь	пшеница	рожь	пшеница	овес	ячмень	гречиха	просо	картофель	лен	конопля
1901–1905	24,76	0,36	21,5	24,12	19,23	2,77	1,53	0,8	2,18	0,56	1,48
1906–1910	24,9	0,32	14,97	27,26	22,79	3,21	0,97	0,47	2,09	0,66	1,7
1911–1915	28,40	0,26	13,12	25,70	22,30	3,55	0,79	0,74	2,57	0,67	1,24

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи в 1916 г. Пг. 1917. Вып. 3; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1975.

Сокращение фонда резервных земель в результате массовых переселений имело своим непосредственным следствием изменение в системе севооборотов. Если раньше преобладающей системой в губернии являлась залежно-паровая и доля залежных земель в губернии составляла 38,8 %, то в начале XX в. она сократилась более чем в 3 раза, заметно сокращается и срок залежности. Раньше земля оставалась в залежи от 10 до 50 лет, теперь сроки сократились до 5 лет. Заметно возрастает доля паров в структуре севооборота, составляя почти треть всех посевов. Залежно-паровая система преобладала у старожилов, тогда как переселенцы в основном практиковали трехполье. Если в системе севооборотов происходили хотя бы какие-то изменения, то удобрение пашни, как и ранее, носило случайный характер.

Сокращение земельного резерва, а также рост рыночного спроса стимулировали крестьян к интенсификации сельскохозяйственного производства прежде всего за счет использования машинной техники. Этому также способствовала и политика Переселенческого управления, под эгидой которого была создана целая сеть складов по продаже сельскохозяйственной техники. К 1914 г. в губернии было открыто 37 складов, в основном располагавшихся в городах¹⁸. Техника продавалась в кредит под задаток, доходивший иногда до половины стоимости товара, тогда как на частных складах задаток был существенно ниже – 1/6 и кредит давался на 2–3 года. К началу Первой мировой войны некоторые частные фирмы снизили задаток до 1/20 стоимости. Таким образом, казна превратила продажу техники в своего рода бизнес, приносящий ей немалые доходы.

Продажи техники в период с 1907 по 1912 г. выросли в 3 раза по сравнению с 1898–1905 гг. За 1906–1912 гг. крестьянами Енисейской губернии было потрачено 7 млн руб. на покупку техники¹⁹. За период с 1890 по 1917 г. число веялок выросло в 14 раз, молотилок – в 61 раз. Существенно выросла и номенклатура продаваемой техники, составив к 1914 г. 57 наименований, в том числе: культиваторы, плуги, сеялки, веялки, зерносушилки и т. д. По ряду наименований уровень обеспеченности техникой в губернии превосходил общесибирские показатели. Так, обеспеченность плугами в губернии составила 15,96 на 100 дес. посева, а по Сибири – 11,05; молотилками соответственно 1,46 и 1,33²⁰.

Спрос на технику был настолько высоким, что продавцы не успевали его удовлетворять. Это заставило Переселенческое управление прибегнуть к помощи местных кустарей, которым стали давать заказы на те образцы, производство которых у них уже было отлажено. Вскоре выяснилось, что крестьяне предпочитали покупать именно ме-

стную продукцию, не только потому, что она была дешевле, но и потому, что кустари, учитывая местную специфику почв, рельефа и т.д., вносили соответствующие конструктивные изменения.

Однако распространение техники характеризуется неравномерностью. Более обеспечены были ею хозяйства южных районов, тогда как в северных по-прежнему работали по старинке. Кроме того, на обеспеченность техникой сильное влияние оказывало экономическое положение крестьянского хозяйства. В силу своей дороговизны она была недоступна бедноте. Правда, в деревнях получила распространение такая форма пользования техникой, как аренда. Зажиточные хозяева, владельцы машин сдавали их в арендное пользование тем, кто победнее.

В общей сложности в губернии к 1917 г. насчитывалось 171 282 единицы сельскохозяйственной техники, тогда как деревянных орудий труда 91 655. В целом по Сибири только 1/5 хозяйств не использовали машины и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, тогда как в 34 губерниях Европейской России этот показатель составлял 52 %. Даже в черноземной Тамбовской губернии, основу экономики которой составляло земледелие, не имели никакой техники 79,6 % крестьянских хозяйств²¹.

О том, насколько сильные изменения в жизни крестьян произошли под влиянием техники, писал издававшийся в губернии журнал «Сибирская деревня»: «Повсюду наблюдается необыкновенный рост употребления улучшенных сельскохозяйственных машин и орудий. Допотопная соха уступает место стальному плугу, вместо самодельной бороны-волокуши появляются пружинные культиваторы и дисковая борода, серп и литовка заменяются жаткой и сенокосилкой, молотить начинают уже не цепями, а нередко сложной паровой молотилкой, веют зерно уже не с лопатки, а на веялках и сортируют на куклеотборниках. Приме-

нение улучшенного сельскохозяйственного инвентаря дает сразу же видимые и ощутимые результаты: плугом пахать легче, чем сохой, и пашня обрабатывается лучше; на веялке зерно очищается скорее и лучше, чем при прежнем способе отвеевания с лопаты. То же самое можно сказать и про все машины и орудия: работать на них легче, а результаты получаются лучше, чем при прежних способах обработки земли или уборки урожая»²².

Конечно, в первое время новая техника вызывала недоверие, в деревнях машины называли «дьявольскими выдумками» и пугливо крестились только при одном их виде, говорили о скором приходе Антихриста. Однако неоспоримые преимущества техники в повышении производительности и облегчении крестьянского труда очень быстро вытесняли предрассудки и страхи. Таким образом, можно говорить, что еще до 1917 г. в енисейской деревне произошел перелом в технической оснащенности сельского хозяйства. Хотя использование примитивной машинной техники и усовершенствованных орудий касалось больше операций уборки урожая и его обработки, в меньшей степени – обработки пашни. Безусловно, это еще не означало перехода отрасли на промышленные рельсы, но шаг в этом направлении был сделан.

Важную роль в переходе к современным способам земледелия играла агрономическая служба. До столыпинской реформы она фактически отсутствовала, культурный прогресс осуществлялся силами немногих одиночек, талантливых самоучек, новаторов. Губернаторы в ежегодных отчетах только сетовали на то, что уровень агрономических знаний крестьян чрезвычайно низкий, хозяйство ведется староредедовскими методами, но ничего не предпринимали, чтобы изменить положение. И только массовый приток переселенцев на сибирские земли заставил власти взяться за решение этого вопроса. В 1904 г. была создана

губернская агрономическая организация в составе агронома, инструктора по молочному хозяйству и инструктора по пчеловодству. В 1907 г. при губернском Управлении землеустройства была учреждена должность агронома, в 1908 г. в помощь ему были назначены еще три инструктора по ремонту сельскохозяйственной техники. Однако малочисленность штата и крайне скудное финансирование фактически обнуляли ее работу. Четыре специалиста на губернию масштабом с четыре Франции, конечно, не могли сколько-нибудь существенно повлиять на состояние дел.

Не обладая необходимыми ресурсами, руководство этих организаций решило ограничить сферу своей деятельности территорией к северу от железной дороги, куда в основном и шел поток переселенцев. Начинается изучение почвенно-климатических условий этого района, организуется опытные посевы, распространяется среди крестьян экспериментальный посевной материал. Из зерновых в качестве опытного материала использовались: овес шатиловский, овес австралийский, пшеница белоколоска, ячмень голый, ячмень шевалье. Производились посевы кормовых трав – клевера, могоара, вики, а также огородных культур – огурцов муромских, капусты брауншвейнской, лука ростовского и т. д. Специалисты пропагандировали новую технику, распространяли научно-популярную литературу по агрономии.

Однако какого-либо серьезного эффекта для развития крестьянского хозяйства деятельность этих организаций не имела. В 1909 г. они были объединены, штат новой организации вырос до 17 человек, в 1911 г. уже до 45 человек, увеличено было и финансирование. К 1913 г. в губернии насчитывалось 1 120 опытных участков, на которых специалисты занимались посевами сортированных и несортированных семян, демонстрировали новые способы обработки пашни, практиковали восьмипольные севообороты: пар, рож, клевер, овес, ячмень, вика, пшеница. Под эгидой

агрономической организации создавались зерноочистительные пункты, что позволяло увеличивать долю качественного посевного материала. Проводились также лекции, беседы среди крестьян с целью распространения агрономических знаний, которыми в 1913 г. были охвачены 16 345 человек²³.

Опорными пунктами агрономической организации являлись сельскохозяйственные общества, численность которых в губернии к 1915 г. выросла до 27. При них организовывались опытные поля, прокатно-демонстрационные пункты сельскохозяйственной техники, метеорологические станции, библиотеки. Тем не менее возможности агрономической службы были крайне ограничены, а крестьяне были предоставлены самим себе в борьбе за урожай. Агрономы, например, так и не смогли избавить крестьянские поля от вредителей, от которых каждый год терялась огромная часть урожая. Правда, иногда специалисты агрономической службы сталкивались с отрицательным отношением крестьян к попыткам оказать им помощь. Например, в 1912 г. крестьяне села Перевозинское в Канском уезде наотрез отказались от опрыскивания посевов против кобылки, заявив, что «дело это божье, как он помилует, так и будет». Даже губернские чиновники вынуждены были признавать неэффективность работы агрономической службы. Так, в отчете начальника губернского Управления земледелия и государственных имуществ за 1913 г. отмечалось, что работа Агрономического совещания является фикцией²⁴.

Таким образом, отмеченные положительные изменения не сильно повлияли на урожайность; по-прежнему она сильно зависела от климатических колебаний. За 1910–1915 гг. диапазон колебаний урожайности с десятины по всем зерновым составил от 4,3 четвертей до 8,5. Наиболее сильные неурожаи охватили всю губернию в 1909 и 1912 гг., помимо этого, наблюдались частичные неурожаи в 1910 и

1911 гг. Учитывая, что население росло быстрее, чем шло расширение пахотных земель, то и производство зерна на душу населения сокращалось. Из таблицы видно, что урожайность по зерновым по сравнению с началом 1890-х гг. упала в 1,7 раза.

Таблица 5

Производство зерновых на душу населения

Годы	1890	1906	1909	1913	1915
Производство зерна на душу населения в четвертях	5,1	3,1	1,9	3,9	2,8

Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

Приток населения в губернию увеличивал спрос на хлеб на внутреннем рынке, что способствовало росту товарности земледелия. Основными покупателями теперь являлись не только горожане, но и сами крестьяне, особенно те из переселенцев, кто не мог сразу обзавестись собственным хозяйством. Кроме того, повышению товарности земледелия способствовало строительство железной дороги, благодаря которой хлеб, производимый в губернии, теперь вывозился в соседние: на запад – до Челябинска и на восток – до Забайкалья. Это привело к дефициту хлебного рынка в губернии и росту цен на хлеб, от которого выигрывали зажиточные старожилы и проигрывали горожане и основная часть переселенцев. В итоге перед Первой мировой войной новым явлением в экономической жизни региона стал ввоз хлеба. Если раньше на внутреннем губернском рынке наблюдался избыток хлеба и соответственно низкие цены на него, то в 1909–1913 гг. средний ежегодный ввоз хлеба превосходил вывоз на 140, 6 тыс. пудов²⁵. В

неурожайные годы многие крестьяне вынуждены были обращаться к властям за ссудой для покупки хлеба. Так, Енисейская губерния превратилась из сибирской житницы в регион, где население начинает испытывать дефицит товарного хлеба.

Землевладение

Прогресс в земледелии сдерживался архаичной системой землевладения, сложившейся еще в XVIII в. Верховная собственность на землю принадлежала государству и Кабинету, а крестьяне выступали в качестве держателей при условии выплаты подати. Хотя на практике крестьяне часто выходили за рамки закона, присваивая *de facto* право распоряжения землей.

Доля частного землевладения в Сибири, несмотря на неоднократные попытки правительства по его насаждению, составляла 582 тыс. десятин, а в Енисейской губернии – 60 тыс., что не превышало 1 % от всех земель, находившихся в земледельческом обороте. Основная часть пахотных земель – 5,3 млн дес. (92,8 %) находилась в наделном землевладении.

Крестьянское наделное землевладение основывалось на началах захватно-заимочного устройства, при котором крестьянин, приходивший на свободные земли, захватывал надел соответственно своим хозяйственным возможностям, считая его своею собственностью даже в том случае, если он переставал его обрабатывать и переходил на новые земли. Избрав понравившийся участок, крестьянин огораживал его или опахивал. Размер надела определялся по такой формуле: «куда соха, топор и коса ходили».

Крестьянин мог свободно распоряжаться наделом: продавать, сдавать в аренду или передавать по наследству. Однако, несмотря на относительно широкую самостоя-

тельность крестьянина в распоряжении земель, в Сибири, как и во всей России, не сложилось индивидуально-фермерского типа, а господствовало общинное надельное землевладение. Община выступала как самостоятельное юридическое лицо с правом владения землями, принадлежащими ее членам, что давало ей право регулирования поземельных отношений. Поэтому сибирский крестьянин обычно говорил «земля наша», а не «земля моя» и распоряжаться своим наделом мог только с санкции общинного приговора.

Общине же принадлежало право собственности над всеми заимками, находившимися в распоряжении отдельных крестьянских семей. Заимщики пользовались общинными лесами, выгонами и были связаны круговой порукой при уплате государственных податей и несении повинностей. Сохранение общины в Сибири было обусловлено не только традицией русских крестьян, принесших в новые края привычные формы быта, но и специфическими для Сибири условиями: неоднородностью социального состава земледельческого населения (старожилы, новоселы, казаки, инородцы, ссыльнопоселенцы и т.п.), постоянным притоком переселенцев, экстремальными условиями для земледельческого хозяйства. Все это повышало организаторскую роль общины, и если на ранних этапах она в основном ограничивалась административными функциями – сбором податей и организацией общинных работ, то со временем по мере сокращения фонда свободных земель и нарастания земельной тесноты община все активнее начинает вмешиваться в поземельные отношения.

В Енисейской губернии была распространена захватно-заимочная форма землевладения, однако захватное право далеко не всегда гарантировало собственнику свободное распоряжение землей. Важным условием владения землей было ее использование в качестве объекта трудовой дея-

тельности, так называемое трудовое право. В спорных ситуациях, когда земля, принадлежавшая владельцу на основании захватного права, не обрабатывалась им, она могла перейти во владение другого земледельца, который использовал ее в хозяйственных целях. Так, например, Курагинский волостной суд, разбирая спор между двумя крестьянами, один из которых вспахал землю, принадлежавшую другому общиннику, но не обрабатывавшуюся последним, вынес приговор в пользу крестьянина, вспахавшего землю, несмотря на то, что ее прежний хозяин засеял пашню своими семенами. В качестве компенсации за семена общество присудило ему половину урожая, но право владения землей было признано за первым крестьянином, поскольку для него владение этим наделом являлось условием для реализации его права на труд²⁶.

В этом приговоре следует обратить внимание на то, что право на труд для крестьян имело приоритетное значение по сравнению с правом собственности. Практика волостных судов дает многочисленные свидетельства того, что даже грубое нарушение прав собственности считалось для крестьян оправданным, если оно мотивировалось требованиями трудовой этики, согласно которой право собственности было обусловлено ее трудовым происхождением. Другими словами, сущность правосознания сибирского, как и вообще российского крестьянина, выражалась в известной формуле: «Кто не работает, тот не владеет».

Специфичность правовых представлений о собственности на землю стесняла практику купли и продажи земли. Купленная земля сплошь и рядом не признавалась волостными судами законной. Так, например, крестьянин Назаровской волости Голубцов подал иск на крестьян его волости, распахавших землю, которую он купил за 36 рублей. Суд отклонил его иск на том основании, что «торговля пашнями не может быть дозволена», и постановил взы-

скать убыток, но не с тех, кто нарушил его право на владение купленной землей, а с тех, кто ему продал землю²⁷. Право купли-продажи земли признавалось лишь в исключительных случаях. Обычно акт купли-продажи земли камуфлировался тем, что продается не земля, а труд, вложенный в ее обработку.

В 1880–1890-е гг. община в Сибири вступает в новую стадию своего развития – уравнительно-передельную, для которой было характерно дальнейшее ограничение прав отдельного крестьянина на землю. Община по решению мирского собрания сдавала в арендное содержание пахотные земли, покосы, заимки, производила переделы земель, покосов, пастбищных угодий, регулировала пользование лесами, распоряжалась выморочными усадебными землями, могла отбирать наделы и передавать их во владение другим хозяевам. Для сознания крестьян вполне естественной и законной была норма: «Владей и пользуйся землей, пока общество не сочтет нужным отобрать». Таким образом, сибирская община эволюционировала в направлении к уравнительному землепользованию, сближавшему ее с общиной в европейской части страны, хотя этот процесс и не завершился в пореформенный период, и индивидуальное землепользование, особенно в Восточной Сибири, еще в значительной степени сохраняло свою автономию.

Возрастание регулятивных функций общины и уравнительных тенденций не следует представлять лишь как торжество примитивно коммунистического начала. Уравнение преследовало цель обеспечить право каждого на землю как на условие труда. Но труд для крестьянина был не только правом, но и обязанностью каждого члена общины. И если она не выполнялась или выполнялась недобросовестно, то община могла взыскивать с нерадивых хозяев. Так, за неисполнение повинностей и неплатежи надел отбирался.

Община могла передать надел неплательщика хозяину, способному исправно платить мирские сборы и вести хозяйство. Община заботилась о максимально эффективном с точки зрения агротехники использовании земель. В этом смысле община не только не препятствовала сельскохозяйственному прогрессу, но и содействовала ему, используя рычаги экономического и административного давления, побуждая крестьян к рациональному ведению хозяйства. Община не противоречила частной инициативе, а, напротив, защищала и даже стимулировала ее. Так, разверстка наделов производилась исходя из производственных возможностей крестьянского хозяйства, строго индивидуального подхода, учитывавшего даже возрастные и физические способности к труду. Поэтому в общине всегда были неравенство и разделение на крепких хозяев и бедняков.

Хозяйственная самостоятельность сибирского крестьянина в общине развилась, по мнению сибирского историка С.П. Швецова, настолько сильно, что стала «одной из характерных черт его нравственной физиономии и дух предпринимательства заметно отличал сибирского крестьянина от его собратьев в Европейской России»²⁸.

По мере возрастания переселенческого движения правительство активизировало законодательное регулирование землеустройства переселенцев в Сибири. Основные положения землеустройства переселенцев были определены законом 13 июля 1889 г., который на территорию Енисейской губернии был распространен в 1892 г. По закону земля переселенцам предоставлялась в постоянное пользование с правом самим определять форму землепользования: подворную или общинную. В 1893 г. генерал-губернатор Восточной Сибири А.Д. Горемыкин внес проект о передаче крестьянам права собственности на отведенные земли за выкуп, что означало распространение на сибирских крестьян прав, которыми пользовались государ-

ственные крестьяне европейской части России. Однако правительственные чиновники не поддержали его, и закон 23 мая 1896 г. подтвердил существовавшие ранее правила передачи земли крестьянам в пользование за уплату повинностей – государственной оброчной подати. Закон регламентировал размер крестьянского надела, установив норму в 15 десятин.

Помимо пользования наделными участками, крестьяне могли арендовать земли казенно-оброчных статей. Наибольшая площадь казенно-оброчных статей приходилась на земли вокруг городов и на Минусинский округ, где доходы от них составляли в 1880-х гг. от 35 до 43 процентов²⁹. С постройкой Сибирской железной дороги стали практиковать образование запасных земель, на которых предполагалась организация дворянских хозяйств. Они сдавались местным крестьянам в аренду на тех же основаниях, что и казенно-оброчные статьи. Они, как правило, были лучшего качества, что и вынуждало крестьян брать их в аренду. По мере того как увеличивался поток переселенцев и сокращался фонд свободных земель, желающих арендовать казенно-оброчные земли и запасные участки, становилось все больше. Доходы казны росли, составив в 1899 г. 286 655 руб. С 1884 по 1898 г. они увеличились в 9 раз³⁰. Таким образом, интенсивность эксплуатации крестьян казной с конца XIX в. постоянно возрастала.

Землеустройство в период столыпинской аграрной реформы

Столыпинская аграрная реформа стала кардинальным поворотом в отношении к традиционному крестьянскому землевладению: от его консервации к ликвидации и насаждению крестьянской собственности на землю. Естественно, что это коснулось и Сибири, правда, на Сибирь не ста-

ли распространять действия указа от 9 ноября 1906 г., закона от 14 июня 1910 г. и «Положения о землеустройстве» от 29 мая 1911 г., которые санкционировали выход крестьян из общины и выделение наделов в собственность. В то же время власти стали усиленно насаждать здесь хутора и отруба как среди переселенцев, так и среди старожилов.

Инструментом осуществления курса на хуторизацию являлось землеустройство. Надо заметить, что еще в 1900 г. правительством были приняты правила о подворном и хуторском устройстве для водворявшихся в Сибири переселенцев, в котором признавалось право переселенцев к образованию хуторов и отрубов. Следующим шагом стал циркуляр Главноуправляющего землеустройства и земледелия от 31 марта 1908 г., в котором провозглашалось приоритетное право для хуторских и отрубных хозяйств при проведении землеустройства. Циркуляр обязывал переселенческих чиновников на местах оказывать содействие пожелавшим выделиться на хутора и отруба путем предоставления ссуд для проведения размежевания.

Однако практические шаги в этом направлении власти стали форсировать только с 1911 г., когда Советом министров было принято положение «О порядке заготовления переселенческого фонда за Уралом». Власти мотивировали переход к активной землеустроительной политике тем, что сибирские крестьяне снизу иницируют движение за проведение внутринадельного размежевания общинных земель. Действительно, такая тенденция наблюдалась, но только в тех местностях, куда шел переселенческий поток. Старожилы этих местностей поддерживали внутринадельное межевание потому, что опасались потерять излишки земель, которые могли отмежевать в колонизационный фонд, а переселенцы шли на это в расчете на то, что при внутринадельном размежевании со старожилами они смогут изменить соотношение разных по качеству земельных

участков в свою пользу. В тех местностях, где переселенческий поток был незначительным, старожилы проявили полную индифферентность к нововведениям и предпочитали сохранить традиционный общинный порядок. При этом это касалось как зажиточных, так и бедноты.

Эта инертность объясняется не только привычным житейским скептицизмом ко всяким нововведениям, идущим от власти, но и вполне рациональными причинами. Дело в том, что при проведении размежевания крестьяне могли бы потерять возможность пользования неучтенными землями, с которых они не платили подати. Этот мотив был куда более существенным, чем укрепление излишков в собственность для богатых или уравнильный передел для бедноты. По данным исследователя И.А. Асалханова, изучавшего этот вопрос, масштабы внутринадельного размежевания, проводившегося с 1908 по 1917 г., затронули 16,8 % сельских обществ губернии с общей площадью 902 941 дес. земли³¹. Это весьма скромные результаты. И подчеркнем, что размежевание в основном проводилось среди переселенцев, а не старожилов, доля которых в общей массе составила 0,3 %. И это несмотря на то, что на крестьян оказывалось сильное моральное давление.

Чиновники пытались убедить их, что размежевание приведет к устранению чересполосицы, будет способствовать более удобной конфигурации крестьянских наделов, закрепит право свободного распоряжения землей и т. д. Однако подавляющая масса крестьян относилась к перспективам подобной «оптимизации» с недоверием. Конечно, низкий процент сельских обществ, подвергнувшихся размежеванию, отчасти объясняется тем, что губернские чиновники не могли удовлетворять в полном объеме заявки на размежевание, поступавшие от крестьян, по причине нехватки кадров землемеров и недостаточного финансиро-

вания работ. В среднем за год выполнялось чуть более половины заявок.

Отношение крестьян к хуторизации было неоднозначным. Современники отмечали, что в основном на хутора шли переселенцы, прибывшие из тех районов, где эта форма организации хозяйства сложилась исторически. Например, выходцы из Прибалтики, Юго-Западной Украины, Белоруссии. Так, при обследовании 355 хуторских хозяйств в 1912 г., образованных в Ачинском, Красноярском и Канском уездах, выяснилось, что 336 из них принадлежали выходцам из Витебской и Лифляндской губернии. Однако большинство переселенцев не проявляли должного интереса к хуторам, и землеустроителям приходилось многие хуторские участки отдавать под общинное пользование.

В общей сложности к 1916 г. в губернии было образовано 7 319 хуторов и отрубов, в собственности хозяев которых находилось 246 689 дес. земли, что составляло 10,9 % крестьянских земель. При этом на фоне других сибирских губерний именно Енисейская по числу отрубов и хуторов занимала первое место и на ее долю приходилось 30,3 % от их числа в Сибири³².

Однако хуторские хозяйства в Енисейской губернии, как и по всей Сибири, равно как и по стране в целом, не стали локомотивами перестройки сельского хозяйства на промышленной основе. Их доля в валовом производстве была ничтожно мала, а с точки зрения агрикультуры они мало чем отличались от других крестьянских хозяйств.

Альтернативой правительственной политики модернизации деревни на основе частнокапиталистического хозяйства стало кооперативное движение, зародившееся в крестьянстве. Крестьяне создавали кредитные товарищества, кооперативы по закупке сельскохозяйственной техники, промышленных товаров и сбыту сельскохозяйственной

продукции. Особенно широкое развитие получили маслодельные кооперативы. В целом к 1914 г. в губернии насчитывалось 249 кооперативных обществ, к 1916 г. их число возросло до 262.

Особой популярностью пользовались кредитные кооперативы. Они принимали вклады крестьян (под 5–6 % годовых) и выдавали кредиты (12 %). Некоторые кредитные товарищества проводили хлебозалоговые операции, строили элеваторы, выступали посредниками при покупке крестьянами сельскохозяйственной техники. Их члены имели льготы при покупке техники с сельскохозяйственных складов. Товарищества создавались на паях, т. е. каждый должен был внести свой пай и иметь имущество на определенную сумму, чтобы гарантировать свою платежеспособность. Несмотря на то что членами их могли стать только зажиточные и середняцкие хозяйства и в редких случаях – беднота, масштабы их деятельности неуклонно росли. Так, в 1909 г. в губернии кредитными товариществами было выдано ссуд на 49 560 руб., в 1910 – на 194 634 руб., 1913 г. – на 975 281 руб.³³

Потребительские кооперативы объединяли крестьян для совместного сбыта своей продукции и закупки промышленных товаров. По численности они занимали второе место после кредитных. Перед Первой мировой войной в губернии широкое распространение получили маслодельные кооперативы.

Для координации работы всех кооперативов в 1912 г. в Красноярске было создано Восточносибирское общество сельского хозяйства, промышленности и торговли. В его состав входили 208 членов, представлявших разные кооперативные общества. Кооперативы объединяли в основном старожильческое население, доля переселенцев в них была незначительной. Так, из 262 кооперативов в губернии на

1916 г. всего лишь 33 были организованы среди переселенцев.

Скотоводство

Обеспеченность крестьян землей в губернии была несравненно выше, чем за Уралом. Средний душевой надел при трехпольной системе земледелия составлял 16 десятин, тогда как у государственных крестьян в европейской части страны он был равен 8 десятинам. В душевой надел наряду с пахотными землями входили и покосы, поэтому его достаточно высокий размер создавал благоприятные условия для развития скотоводства. За пореформенное тридцатилетие общее поголовье скота по 4 южным округам губернии выросло на 49,5 % и составило к 1890 г. 1 451 069 голов³⁴. По отдельным видам скота на 100 душ населения приходилось: лошадей – 131, крупного рогатого скота – 110, овец, свиней и коз – 203, итого – 444. Основная часть поголовья (56 %) была сосредоточена в Минусинском округе. Здесь на территориях, где проживало коренное население, на 100 душ приходилось 1 003 головы скота.

Содержание скота не требовало от крестьян особых затрат. Большую часть времени (с апреля по октябрь) скот содержался на выгоне. Вокруг каждого села устраивалась поскотина – специально огороженное пространство площадью 15–20 кв. верст, куда отгонялось стадо под присмотром пастуха. В зимнее время скот содержался на подворье. Постройки для его содержания устраивались в зависимости от хозяйственной состоятельности крестьянина. У зажиточного хозяина обычно имелось до 5 стаек.

Поскольку сибирский крестьянин не испытывал больших утеснений в покосах, то мог в достаточной степени обеспечить зимний корм скоту. В среднем по губернии на

1 голову скота накашивалось 73 пуда сена. Кроме сена, на корм использовались яровые, мякина, отруби, ржаная мука. На кормах не экономили, подавали скоту, как говорили крестьяне, «не соблюдая препорций». Исключение составляли лишь северные территории Канского и Енисейского округов, где часты были случаи бескормицы.

Состав поголовья в течение пореформенного периода практически не изменился. В 1860–1870-е гг. на долю рабочего скота приходилось 29,7 % крупнорогатого – 24,1 %, овцы, свиньи и козы составляли 38,7 %, свиньи 7,5 %. В 1890-х гг. эти пропорции сохраняются.

Отсутствие в губернии организованной ветеринарной службы не могло не сказаться на качественном состоянии поголовья. Оно постоянно страдало от эпизоотий, которые случались почти ежегодно и длились иногда месяцами. Отчасти их продолжительность объяснялась тем, что крестьяне обычно не зарывали падший скот, а вывозили за деревни или спускали в реки. Падеж скота во время эпизоотий составлял 80–90 % стада. В борьбе с ними крестьяне использовали различные методы – от вполне рациональных, основанных на наблюдениях и практических знаниях, до суеверно-мистических. Например, в волостях Минусинского округа крестьяне использовали такой старинный прием: во время эпизоотий в соху запрягали 6 девушек под предводительством какой-либо вдовы и опахивали пространство вокруг села. А в селе Новоселовском того же округа крестьяне, чтобы уберечь скот, окуривали его дымом от сожженного здорового и больного скота. В 1880-х гг. в борьбе с эпизоотиями стали практиковать отгон скота в удаленные от очагов эпизоотий местности, а также массовый убой при появлении первых их признаков. Для предупреждения заболеваний стали проводить более тщательную уборку скотных дворов, наблюдать за состоянием стада.

Местный скот не отличался высокой породистостью, поскольку специальной работы по улучшению качественного состояния поголовья в губернии не велось. При этом беспородный сибирский скот не уступал по своим рабочим качествам и продуктивности знаменитым российским породам. Так, местная лошадь, была малорослой, но выносливой и могла по 5–6 часов давать пробеги рысью, делая с возом в 25–28 пудов по 30–50 верст. А сибирская буренка при хорошем уходе могла давать в день по 0,75 ведра молока.

В начале XX в. в связи с возрастанием притока переселенцев начинает расти и поголовье скота. С 1892 по 1914 г. поголовье рабочего скота выросло в 1,5 раза, КРС – 1,4 раза. На 1916 г. в губернии по переписи было зафиксировано 156 414 крестьянских хозяйств, в них: всего лошадей – 595 175, в том числе рабочих – 420 839; КРС – 734 085, в том числе коров – 343 641; овец и коз – 1 364 729; свиней – 333 482³⁵. По обеспеченности всеми видами скота на сто душ населения среди всех губерний Сибири Енисейская уступала только Забайкальской области, имея соответственно 365,6 и 565,5 голов скота. Самой высокой по сравнению с другими губерниями Сибири (не считая Забайкалье) была обеспеченность поголовьем овец и коз – 158, 8. Для сравнения в Тобольской губернии – 117; Томской – 94,1; Иркутской – 59, 9. Но по обеспеченности КРС она существенно уступала Тобольской губернии, где насчитывалось 123,1 голов, тогда как в Енисейской – 91,2³⁶. Эти отличия были связаны с региональной специализацией скотоводства. Если в Западной Сибири в начале XX в. бурными темпами начинает развиваться товарное маслоделие, то в Енисейской губернии – овцеводство. Так, по структуре поголовья самая большая доля приходилась на овец и коз – 45 %; КРС – 24,2 %; лошадей – 19,6 %; свиней – 11 %.

Пионером культурного овцеводства в крае стал известный московский предприниматель, председатель правления товарищества «Владимир Алексеев» и Даниловской камвольной прядильни С.И. Четвериков. В июне 1909 г. он заключил с губернским управлением государственных имуществ договор об аренде отведенных участков в Минусинском уезде: «Учумская долина», «Каргалык» (в районе с. Батени) и «Овечий» (с. Алтай) общей площадью 51,9 тыс. десятин сроком на 36 лет. Позднее выявились трудности с заготовкой кормов. Поэтому в сентябре 1911 г. новому хозяйству в аренду сроком на 12 лет был дополнительно предоставлен Салбатский или «Мериносковый» участок вблизи Учума площадью в 5,3 тыс. десятин. Так, возникло «Товарищество сибирских овцеводческих экономий Вл. Алексеева и Четверикова», которое вскоре превратилось в крупное капиталистическое хозяйство. Его первым управляющим был назначен инженер А.В. Блуминау. В состав экономии входило также и несколько конезаводов. Помимо разведения овец и лошадей, в хозяйстве высевали пшеницу самых лучших сортов, привезенную с Кубани, шведский овес и кормовое просо, свеклу и морковь. В хозяйстве использовался труд более 350 постоянных рабочих, а в разгар полевых работ привлекалось население окрестных сел.

В начале XX в. каких-либо кардинальных изменений в организации скотоводства не произошло, оно по-прежнему сохраняло экстенсивный характер. Отчасти потому, что сибирские крестьяне не испытывали особых проблем с кормовой базой. Обеспеченность сенокосными угодьями была достаточно высокой. Скот зимой содержался в хлевах, преимущественно холодных, летом – на пастбищах. Никакого режима кормления не соблюдалось, поилки в помещениях для содержания скота отсутствовали, на водопой скот гоняли по морозу. Практически отсутствовала

ветеринарная помощь, штатных ветеринаров не было. При агрономических организациях числилась должность инструкторов-животноводов, но они могли охватить только очень небольшую часть крестьян. Поэтому частым явлением становились массовые эпизоотии, приводившие к высокому падежу скота. Селекционная работа со скотом была поставлена плохо, поэтому его продуктивность была низкой.

Огородничество

Неотъемлемой частью хозяйства сибирского крестьянина был огород. В пореформенное время огородничество все больше приобретает промысловый характер. Особенно это было характерно для населения притрактовой полосы, где выращивание овощей для продажи становится важным источником дохода крестьянского хозяйства. Здесь под огороды отводилось по 0,2 десятины, тогда как обычный размер огорода составлял 0,06 десятин.

К традиционно выращивавшимся в сибирских огородах культурам относились: картофель, огурцы, капуста, лук, чеснок, морковь, редька, горох, свекла. В Минусинском округе на бахчах выращивались дыни и арбузы. Самую большую площадь в огороде сибиряков занимали посадки капусты, затем огурцов. Сравнительно небольшую площадь отводили под картофель, но не потому, что крестьяне не считали эту культуру важной, а потому, что основные посадки картофеля выносились в поле.

Работы на огороде начинались в середине апреля со вспашки, которую проводили на 2 раза, на суглинках пахали по 3 раза. Посадки в грунт начинались в мае. Летом дважды проводили прополку. С вредителями боролись, используя средства народной агрономии. Универсальным инсектицидом, с помощью которого земледельцы уничтожали насекомых, служила махорка.

В огородничестве интенсивные методы получили более широкое распространение, чем в полеводстве. Успешно применялись удобрения, парниковые посадки, выращивание рассады, что позволяло существенно увеличить урожайность. Так, с одной грядки площадью 3 кв. сажени снимали 150 вилок капусты, что по тем временам считалось неплохим урожаем. С лунки огурцов собирали по 16–50 штук, средний урожай лука с грядки – 1 800 штук. Чистый доход с огорода, например, в Красноярском округе за вычетом производственных затрат составлял 20 рублей. Однако на продажу шла только пятая часть продукции. К примеру, средняя выручка от продажи урожая в 1890-х гг. составляла по Канскому округу – 2,90 руб.; Красноярскому – 3,70 руб.; Ачинскому – 2,70 руб.; Минусинскому – 2,90 руб.³⁷

Итак, сельское хозяйство, оставаясь главной отраслью экономики Енисейской губернии, на протяжении более чем сорокалетнего развития после отмены крепостного права сохранило свой экстенсивный характер. Под влиянием Сибирской железной дороги и массовых переселений оно начинает приобретать капиталистические черты. Существенные подвижки в этом направлении происходят под влиянием Столыпинской аграрной реформы: идет активная модернизация технического базиса крестьянского хозяйства. По некоторым видам машинной техники уровень обеспеченности крестьянских хозяйств в губернии превосходил общесибирские показатели. Создается агрономическая служба, что способствовало повышению уровня агрикультуры. Постепенно трансформируется архаичная система наделного землевладения.

Вместе с тем Столыпинская реформа не смогла разрешить главную задачу – переход к интенсивной модели сельскохозяйственного производства. Огромный приток переселенцев привел к сокращению в губернии значитель-

ной части резервного земельного фонда в виде залежей, благодаря которому поддерживались относительно высокая урожайность в крестьянском хозяйстве и его рентабельность. Следствием этого стало падение урожайности и душевых сборов зерна почти в 2 раза. Даже переход к использованию более совершенной техники не мог компенсировать это. В результате возник разрыв между быстро растущим населением и ростом сельскохозяйственного производства. И Енисейская губерния из житницы, где население не знало продовольственного дефицита, превратилась в регион с проблемами продовольственного обеспечения. Потерпели провал и попытки создания хозяйств хуторского типа как альтернативы общинному землевладению.

1.2. Промышленность

Кустарная промышленность

Питательной средой для зарождения крупной капиталистической промышленности являлись крестьянские промыслы, которые развивались в пореформенное время как в виде домашней промышленности, продукция которой в основном шла на удовлетворение внутренних нужд крестьянского хозяйства, так и в разнообразных переходных формах, предшествовавших крупному капиталистическому производству. Земледельческий характер экономики края, его удаленность от крупных торгово-промышленных центров, неразвитость финансово-экономической и транспортной инфраструктуры обусловили широкое распространение домашней промышленности, являвшейся прямым продолжением крестьянского хозяйства. Зачастую все – от орудий труда (сохи, бороны, грабли и пр.) и более сложной

техники (сеялки, веялки) до домашней утвари (посуда, одежда, мебель) изготовляли сами крестьяне. А такие традиционные промыслы, как охота, рыболовство, бортничество, также являлись дополнением к крестьянскому хозяйству. О масштабах распространения и значении промыслов в губернии свидетельствуют данные обследования крестьянского хозяйства, проведенные в начале 1890-х гг. по 4 южным округам губернии, согласно которым в промысловую деятельность было втянуто 62 % хозяйств и 67 % всего земледельческого населения³⁸.

По мере проникновения товарно-денежных отношений, подрывавших патриархальный уклад в деревне, углубляется специализация производства, и промыслы постепенно перерастают в ремесло на заказ. Определенную роль в этом играло крестьянское переселение. Среди переселенцев наблюдается достаточно высокий процент лиц, владевших навыками различных ремесел, отличавшихся высокой профессиональной культурой, что способствовало распространению новых ремесел, росту спроса на ремесленную продукцию на рынке и постепенному превращению ремесла в мелкотоварное производство.

Отделение промышленности от земледелия вело к порайонной специализации на определенных видах промыслов и складыванию «оптовых ремесел», продукция которых предназначалась для оптовой продажи. К началу 1890-х гг. можно говорить о региональной специализации в развитии мелкой промышленности. Так, в Канском и Минусинском округах преобладали промыслы, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. Число дворов, хозяева которых занимались ремеслами по переработке сельскохозяйственной продукции, здесь составляло 33 %³⁹. В Енисейском округе жители издавна занимались охотой, рыболовством и кузнечным ремеслом. В Красно-

ярском округе 41,9 % крестьянских дворов было занято ремеслами, связанными с деревообработкой⁴⁰.

Развитие промыслов в пореформенный период в целом имело положительную динамику, о чем свидетельствует рост промысловой продукции в ее стоимостном выражении и ее доли в общем объеме промышленного производства в губернии. За 30 лет она выросла в 1,58 раза, при этом заметное ускорение темпов роста приходится на последнее десятилетие периода. В 1890-е гг. ее доля в общей массе губернской промышленности составила 27,1 %, тогда как в целом по Сибири, по подсчетам исследователя Е.И. Соловьевой, она составляла 47,2 %⁴¹.

Именно мелкая промышленность в основном удовлетворяла потребности населения губернии в промышленных товарах. Изделиями местных мастеров были заполнены губернские ярмарки, базары, торжки.

Отраслевая структура мелкой промышленности определялась, с одной стороны, естественными ресурсами края, с другой – потребностями населения. Широкое развитие получили промыслы, связанные с лесозаготовками и добычей сырьевого продукта из древесины: смолокурение, перегонка дегтя, а также деревообработкой – плотницкое, столярное, токарное, бондарное, изготовление мебели, деревянной посуды. В деревообрабатывающей отрасли было занято 20,5 % крестьянских хозяйств 4 южных округов губернии⁴². Второе место по числу занятых дворов занимали извозный промысел и связанное с ним дворничество, в которых было занято 16 % крестьянских хозяйств. Затем по степени занятости шли рыболовство – 11,2 %, охота – 8,4 %, слесарно-кузнечные промыслы – 3 %, кожевенные – 3 %, шерстяные – 1,6 %, ткачество – 0,8 %⁴³. Довольно высокий удельный вес имели промыслы, связанные с работой по найму на золотых приисках – 5 % и личным услужением (прислуга, повара, парикмахеры, сторожа и т. д.) – 4,6 %⁴⁴.

Обращает внимание довольно слабое развитие ткацкого промысла, что объясняется тем, что потребности населения в текстильной продукции удовлетворялись за счет тканей фабричного производства, завозившихся из европейской части России, хотя и местные мастерицы изготавливали холсты, которые могли успешно конкурировать с привозными.

Среди ремесленных профессий встречались требующие от работника высокой квалификации и творчества: иконописцы, музыканты, ювелиры, мастера по изготовлению музыкальных инструментов. Мастерство некоторых енисейских умельцев пользовалось доброй славой. На первой выставке сельскохозяйственной и промышленной продукции, организованной в 1891 г. губернскими властями для пропаганды передовых технологий и культуры производства, были удостоены наград изделия красноярского литейщика Чернышева, занимавшегося производством церковных колоколов; шапочных дел мастера Щербинина, изготавливавшего добротные казацкие шапки; Андреева – мастера по пошиву «барнаулок» – бараньих полушубков; шорника Грушко, седла которого пользовались известностью в губернии и за ее пределами не только своим удобством, но и художественной отделкой. На выставке также демонстрировалась отличного качества мебель, сделанная учениками Щеголевского ремесленного училища.

Однако это были единичные случаи, в подавляющей же массе уровень производства в мелкой промышленности был крайне низок: господствовал ручной труд, примитивные технологии, хищнические методы добычи природных ресурсов, что уже тогда порождало экологические проблемы. Так, лесозаготовки велись в легкодоступных местах, что приводило к обезлесиванию больших территорий и, как следствие, к эрозии почв и засушливости климата. При заготовке бересты из-за повреждения древесины варварски уничтожались березовые леса.

Добыча дегтя и смолы в 95 % случаев велась так называемым «ямным способом», при котором двухсаженные ямы заполнялись лесом и поджигались, в результате смола стекала в отверстие под ямой. Производительность при таком способе оставалась весьма низкой – 40–80 ведер за двое суток, что было значительно ниже, чем при кубовом способе, при котором лес сжигался в особых емкостях, построенных из кирпича и глины. Второй способ требовал определенных затрат и был доступен лишь зажиточной части хозяев. Максимальная производительность составляла 300–400 ведер смолы и 20 саженей угля.

В 1890-х гг. в связи с постройкой железной дороги вырубка лесов принимает масштабы, угрожавшие существованию традиционных для сибиряков промыслов – охоте, рыболовству, сбору орехов, доходы от которых были существенным дополнением к бюджету крестьянского хозяйства. Именно в 1890-е гг. заметно сокращается добыча пушнины и рыбы, хотя отчасти кризис в этих промыслах был порожден хищническими методами добычи. В охоте, например, применялись ловушки, капканы с отравленной приманкой, не соблюдались ограничения, связанные с сохранением молодняка, а в рыболовстве применялись так называемые «виски» – перегородки в протоках, куда загонялась рыба во время икрометания, что приводило к ее массовому истреблению. Пагубным был и ямный лов, с помощью которого добывалась большая часть ценных пород рыбы в нижнем течении Енисея и его притоках. По свидетельству местного журналиста Н.В. Скорнякова, крестьяне приангарских сел, чтобы заманить рыбу в ловушки, спускали под воду ободранную медвежью тушу. За одни сутки в таких ямах добывалось до 3,5 тыс. пудов рыбы⁴⁵. Потери от хищнического лова рыбы исчислялись сотнями тысяч пудов. В конечном счете это приводило к противоречивым результатам: при росте добычи рыбы ее запасы

сокращались. В среднем добыча рыбы в 1890-х гг. в 4 южных округах на одного человека составляла 50 пудов стоимостью 150–180 руб., а чистый доход за вычетом издержек колебался от 5 до 17 рублей⁴⁶.

Примитивная технология была характерна и для обрабатывающей промышленности. Незатейливые станки и приспособления обычно помещались прямо в доме ремесленника, все операции производились вручную, разделение труда в мелких мастерских не существовало. Так, при обработке кож их сначала вымачивали в реке, затем на две недели помещали в чаны со щелоком из извести, находившиеся прямо в жилищах, после вымачивания их выполаскивали в реке и помещали в дубильный чан на 15 дней, затем сушили и выделывали. У более зажиточных ремесленников производство осуществлялось в специально оборудованных мастерских, где уже встречались отдельные элементы механизации, делавшие труд более производительным, а продукцию более качественной. При таких мастерских нередко возникало сопутствующее производство. Здесь же из выделанных кож шили обувь. Однако большая часть кож вывозилась из губернии за Урал, где на фабриках они обрабатывались с помощью новейших технологий с применением электричества. Разумеется, что продукция местных кустарей не могла конкурировать по качеству с фабричной.

Низкое техническое состояние было характерно и для производства строительных материалов. Так, в мастерских по выделке кирпича обжиг производился в ямах, вырытых на усадьбе, сушка – в сараях, глину месили ногами, кирпичи формировали вручную, что приводило к тому, что они получались неровными и ломкими.

В ремесленных мастерских обычно, кроме самого мастера, в производстве были заняты либо члены семьи, либо несколько наемных рабочих. Но в целом концентрация ра-

бочей силы в мелкой промышленности была чрезвычайно низкой. На одно предприятие приходилось в среднем по 1–1,5 работников. В различных отраслях обеспеченность рабочей силой выглядела следующим образом: в ткачестве – 1,1 человек, металлургии – 1,1, заготовке леса – 1,3, извозе и дворничестве – 1,1, производстве кирпича – 1,4, кожевенном 1,2⁴⁷.

На масштабы и характер промысловой деятельности заметное влияние оказывал фактор социальной дифференциации. Например, в старожильческих хозяйствах, где уровень экономической состоятельности был выше, преобладали промыслы добывающей группы – 31 %, тогда как в хозяйствах новоселов они составляли лишь 17,5 %. Среди поселенцев, имевших самую низкую хозяйственную обеспеченность, были распространены промыслы, связанные с работой по найму⁴⁸.

Типичными занятиями старожиллов были извоз и дворничество – содержание постоянных дворов. Постояльный двор являлся разновидностью торгово-промышленного предприятия, для содержания которого нужны были немалый оборотный капитал и достаточно развитая хозяйственная инфраструктура, включавшая жилые помещения, постройки для содержания лошадей, хранения продовольственных запасов и фуража, шорные, кузнечные мастерские и т. д. В целом обустройство постоянного двора обходилось в сумму от 200 до 700 руб., расходы, связанные с обслуживанием проезжающих, составляли 595 руб., а прибыль за вычетом издержек – 400 руб.⁴⁹

Развитие кустарных промыслов по мере их втягивания в рыночные отношения неизбежно приводило к подчинению мелких производителей торговому капиталу. Мелкий раздробленный сбыт с выходом на губернский рынок становится невозможен, и тогда появляется посредник в лице торгового перекупщика, либо эту роль берут на себя наи-

более оборотистые кустари, постепенно превращаясь в капиталистического предпринимателя. Они скоро забирают в свои руки не только сбыт, но и само производство, закупая сырье и раздавая заказы кустарям. Проникновение крупного капитала в пореформенный период охватывает фактически все отрасли кустарного производства.

Одним из каналов подчинения кустарей становится ростовщический кредит. Незрелость кредитной системы вынуждала кустарей брать у перекупщиков деньги под громадные проценты. В различных отраслях они колебались от 45 до 576 %. Потери кустарей от кабального кредита составляли от 4 до 59 % стоимости производства⁵⁰. Перекупщики забирали товар под уплату процентов по кредиту, а расплачивались с кустарями необходимым для производства сырьем по завышенным ценам. В конечном счете это приводило к превращению кустаря в рабочего надомника и перерастанию мелкотоварного производства в рассеянную мануфактуру.

Поворотным рубежом в экономическом развитии Сибирского края стало проведение железной дороги, открывшей для России богатства этого обширного региона. Втягивание в общероссийские экономические процессы, рост переселенческого потока и городов, промышленности и торговли дали толчок для развития мелкой кустарной промышленности. Новоселам, тысячами прибывавшим в губернию, для обзаведения на новом месте требовались различного рода промышленные товары, что стимулировало рыночный спрос. Но далеко не всегда он удовлетворялся за счет товаров, завозившихся из европейской части страны. Причиной их была дороговизна. Большая часть переселенцев принадлежала к средним и малообеспеченным слоям. Кроме того, для самих переселенцев занятие промыслами становилось важным источником пополнения семейного бюджета.

Дополнительным фактором роста промыслов стало падение душевых сборов хлеба в конце XIX – начале XX вв. в губернии, это заставило не только переселенцев, но и старожилов обратиться к промысловым занятиям для увеличения своих доходов.

Тенденция роста кустарной промышленности была выявлена в научном исследовании А.Г. Шлихтера, проведенном в 1913–1915 гг. в Енисейской губернии. Им было установлено, что из 775 случаев открытия промыслов более чем за 90 лет 661 (85,3 %) приходился на последние 20 лет. Если в 1860–1890-е гг. количество промыслов, открывшихся в губернии, ежегодно возрастало на 0,2 %, то в 1890–1900-е гг. динамика роста составила 2,4 %⁵¹. В подавляющем большинстве случаев (85,3 %) отмечалось возникновение в селах не одного, а сразу нескольких промыслов, это приводило к увеличению многопромысловых сел (15,1 %), где существовало от 6 до 10 промыслов.

Определенные изменения происходят в это время и в отраслевой структуре мелкой промышленности. Уменьшилась доля промыслов, связанных с лесозаготовками, так как правительство стало проводить политику ограничения пользования лесами для местного населения. Проведение железной дороги привело к сокращению извозного промысла и дворничества. Наблюдается также упадок в кожевенном ремесле, которое не выдерживало конкуренции с товарами фабрично-заводского изготовления, в избытке поступавших на сибирский рынок после проведения железной дороги. В то же время появляются новые промыслы, как, например, производство сельскохозяйственных машин (сеялок, веялок, молотилок), маслоделие, занятие которым было зарегистрировано в 40,1 % населенных пунктов губернии.

Заметно в это время расширяется связь кустарей с рынком. По данным А.Г. Шлихтера, 38,3 % промысловиков

сбывали свою продукцию в городах губернии, 14,9 % – за пределами своих волостей и 20,2 % – в радиусе до 100 верст⁵². Ориентация на отдаленные рынки приводила к усилению зависимости кустарей от крупного капитала, представители которого выступали как посредники при сбыте продукции. Так, крупный капитал контролировал 61,7 % промыслов⁵³.

Зарождение и развитие крупной капиталистической промышленности

Развитие мелкой промышленности создавало предпосылки для перехода к крупному капиталистическому производству. Однако этот процесс в губернии, как и во всей Сибири, имел противоречивую динамику, осложняясь полукOLONиальным положением региона, являвшимся источником сырья и рынком сбыта для российской промышленности, аграрным характером экономики, узостью внутреннего рынка, колоссальными малоосвоенными пространствами, неразвитой транспортной сетью, малонаселенностью.

К моменту отмены крепостного права в Енисейской губернии действовало 126 предприятий, из которых 2 можно отнести к предприятиям мануфактурного типа: Троицкий солеваренный завод в Канском округе и стекольный завод в Красноярском округе. Первый еще с XVIII в. являлся одним из самых крупных предприятий по производству соли в Восточной Сибири и ежегодно производил 45–58 тыс. пудов соли. На заводе было занято 495 рабочих в основном из приписных крестьян и ссыльнокааторжного люда. Здесь же было налажено производство сортового железа, из которого изготовлялись сошники, ножи и прочие необходимые в крестьянском быту металлические орудия. Эта продукция сбывалась не только внутри губернии, но и пользо-

валась спросом среди населения Томской и Иркутской губерний.

В 1880-е гг. завод был сдан в аренду канскому купцу 1-й гильдии И.Н. Некрасову. На заводе к этому времени действовали 3 варницы, в которых вываривалась соль, добывавшаяся из 2 колодцев с помощью механического приспособления, приводившегося в действие посредством конной тяги. Число рабочих в это время сократилось до 40 человек, а в последующие годы колебалось от 40 до 10 человек. Годовая добыча соли составляла 100 тыс. пудов и в стоимостном выражении исчислялась в 70 тыс. руб.⁵⁴

Стекольный завод был основан в 1823 г. чиновником И.И. Коноваловым. Производственные корпуса завода располагались в 48 верстах от Красноярска, в Заледеевской волости на левом берегу Качи. Производственный процесс был полностью ручным. В печи, сложенной из огнеупорного кирпича, помещались жаропрочные емкости, в которые загружалось сырье – шихта, под воздействием горения шихта превращалась в огненную массу. Когда расплавленная масса – жидкое стекло – становилась готовой к производству, начинался процесс изготовления изделий. В корпусе также находились цех закалки стекла, дровосушительная и разводная печи. Основной продукцией завода являлось листовое стекло. Благодаря тому, что завод в 1830–1840-е гг. работал стабильно, в губернском центре удалось почти полностью заменить слюдяные окна на стеклянные. В 1853 г. к основному корпусу завода было пристроено здание, в котором было налажено производство фаянсовой посуды. Выпускалось больше десяти наименований: блюда, тарелки, полутарелки, чашки чайные, тазы, умывальники, соусники, салатники и прочая посуда.

Вокруг завода постепенно образовался поселок, в котором жили рабочие и крепостная дворня, находившаяся в услужении Коновалова. Поскольку тот являлся дворяни-

ном, то мог владеть крепостными. Однако на заводе работали в основном наемные рабочие из крестьян и поселенцев из окрестных деревень: Ибряль, Малый Кемчуг. Поселок получил название Знаменский, по названию построенной в нем церкви.

В начале 1860-х гг. численность рабочих на заводе колебалась от 30 до 50 человек. Производительность была невелика, и стоимость продукции не превышала 3 тыс. руб., в технологии производства преобладал ручной труд, ассортимент продукции был весьма ограничен, в основном листовое стекло и аптечная посуда. Позднее стали делать и столовую посуду, но качество и художественная отделка ее не отличались большими достоинствами, хотя вполне удовлетворяли невзыскательные вкусы местных обывателей, прежде всего своей дешевизной⁵⁵.

На долю этих двух крупных предприятий приходилось 35,5 % стоимости всей промышленной продукции, производившейся в губернии в начале 1860-х гг. Остальная – производилась на мелких предприятиях с числом рабочих 2–3 человека.

Со второй половины 1860-х гг. темпы промышленного производства в губернии начинают стремительно нарастать, и к середине 1870-х гг. стоимость промышленной продукции увеличилась более чем в 20 раз при сравнительно скромном росте числа промышленных предприятий всего лишь на 10 %. Но при этом доля крупных предприятий выросла в 7 раз, и их продукция уже составляла 89,9 % в валовом промышленном производстве (табл. 6).

Однако столь высокие темпы роста крупной промышленности в губернии были связаны не с какими-либо позитивными качественными изменениями в ее экономике, а носили чисто конъюнктурный характер. Дело в том, что большую часть крупных предприятий с числом рабочих от 50 и более человек составляли винокуренные заводы, на

долю которых в 1870-х гг. приходилось свыше 60 % промышленной продукции.

Таблица 6

Рост промышленного производства в 1860–1890-е гг.

Год	Число предприятий	Стоимость продукции	Численность рабочих
1861	126	102 734	883
1870	135	1 303 616	1 915
1875	139	2 770 607	1 834
1880	199	2 761 890	1 666
1885	266	2 495 466	1 979
1890	231	2 716 847	1 706
1897	432	2 784 500	2 364

Источники: ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19,59. Ф. 161. Оп. 2. Д. 565, 678; Статистический обзор Енисейской губернии за 1878, 1880, 1881, 1883–1895 гг. Красноярск, 1879–1896; Памятная книжка Енисейской губернии на 1861, 1863, 1888–1897 гг. М., 1863, 1865, 1888–1897.

Бурный рост винокурения объяснялся отменой старой откупной системы и переходом к акцизным сборам в производстве и торговле вином. При новой системе право на занятие винокурением предоставлялось без всяких ограничений, но акцизными чиновниками довольно жестко контролировалось само производство вина. Дополнительным фактором роста в отрасли явился также начавшийся в 1870-е гг. кризис в золотопромышленности, что стимулировало перелив крупных капиталов в винокурение, где были самые низкие издержки и самая высокая прибыль. Развитию отрасли благоприятствовало и наличие достаточных запасов зерна, а поскольку возможности его вывоза за пределы губернии были ограничены, то винокурение становилось единственно прибыльным способом его утилизации.

Развитие винокурения имело и оборотную сторону, так как порождало спекуляцию хлебом. Перекупщики крупными партиями скупали зерно у крестьян для винокуренных заводов, в результате цена на хлеб резко возростала. Так, в 1880 г. в Красноярске только за одну неделю цены на хлеб выросли с 60 копеек до 1 рубля за пуд. Перепады цен били прежде всего по неимущим слоям городского населения. Опасаясь недовольства горожан, местные власти вынуждены были ходатайствовать перед генерал-губернатором Восточной Сибири об ограничении винокурения в губернии. На основании этого ходатайства генерал-губернатор обратился в министерство финансов, но там оно было отклонено под предлогом того, что в Енисейской губернии хлеба производится в «объеме, превышающем местные потребности»⁵⁶. Впоследствии правительство все же ужесточило контроль над виноторговцами в Сибири, увеличив акцизные сборы, введя дополнительные платежи: 25 % – патентный сбор и 1,5 % – местный налог с питейных заведений. Для Енисейской губернии местный налог специально был увеличен на 25 % и отменены льготы по акцизам.

Свою лепту в борьбу со спаиванием народа вносили и местные власти. Так, Красноярская городская дума в 1888 г. ограничила время продажи вина только 4 часами в сутки – с 13 до 17 часов, запретив также торговлю в мелких винных лавочках на центральной улице города⁵⁷. Но и после этих мер прибыль в винокурении и виноторговле оставалась достаточно высокой. Так, в Красноярске патент на продажу вина стоил 350 руб., 25 %-ный сбор с него составлял 50–87 руб., 20 %-ный сбор в городской доход – 70 руб. Прочие расходы увеличивали сборы с одного торгового заведения до 1 063 руб., или 5 руб. 15 коп. с 1 проданного ведра вина, тогда как его себестоимость составляла 1 руб. 10 коп., продажная цена 8 руб., а чистая прибыль – 78 %⁵⁸.

В 1880–1890-е гг. динамика развития отрасли несколько стабилизировалась: мелкие предприятия разорились, постоянно работало 10–12 заводов, сократилась доля винокурения в валовом промышленном продукте с 78 до 53 %.

К числу самых крупных винокуренных заводов в губернии относился Александровский завод, основанный в 1863 г. купцом А.Д. Даниловым в Минусинском округе в селе Знаменском. Производительность завода первоначально составляла 90 ведер спирта в сутки. В 1869 г. завод перешел в управление сыновей А. Данилова – Виктора и Иосифа. В 1884 г. его сын Виктор Данилов взял Большую золотую медаль на выставке в Антверпене, а позже енисейская водка выставлялась в Тунисе и Мадриде, на острове Корсика и на выставках Парижской академии. В 1890-х гг. завод был модернизирован: лошадиную силу заменили паровые котлы, что позволило существенно увеличить производительность. Завод перерабатывал от 80 до 100 тыс. пудов ржи, являвшейся основным сырьем. Кроме водки и спирта, производились также наливки и ликеры. На рубеже двух столетий, в 1900 г., Александровский винокуренный вместе с фирмами Смирнова и Шустова представлял Россию на знаменитой международной выставке в Париже.

Несмотря на значительные масштабы развития винокурения, производство в отрасли сохраняло рутинный характер. Почти все заводы работали на местном сырье, а сбыт был ограничен рамками губернского рынка, технология основывалась на ручном труде. В конце 1870-х гг. на 10 из 11 винокуренных заводах применялись паровые котлы для распаривания зерна, производившегося под давлением в несколько атмосфер. Лишь в 1890-х гг. начинается модернизация производства, связанная с переходом к паровым двигателям и электричеству.

К крупным предприятиям в губернии, возникшим в 1870-е гг., относился Знаменский стекольный завод, осно-

ванный минусинским купцом И.Г. Гусевым. Он был построен на речке Лугавке рядом с крупчатой мельницей, также являвшейся собственностью купца. Для пуска завода были приглашены специалисты из Гусь-Хрустального. Стекло варили из глины, которая добывалась около деревень Очуры и Шунеры Шушенской волости Минусинского округа. Однако глина оказалась низкого качества и пришлось перейти на глину, добывавшуюся под Красноярском. Основным сырьем служили кварцевые песчаники, которые добывались на горе Стеклойной на правом берегу р. Туры в 6,5 км от Шалаболино. Карбонатные породы (известняки, доломиты, мраморы) для составления шихты привозились из предгорий Западного Саяна – д. Сизая, Кибик-Кордон и др. Сода (мирабилит) добывалась из озера Алтай на левобережье Енисея, а также озере Талое (Кызыл-Куль) в Хакасии. Красители и другие добавки доставлялись из Гусь-Хрустального. Завод выпускал оконное стекло, посуду, а также хрусталь. До постройки Сибирской железной дороги завод был основным поставщиком стекольной продукции в Восточной Сибири. Однако с постройкой дороги в Сибирь хлынул поток дешевой продукции, в том числе и стеклянной, из европейской части, в связи с этим производство стало нерентабельно, и к 1890-м гг. завод пришел в упадок.

Важное место в производстве валового промышленного продукта после винокурения занимала металлургия. Первые металлургические заводы в губернии возникли еще в XVIII в., но к середине XIX в. они практически прекратили свое существование. Главными поставщиками металлургической продукции становятся в это время енисейские ремесленники. Сырьем для их производства служили богатые рудные месторождения в Маклаковской волости. Руда добывалась открытым способом, часть ее здесь же переплавлялась в небольших глиняных печах, но основная часть поставлялась в Енисейск. Сталь, выплавлявшаяся

енисейскими мастерами, не уступала по качеству продукции уральских заводов, однако масштабы производства не имели промышленного значения. Общая стоимость готовой продукции не превышала 3 тыс. руб. в год.

Начавшийся в 1840–1850-е гг. подъем золотопромышленности в губернии стимулировал спрос на полосное железо, необходимое для оснащения приисков. В связи с этим губернские власти, озабоченные созданием металлургической базы в крае, обратились в 1865 г. в министерство финансов с ходатайством о постройке железоделательного завода в Минусинском округе, а в 1866 г. московский купец Кольчугин начал строительство завода, заручившись льготами по уплате горных податей.

Новый завод имел 4 цеха: доменный, литейный, кузнечный и механический. Завод был оснащен по последнему слову техники: в доменном цехе работа печей велась с помощью паровой машины. Ежедневная выплавка чугуна составляла 400–600 пудов. В литейном цехе из чугуна изготавливались различные сорта стали, для чего использовались 2 пудлинговые и 4 сварочные печи. В кузнечном цехе работало 36 горнов, 3 паровых молота, 3 прокатных стана, 1 листопрокатный и ножницы. При пудлинговании использовались 9 паровых двигателей. Механический цех был оснащен металлообрабатывающими станками. Проектная мощность завода была рассчитана на 100 тыс. пудов чугуна. Железная руда добывалась открытым способом, что обеспечивало ее низкую себестоимость в 3,5–4 коп. за пуд⁵⁹.

Достаточно высокое качество и дешевизна продукции завода способствовали тому, что в первые годы его деятельности она пользовалась спросом на губернском рынке и за его пределами – в Томской и Иркутской губерниях, давая неплохие прибыли. Успешное начало деятельности завода привело к тому, что уже к 1875 г. была перекрыта проектная мощность выпуска продукции в 2 раза, но к концу 1870-х гг. обозначились признаки надвигающегося

кризиса. Первый владелец завода еще в 1870 г. продал его коллежскому асессору Пермикину, последний, не имея опыта предпринимательской деятельности, пустил прибыль не на развитие производства, а на спекулятивные сделки в золотопромышленности и разорился. В итоге на заводе сложилась критическая ситуация, задержка зарплаты вызвала волнения рабочих. Местные власти вынуждены были назначить над предприятием опеку из его кредиторов, а с 1888 г. управление заводом перешло в руки рабочей артели и продолжалось 12 лет.

На некоторое время удалось улучшить положение дел, выпуск продукции в 1890-е гг. стал расти, но так и не достиг уровня 1870-х годов. Производство оставалось убыточным, несмотря на то, что для успешного развития имелись богатейшее в Восточной Сибири месторождение железной руды, благоприятные условия для транспортировки продукции сплавом по Енисею, хорошая производственно-техническая база. Но все это обесценивалось узостью топливно-энергетической базы, так как лесные угодья принадлежали Кабинету, не желавшему поступаться своими монопольными правами, а также отсутствием дешевых кредитов, необходимых для расширения производства.

В начале 1880-х гг. на внутреннем рынке заметно возрастает спрос на металлургическую продукцию, это стимулировало строительство чугунно-литейного завода в Красноярске. Он принадлежал купцу 1-й гильдии А.П. Кузнецову и работал на металле, поступавшем с Абаканского завода. Ассортимент продукции Красноярского завода не отличался разнообразием, в основном это были сельскохозяйственные орудия. В зданиях завода, располагавшихся по берегу Енисея, находились литейная и кузница, работы в которых осуществлялись вручную. Слесарные, токарные и гранильные работы производились в корпусе лесопильного завода с помощью паровой машины мощностью

10 л.с., которая использовалась также для распиловки леса. На заводе было занято 19 рабочих, годовой объем производства был невелик – 18 тыс. пудов общей стоимостью 13 540 руб.⁶⁰.

Хотя на заводе и использовалась машинная техника, но малая численность рабочих и мизерные объемы производства не позволяют отнести его к типу предприятий крупного капиталистического производства.

В 1874 г. в Ачинском округе был открыт первый в губернии медеплавильный завод, за год его работы было выплавлено 1 635 пудов меди, в 1876 г. – 30 798 пудов. Однако со следующего года производство стало неуклонно снижаться, а в 1880-е гг. завод работал с длительными перебоями, численность рабочих сократилась с 128 до 10 человек⁶¹.

В целом предприятия металлургической отрасли давали 10–15 % от стоимости всей производившейся в губернии продукции, основную же ее часть давали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья.

Наиболее динамично развивалось кожевенное производство. За пореформенное время число предприятий в отрасли выросло в 4,3 раза, объем производства в 3,8 раз. В то же время численность рабочих на одном предприятии имела тенденцию к снижению с 4,5 до 2 человек. Это означало, что рост производства осуществлялся, главным образом, за счет мелких предприятий, которые не могли обеспечить в должной степени технический прогресс в отрасли.

На предприятиях такого типа, как правило, все работы выполнялись вручную, а сами они представляли убогое зрелище: полуразрушенные здания, где работники и работали, и жили, здесь же хранились сырье и готовая продукция. Такие предприятия создавали немалые проблемы для санитарного состояния городской или сельской округи, вызывая постоянные нарекания и штрафы местных вла-

стей. Так, в протоколе заседания санитарной комиссии Красноярска от 3 марта 1889 г. отмечалось, что кожевенные заводы А. Толгина и А. Егорова «найжены в самом отвратительном состоянии». «А именно, у Толгина здание ветхое, без двойных рам, с выбитыми стеклами, заткнутыми тряпками, вышина здания не выше человека среднего роста, стены внутри совершенно черные, полусгнившие, мокрые; с потолка каплет, углы промерзлые, пол также сгнивший, на нем около вершка грязной, сгнившей, зловонной жижи. Внутри завода 4 огромных чана (квасильники), занимающие большую часть завода; кроме того, зольники находятся в мертвых колодцах, устроенных тут же; они представляют из себя ямы в одну сажень глубиною, одну сажень в квадрате, выложенные досками. Из зольников, в которых так называемая «морса» и которые из года в год не переменяются, несетя страшное зловоние; вентиляции никакой не существует; рабочие при свивке мездры бродят в грязи, и сами необыкновенно загрязнены; отбросы валяются на двор; шкуры мочатся в реке Енисее, зимой в прорубях на русле Енисея, а летом по показанию хозяев заводов в протоке у Красного Яра, но, вероятно, что они мочат тут же в р. Каче. Освещение производится маленькими керосиновыми лампами или сальными свечами. ... Отделения для сухих работ также скверно устроены: на свивальне работают пять человек, которые тут же и спят; вентиляция производится через дверь»⁶².

Такою же примерно картину члены комиссии обнаружили и на заводе А. Егорова: «Рабочие спят в том же корпусе, где находятся зольники и чаны, на полатах. ... Сушка кож у Егорова производится на дворе; около кожевни находится огромная куча отбросов, дальше за кожевней находится домашняя бойня; здесь производится иногда бойка овец от 1 000 до 1 500 штук, внутренности животных остаются тут же»⁶³. В таком же удручающем состоя-

нии находились салотопенные, мыловаренные, кирпичные и др. заводы.

Довольно противоречивые тенденции наблюдались и в производстве строительных материалов. Если 1870–1880-е гг. были отмечены пропорциональным ростом основных показателей в отрасли. Так, например, равномерно увеличивается число предприятий по производству кирпича – в 1,5 раза; численность рабочих на одном предприятии – в 1,4; объем производства – в 2,3. Но в 1890-е гг. при сохраняющихся темпах роста предприятий, численность рабочих на них начинает снижаться на 17 %. Заметно падают и темпы роста производства, и почти в 2 раза сокращается выработка продукции на одного рабочего. В городах уровень концентрации рабочих на предприятиях в отрасли был несколько выше общегубернского. Так, в Красноярске на 10 из 12 предприятий по производству кирпича было занято от 9 до 15 рабочих на каждом из них. Это позволяет отнести эти предприятия к мануфактурному типу⁶⁴.

Определенные изменения происходят в распределении промышленных предприятий между городом и сельской округой. Если в начале 1860-х гг. в городах было сосредоточено более половины всех предприятий, то к концу 1880-х гг. их доля снижается до 45 %, а к 1896 г. – до 35,7 %. Одним из крупных предприятий, построенных в сельской округе, был сахарный завод, основанный в 1889 г. минусинским купцом И.Г. Гусевым. Завод работал исключительно на местном сырье, имея достаточно высокую производительность: за 9 лет существования было выработано 123 600 пудов сахара. Он вполне мог обеспечить потребности внутреннего рынка, однако не выдержал конкуренции с дешевым сахаром, который стал в изобилии поставляться в губернию после проведения железной дороги, и в 1898 г. был закрыт.

Перемещение производства в 1890-х гг. из городов в деревню связано с притоком переселенцев и бурным развитием кустарных промыслов на селе. Этим и объясняется рост числа мелких предприятий и соответственно уменьшаются численность рабочих на одном предприятии и выработка продукции на одного рабочего (табл. 7).

Таблица 7

**Выработка продукции на одного рабочего
на промышленных предприятиях**

Год	Кол-во предприятий	Число рабочих на предприятии в среднем	Выработка продукции на 1 рабочего (в руб.)
1885	266	7,5	1 261
1890	231	7,3	1 596
1895	485	4,8	929,4
1901	750	3,0	1 170
1907	714	4,07	1 792

Статистический обзор Енисейской губернии за 1878, 1880, 1881, 1883–1895 гг. Красноярск, 1879–1896; Памятная книжка Енисейской губернии на 1861, 1863, 1888–1908 гг.

Если сравнить эти показатели с аналогичными по Европейской России, то очевиден их резкий разрыв, отражающий отставание региона по темпам концентрации в промышленном производстве. Там на одно предприятие в среднем приходилось по 62 рабочих с выработкой продукции на одного рабочего 79 тыс. руб. в год. Более того, в середине 1890-х гг. в губернии наблюдается тенденция к снижению доли крупных предприятий в промышленном производстве (табл. 8).

Таблица 8

**Доля крупных предприятий
в промышленном производстве**

Год	Кол-во крупных предприятий	Их доля в общем количестве предприятий, %	Число рабочих на них, чел.	Их доля в производстве пром. продукции, %
1861	2	1,6	528	59,8
1870	17	12,6	1573	82,1
1880	15	7,5	951	57
1890	21	9,4	1189	69,6
1896	21	4,3	1005	43,3
1901	11	1,4	684	61,8
1903	13	1,5	998	31,3

Статистический обзор Енисейской губернии за 1878, 1880, 1881, 1883–1895 гг. Красноярск, 1879–1896; Памятная книжка Енисейской губернии на 1861, 1863, 1888–1905 гг.

Депрессивный характер развития промышленного производства, медленный оборот капиталов и их слабая концентрация препятствовали переходу к современным машинным технологиям, хотя машинная техника появилась на предприятиях губернии еще в 60–70-х гг. XIX в. По данным статистического обследования, на конец 1870-х гг. в Енисейской губернии насчитывалось 14 предприятий, на которых действовало 23 паровых котла, 18 паровых машин, 2 паровых молота и 1 локомобиль общей мощностью 305 л.с. Техника распределялась по отраслям следующим образом.

Таблица 9

Оснащенность техникой промышленных предприятий

Отрасли промышленности	Число предприятий	Котлы	Паровые машины	Локомотивы	Молот
Золотопромышленность	2	8	8	1	
Металлургия	1	4	9		2
Деревообрабатывающая	1	1	1		
Винокурение		10			

Источники: Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи. СПб., 1882. С. 138.

Если в 1860–1870-е гг. механизация коснулась преимущественно горнодобывающей и металлургической промышленности, то в 1880-е гг. она начинает проникать и в другие отрасли. Машины появляются в мукомольной промышленности. Первая паровая мельница была установлена в 1881 г. красноярским купцом К. Плотниковым. Паровой двигатель мощностью 10 л.с. использовался не только для помола муки, но и для выделки кирпича. На заводе было занято 15 рабочих. В 1882 г. в городе появилась вторая мельница, работавшая от паровой машины мощностью 16 л.с. Она принадлежала купцу Н.Г. Гадалову. Годовая выработка продукции составляла 100 тыс. пудов на сумму 2 тыс. руб. На мельнице было занято 8 рабочих⁶⁵.

В 1890-е гг. благодаря удешевлению транспортировки по железной дороге техника стала доступнее, и дело механизации местной промышленности пошло ускоренными темпами. К 1908 г. в обрабатывающей промышленности губернии насчитывался 51 паровой двигатель общей мощностью 822 л.с., к 1916 г. их количество выросло в 2 раза, а мощность в 3,2 раза, составив в среднем на одного рабочего 1,2 л.с.⁶⁶.

Наряду с паровыми двигателями на заводах и фабриках в губернии на рубеже веков появляются электрические двигатели. К началу Первой мировой войны они были зарегистрированы на заводах Красноярска, Канска, Минусинска, Енисейска.

Несмотря на известные подвижки в экономическом развитии края, обозначившиеся на рубеже веков, его колоссальный промышленный потенциал был использован очень слабо. Развивались главным образом отрасли, связанные с использованием сырьевых ресурсов. Однако и в этом направлении делались только первые шаги. Еще в 1870–1880-х гг. были открыты запасы каменного угля в Канском, Минусинском, Ачинском и Красноярском округах, но их разработка в те годы не имела промышленного значения, к ней удалось приступить лишь в 1907 г. на Черногорских копях. Здесь были заложены 2 шахты, в 1911 г. к ним прибавилась еще одна. Все три шахты принадлежали енисейской купчихе В.А. Баландиной. Возле шахт возник поселок Черногорские копи. Уголь поставлялся в Красноярск для нужд Енисейского пароходства и железной дороги.

Практически не освоенными оставались залежи цветных металлов в крае. Лишь в начале XX в. приступили к промышленному освоению месторождений меди в Минусинском округе. Месторождение было впервые описано профессором Томского университета А.М. Зайцевым. Он установил довольно высокое содержание меди в руде – не менее 5 %. В июне 1902 г. местный крестьянин А.Г. Терсков получил разрешение на разведку месторождения меди в Знаменской волости по реке Ерге, а вскоре для его разработки было создано акционерное общество «Енисейская медь». Учредителем общества стал английский подданный Э. Эдмонс. Общество было зарегистрировано в Лондоне с капиталом 300 тыс. фунтов стерлингов. На медеплавильном заводе «Юлия», пущенном в 1908 г., работали 7 печей

на древесном угле, 2 локобиля, нефтяной двигатель, 2 паровые машины и 4 электрокомпрессора⁶⁷. С 1914 г. стали постепенно заменять древесный уголь на каменный при плавке руды, что способствовало удешевлению себестоимости.

На заводе работало до 1 200 человек, а в годы Первой мировой войны к ним добавились еще около 600–700 военнопленных: поляки, австрийцы, немцы, венгры.

Таблица 10

Добыча и производство меди на заводе «Юлия»

Годы	Добыто руды (пуд)	Выплавлено меди (пуд)
1907	1 088 443	15 600
1908	1 589 126	50 555
1909	1 288 305	40 068
1911	1 309 642	18 673
1913	1 300 000	19 024

Мостович В.Я. Медеплавильные заводы Енисейской губернии. Отчет о летней командировке 1914. Томск, 1915.

До 1910 г. на руднике «Юлия» добывалось более миллиона тонн руды в год. Медеплавильный завод поставлял свою продукцию синдикату «Медь» в Москве. Медь вывозили на лошадях к Енисейской пристани, по реке на плотках сплавляли до Красноярска и дальше отправляли по железной дороге. Зимой возили по льду Енисея, что было выгодно и предпринимателям, и местным крестьянам, занимавшимся извозными промыслами. Платили по 6–7 копеек с пуда за каждые 100 верст.

Однако успешно начатое производство вскоре стало давать сбои. Уже в 1909 г. за «Енисейской медью» были отмечены недоимки на сумму 1 332 рубля. С каждым годом они росли, составив к 1913 г. уже 6 734 рубля⁶⁸. Не су-

мев развернуть большого производства, «Енисейская медь» в 1911 г. была ликвидирована, а все имущество компании перешло к консорциуму купцов, учредивших в 1912 г. акционерное общество «Сибирская медь», активно работавшее до 1919 г.

В ноябре 1911 г. в Минусинском уезде вступил в строй еще один медный завод – Уленский, находившийся в 300 верстах от Ачинска. Завод был основан членами торгово-промышленного товарищества В. Алексеева. Он базировался на Глафиринском руднике. Для обслуживания завода и рудников в машинном отделении использовались локомобиль Lanza на 19 л.с., приводящий в действие вентилятор Рута, динамомашинка 19,5 л.с. и один генератор на 45 л.с. Дробилка Блэка и валки для дробления штейна приводились в действие нефтяным восьмисильным двигателем, установленным в машинном отделении завода⁶⁹.

Таблица 11

Добыча и производство меди на заводе «Улень»

Годы	Добыто руды (пуд)	Выплавлено штейна (пуд)	Очищено меди (пуд)
1911	243 826	29 806	4 000
1912	689 815	54 519	22 800
1913	800 170	68 700	14 000

Мостович В.Я. Медеплавильные заводы Енисейской губернии. Отчет о летней командировке 1914. Томск, 1915.

Управляющим заводом был назначен инженер Деларю. Вокруг завода был построен поселок для рабочих.

В 1909 г. штейгером Г. Тихоновым в районе Туима был обнаружен молибден. Горный техник сообщал: «В излучине реки Соры, в горе, на правом берегу, мною найден какой-то новый, но ненужный для нас металл». Управляющий Деларю, будучи горным инженером, придал этой на-

ходке особое значение и обратился к акционерам рудника с ходатайством об освоении металла. Но поскольку вольфрам и молибден в то время еще не нашли своего применения в промышленности, то акционеры не проявили к этому сообщению интереса.

Золотопромышленность

Одной из причин медленного промышленного освоения края являлся недостаток крупных капиталов. Нарождавшаяся сибирская буржуазия была лишена тех рычагов первоначального накопления, которыми пользовались ее российские собратья. Частично их отсутствие компенсировалось таким специфичным для Сибири источником, как золотодобыча. Не случайно основатели первых в губернии фабрик и заводов Гадаловы, Гусевы, Кузнецовы, Даниловы являлись одновременно и золотопромышленниками.

Начало золотодобычи в Енисейской губернии было положено в начале 1830-х гг., когда были открыты первые золотые россыпи, а в 1833–1834 гг. начинается их промышленная разработка. Первые прииски основываются в Минусинском и Ачинском округах по р. Белый и Черный Июс, затем по р. Удерею в Приангарье. К 1840-м гг. центр золотодобычи перемещается в Енисейский округ. Золотодобыча здесь быстро превысила производство золота в Минусинском и Ачинском округах в 2 раза. Енисейская губерния в 1840-е гг. становится лидером по добыче золота в России. С невероятной быстротой в Енисейской тайге стали возникать золотопромышленные компании, в 1821 г. их было 326; 1834 – 572; 1860 – 893. Среди их собственников – потомственных дворян – 435; личных – 43; потомственных почетных граждан – 80; купцов 1 и 2 гильдий – 335⁷⁰. Как на дрожжах росли миллионные капиталы скороспелых нуворишей. Прибыли некоторых компаний дости-

гали 300–400 %. Енисейск современники называли «городом тысячи и одной ночи», где в одночасье в буйных кутежах спускались целые состояния.

Однако «золотая лихорадка» продолжалась недолго. Добыча золота велась примитивными хищническими способами: отрабатывались вручную только верхние слои, а нижние сбрасывались в стволы шахт и засыпались пустой породой. В 1860-е гг. начинают проявляться первые признаки надвигающегося кризиса. В 1863 г. в губернии действовало 212 приисков, на которых было занято 20 096 рабочих и добывалось 713 пудов золота, тогда как в 1840-е гг. только на отдельных приисках добывалось от 600 до 970 пудов в год. В целом уже до Реформы 1861 г. добыча золота в губернии сократилась в 6 раз.

В 1870-е гг. кризис в золотопромышленности в Енисейской губернии стал уже необратимым. Годовая добыча золота в это время составляла 409 пудов, в 1880-е – 281, в 1890-е – 266 пудов. Резко падает содержание золота в песках. Так, если в 1840-е гг. в 100 пудах песка содержалось золота на 3 золотника, 78 долей, то к началу 1880-х гг. только 32 доли, что составляло лишь 12 % от прежнего. Енисейская губерния начинает утрачивать свое значение как центр золотодобычи в Сибири, он перемещается в Якутию и на Дальний Восток.

Упадок золотопромышленности в губернии объясняется рядом причин, и в первую очередь низкой технической базой производства. Россыпное золото добывалось в основном из открытых разрезов. При значительной толщине золотого пласта добыча шла в ортах – подземных коридорах, укрепленных бревнами. Добыча золота из россыпей включала 3 операции: добычу песков, их перевозку и промывку. Основными орудиями при добыче песка были кайло, лом и лопата, для промывки использовались вашгерды, на которых эта операция производилась вручную. Транс-

портировка песка производилась тачками. На крупных приисках для промывки золота использовались специальные приспособления – бутары, производительность которых была выше, чем на вашгердах: выработка на одного рабочего в вашгерде составляла 25–30 пудов песка, на бутаре – 100 пудов⁷¹.

В 1840-е гг. на приисках появляются механические приспособления для промывки песков – бочки и чаши, приводившиеся в действие с помощью воды или конного привода. Их производительность составляла 15–20 тыс. пудов песка в день⁷².

В 1870-х гг. на некоторых приисках внедряются паровые двигатели и шлюзовые устройства. В 1873 г. енисейский золотопромышленник И.Д. Черемных купил в Англии полный технический комплекс для механизированной добычи золота из кварцитных руд, производимой химическим способом.

К концу 1880-х гг. на приисках Енисейской губернии промывка золота осуществлялась главным образом на бутарах, бочках, кулибинах. В Северо-Енисейском золотопромышленном округе из 161 промывочной установки было 19 % бочек, 59 % бутар, 34 % кулибин, 6 % чаш; в южной части Енисейского округа – 27 % бочек, 50 % бутар, 17 % кулибин⁷³. Однако механизация коснулась лишь крупных компаний, которые составляли меньшую часть среди золотопромышленных предприятий.

В 1870 г. правительство разрешило разработку золота всем частным лицам, без всяких сословных ограничений. Либерализация производства в отрасли способствовала притоку частных капиталов, однако большая часть хлынувших в золотопромышленность предпринимателей были мелкими. К дроблению производства приводила также и распространившаяся в эти годы практика передачи крупными собственниками своих убыточных приисков в арен-

ду мелким владельцам. Арендаторы платили собственникам прииска настолько высокие проценты с прибыли, что их доходы нередко были ниже, чем зарплата у золотопромышленных рабочих. Кроме того, мелкие арендаторы, как правило, кредитовались под высокие проценты у своих хозяев, доставляя им сверхприбыли в 200–300 %. Кабальные условия аренды приводили к отвлечению капиталов из отрасли и, как следствие, тормозили и ее техническую модернизацию. В 1880–1890-х гг. мелкие компании с числом рабочих меньше 20 человек составляли в губернии 57 %; средние – с числом рабочих от 20 до 50 – 26 %; крупные, где было занято свыше 50 человек, – 10 %⁷⁴.

Чтобы компенсировать издержки производства, золотопромышленники прибегали к всевозможным ухищрениям, в том числе организации на приисках посреднической торговли. Большинство хозяев приисков сочетали свою деятельность с торговлей хлебом, спиртом. Почти на всех приисках существовали лавочки, в которых рабочие покупали продовольствие и одежду. Товары в них продавались в кредит под высокие проценты. Такая торговля давала хозяевам немалую выгоду, порой прибыль от нее превышала прибыль от добычи золота. Так, на приисках енисейского купца Гудкова прибыль от добычи золота составляла 2 700 руб., а от торговли в приисковой лавке – 10 тыс. руб. А. Уманский, наблюдавший приисковую жизнь в Енисейском округе в 1870–1880-х гг., утверждал, что «редкие предприятия в тайге опираются теперь исключительно на промышленное освоение, на улучшение технической стороны дела». «Большинство хозяев соединяют золотопромышленность с торговлей. В настоящее время нередко можно встретить любопытное явление, что прииски, признанные негодными в промышленном отношении, с торговлей начинают приносить барыш»⁷⁵. Некоторые предприниматели заявляли об открытии приисков только для того, чтобы под

их прикрытием заниматься торгово-ростовщическими операциями. В это время также широко распространяется практика покупки горных отводов с целью их последующего переоформления на другого собственника с получением за это соответствующей платы. Таких перепродавцов называли «столбопромышленниками». Скупая участки, они и не думали их разрабатывать, занимаясь, по сути, спекуляциями, что в конечном счете приводило к сдерживанию инвестирования отрасли.

К концу XIX в. в мировой золотодобыче переходят на добычу рудного золота горнозаводским способом. Добыча россыпного золота в мире сократилась до 30 %. В то время как в Енисейской губернии преобладал именно этот устаревший способ. Лишь в 1883 г. на Козьмодемьяновском прииске в южно-енисейской тайге начинается разработка рудного золота. Вслед за ним, было открыто еще ряд приисков (Эльдорадо, Богомдарованный и др.), где также велась разработка золотых руд. В северо-енисейской тайге рудное золото начали добывать на Сергиевском прииске. Здесь сначала добывалось россыпное золото, позднее были обнаружены кварцевые золотоносные жилы. В начале 1880-х гг. здесь была построена фабрика «Заря». Однако она проработала недолго, так как добыча оказалась нерентабельной.

В 1906 г. мещанином Авениром Власовым было открыто богатое месторождение по р. Безымянной, позднее получившее название Авенировского. Здесь была построена небольшая фабрика, где извлечение металла велось при помощи бегунных чаш Бельдона. Руду брали на верхних горизонтах, ниже 9 сажений, где открытым, а где и подземным способом. Разрабатывались самые богатые участки. Буровые работы и откатка руды проводились вручную. Сначала в штольнях руду возили тачками, позже вагонетками. Из штолен руда сбрасывалась в отвалы, а потом дос-

тавлялась на фабрику, расположенную в километре от шахты. Компаньоном Власова стал купец-миллионер Тонконогов. В 1915 г. Авенировский рудник принес своим владельцам 376 килограммов золота.

Для разработки рудного золота требовалось современное техническое оборудование, и на рубеже веков на енисейских приисках появляются первые драги. В драге были механизированы основные операции добычи золота: добыча песка, его транспортировка к золотоизвлекающему агрегату, отделение золота и доставка отработанного грунта в отвалы. Однако широкое внедрение дражной техники тормозилось ее дороговизной. Так, стоимость драги с Путиловского завода составляла 85 тыс. руб., а оборудование к ней стоило около 40 тыс. руб., доставка драги до Минусинского округа обходилась в 77 тыс. руб., уплата пошлин и прочих сопутствующих расходов увеличивала ее стоимость еще на 35–50 %, и в целом она обходилась более чем в 200 тыс. руб.⁷⁶.

Попытка перейти на новую технологию добычи золота была предпринята в 1895 г. в компании «Абаканское золотопромышленное товарищество», принадлежавшей И.П. Барташову и В.И. Базилевскому. В 1899 г. к дражной технологии перешло и «Бейское золотопромышленное товарищество». К 1907 г. в Енисейском горном округе насчитывалось уже 17 драг, которые давали 58,3 % добываемого золота⁷⁷.

Однако техническое перевооружение отрасли наталкивалось на нехватку капиталов, концентрация которых тормозилась общей экономической отсталостью края. Это обстоятельство стимулировало процессы акционирования, и уже в начале 1890-х гг. в губернии возникают первые акционерные общества. Пионером в этой области стал минусинский купец и золотопромышленник И. Гусев, основавший в 1890 г. «Акционерное общество минусинских золо-

тых приисков». Следом возникает еще ряд акционерных компаний: Боровинская с уставным капиталом 860 тыс. руб. в составе: А.А. Савиных, А.П. Кузнецов, П.С. Гудков; в 1898 г. создается компания «Драга» с основным капиталом 150 тыс. руб., в 1901 г. она преобразуется в акционерное общество, в состав которого вошли братья Кузнецовы, томский купец Родюков, А.А. Савиных, А. Баландин, иркутский купец Н.Н. Второв. Основной капитал общества был увеличен до 500 тыс. Однако даже у крупных компаний были проблемы с оборотным капиталом, так как получить кредиты в частных банках можно было только при условии сдачи добытого золота в банк, что было невыгодно золотопромышленникам.

После Первой русской революции в сибирскую золотопромышленность устремился крупный российский и иностранный капитал. Российские магнаты, опиравшиеся на союз со столичными банками и бюрократией, начинают теснить местную буржуазию. Крупнейшим игроком в отрасли в начале XX в. становится Федоровское общество, уставной капитал которого при образовании в 1905 г. составлял 1 млн руб. Контрольный пакет акций и руководство правлением получили графы В.А. Гендриков (председатель) и В.В. Гудович, Ф.М. Крузе, князь А.М. Масальский, барон А.А. Фитингоф-Шелль. Из местных предпринимателей в состав общества вошли купцы П.Б. Терсков и А.Г. Терсков.

В 1906 г. в собственности общества находилось 177 приисков, имущество оценивалось в 1 472 625 руб. Займы на расширение деятельности дали Госбанк, Кабинет, частные банки. В 1905 г. было добыто 3, в 1910–1911 – 37, в 1914–1915 – 60 пудов золота. С 1912 по 1916 г. получено свыше 1 млн руб. чистой прибыли. К 1917 г. обществу принадлежали 206 приисковых отводов, 15 драг.

Общество, благодаря тому, что в его состав входили видные царские сановники, имело доступ к ссудам Государственного банка, однако это не спасло его от финансовых трудностей. По причине нехватки оборотного капитала администрация общества была вынуждена обратиться за кредитом к частным банкам, но не сумела удовлетворить претензии кредиторов, что в дальнейшем привело к нарастанию зависимости общества от банкиров.

Другим крупным игроком становится Российское золотопромышленное общество (Золоторосс), основанное в 1895 г. Первоначально основной капитал общества составлял 5 млн руб. золотом. Оно контролировалось крупнейшими столичными банками.

Общество активно скупало прииски и золотосодержащие участки, а также акции и паи в золотопромышленных компаниях. Ему принадлежали прииски на Урале, в Томской губернии, Забайкалье, Приамурье, акции в крупнейшей золотопромышленной компании «Лена Голдфилдс». «Золоторосс» в 1911 г. скупил прииски в Мариинском округе, Ачинском и Минусинском уездах, принадлежавшие крупному минусинскому золотопромышленнику К.И. Иваницкому, выплатив ему 2 млн 200 тыс. руб. По количеству полученного золота на этих приисках «Золоторосс» уступал только Федоровскому обществу. Иваницкий же вошел в состав акционеров «Золоторосса», получив огромные прибыли, на которые основал акционерное общество «Ольховские золотые рудники» с основным капиталом в 2 млн руб. для разработки Ольховской группы золотых рудников в Минусинском уезде. Для добычи рудного золота на рудниках была построена золотоизвлекательная бегунная фабрика, которая дала 120 пудов золота.

На долю крупных компаний с участием российских предпринимателей (Федоровское общество, Общество Путиловских заводов, Российское золотопромышленное об-

щество), составлявших всего 3,5 % от всех золотопромышленных предприятий в губернии, приходилось 50 % золотодобычи, 40 % рабочих в отрасли, 45 % всех драг.

Перед Первой мировой войной появляются компании со смешанным российским и иностранным капиталом: русско-голландское общество «Минусинск», русско-английская компания «Новая Центральная Сибирь», получившая концессию на 44 прииска в губернии. В 1912 г. англо-американская компания «Фаулер, Пайнер К» приобрела более 30 заявок на добычу золота в Красноярско-Ачинском горном округе. Скупкой приисков и подачей заявок на отвод участков занимался американец Д. Китинг, основавший в 1913 г. компанию «Соединенное общество сибирской эксплуатации».

Однако в целом доля иностранного капитала в золотопромышленности губернии была невелика, так как иностранцы в основном вкладывали деньги в разработку крупных золоторудных месторождений, каковых в крае было немного. В основном скупка приисков и отводы делались не с целью организации производства, а перепродажи.

Золотопромышленность была сосредоточена в основном в северных округах губернии, значительно уступали ей по масштабам горные работы в пределах Красноярского округа. Самый крупный прииск (на реке Осиновой) принадлежал купцу И.Н. Некрасову. На нем было занято 125 рабочих. За 1877 г. здесь было намыто чуть более 8 пудов золота³². В этом же году помещиком И. Лебедевым были открыты россыпи в пределах городских дач по р. Юдиной в 13 верстах от Красноярска. Однако городская дума отклонила заявку на их разработку, ссылаясь на отсутствие правил о порядке приисковых работ в городской черте. Впоследствии разработка золота была разрешена, но только лицам, имевшим крупную недвижимость в Красноярске, или купцам, входившим в гильдии. В самом Красноярске

находились конторы крупных компаний И.Ф. Базилевско-го, Кузнецовых, С.В. Востротина. Здесь заключались сделки о поставках на прииски и найме рабочей силы. Значительная часть городских жителей была занята отходничеством на приисках. Так, за 1875 г. число отходников на прииски из города составило 811 человек, заработная плата рабочего за сезон равнялась 70–100 руб.⁷⁸

Развитие золотопромышленности оказывало существенное влияние на экономику губернии. По количеству вложенных капиталов и привлеченных рабочих золотопромышленность занимала первое место. В то же время она являлась рынком сбыта для местной промышленности и сельского хозяйства. Поэтому все перепады в отрасли через рыночные связи отражались и на состоянии экономики края.

Таким образом, промышленное развитие губернии в пореформенное время имело в целом поступательный характер, но его масштабы и темпы существенно отставали по сравнению с российскими и даже некоторыми сибирскими губерниями. Позитивные подвижки в техническом перевооружении промышленности, переход к новым формам организации крупного капитала наметились только на рубеже веков, но к этому времени уже начинается вытеснение с местного рынка сибирских предпринимателей российскими и иностранными компаниями.

1.3. Торговля и кредит

Отставание в темпах промышленного развития не могло не повлиять на состояние торговли в крае. Развитие внутреннего рынка в губернии тормозилось слабостью хозяйственных связей между ее округами. Наиболее развитые в экономическом отношении Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский округа были удалены на тысячи

верст от торговых магистралей, проходивших через Североморской путь близ северных границ края. От южных рубежей они были изолированы горной системой Саян и Кузнецкого Алатау. Возможности развития торговых связей с соседними губерниями также были ограничены. Сбыт сельскохозяйственной продукции, являвшейся основной статьей губернской торговли, в Иркутскую губернию был осложнен ограниченными условиями судоходства по Ангаре из-за труднопроходимых порогов. Вывоз хлеба в губернии Западной Сибири был невыгодным, так как транспортировка на большие расстояния увеличивала его стоимость и делала неконкурентоспособным по сравнению с местной продукцией. Таким образом, енисейский хлеб был как бы заперт на губернском рынке. Доля Енисейской губернии в вывозе хлеба оставалась мизерной по сравнению с другими сибирскими губерниями даже после проведения железной дороги, значительно удешевившей его транспортировку. Она составляла всего лишь 5,7 %, тогда как Омская губерния давала 44,4 %, Томская 45,2 % товарного хлеба⁷⁹.

Главным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции в губернии являлись золотые прииски, вот почему кризис золотопромышленности одним из своих последствий имел снижение торговых оборотов в губернии. Так, если в начале 1870-х гг. в крае действовало 30–35 ярмарок, то в 1880–1890-е гг. их число сократилось до 13. Для сравнения, в Тобольской губернии в эти годы действовало 567 ярмарок, в Томской – 68⁸⁰.

Ярмарки являлись главной формой организации торговли в крае. По количеству их выделялся Ачинский округ, где числилось в 1880-е гг. 6 ярмарок из 13 действовавших в губернии. При этом 2 из 6 – Никольская в Балахте и Петропавловская в Ужуре, открывшиеся еще в 30-х гг. XIX в., являлись самыми крупными, давая 60 % торгового оборота

в губернии. В начале 1880-х гг. максимальный оборот каждой из них превышал 300 тыс. руб., но к концу десятилетия они падают до 50 тыс. руб. и медленно начинают расти к середине 1890-х гг., приближаясь к 100 тыс. руб. (табл. 12). Ареал торговых связей Никольской и Петропавловской ярмарок распространялся более чем на 100 верст в округе, включая не только близлежащие волости, но и территории соседних губерний. В Ужур, например, съезжались купцы из Ачинска, Красноярска, Минусинска, Томска, Мариинска, Ялотуровска.

Таблица 12

Торговые обороты Никольской и Петропавловской ярмарок (в рублях)

Ярмарки	1882	1886	1890	1895
Никольская	345 000	80 000	53 420	99 500
Петропавловская	323 000	47 500	54 536	79 600

Источники: ГАКК, Ф. 31. Оп. 1. Д.11, Л. 1–10.

В Минусинском округе действовали 2 ярмарки: в с. Абаканском и с. Соленоозерском. Их обороты в разное время колебались от 30 до 200 тыс. рублей.

Значительно уступали этим двум округам по масштабам ярмарочной торговли Красноярский и Канский округа. В Канском действовала единственная ярмарка в с. Амонаш. Возникнув в 1840-е гг. во время «золотой лихорадки», она приносила некоторое время немалые прибыли, так как через нее на Бирюсинские прииски шли хлеб, скот, провиант. Но с закрытием приисков обороты ярмарки стали стремительно падать, и в 1880-е гг. она влачила жалкое существование. Так, если в Ачинском округе в ярмарках участвовали 400–500 продавцов, то в Канском – 3–5⁸¹.

В Красноярском округе действовала единственная ярмарка в губернском центре. Она была открыта в 1869 г. по

ходатайству губернских властей, однако не оправдала надежд ее учредителей. Обороты ее были весьма скромными, не превышающими 20 тыс.⁸²

Ярмарочная торговля в Енисейской губернии значительно уступала по своим масштабам ярмаркам в Западной Сибири, а главное, динамика торговли носила застойный характер. Даже в начале XX в. обороты самых крупных ярмарок в губернии не сумели преодолеть верхнюю планку, достигнутую в 1880-е гг. Так, оборот самой крупной ярмарки в губернии – Никольской в 1900–1905 гг. не превышал 200 тыс. Вот как описывала местная газета эту ярмарку: «Однотонная, вялая жизнь нашего захолустья всколыхнулась до дна, и коммерческие интересы всецело овладели местными жителями. Балахту посетили крупнейшие скупщики пушнины из Варшавы, Москвы и других городов Европейской России. Скупщики транспортируют сибирскую пушнину за границу – в Лейпциг, являющийся центром торговли русским пушным зверем.

Несколько скупщиков приобрели каждый до 30 000 белок, до 1000 соболей, несколько десятков тысяч рябчиков. В первые три дня ярмарки вся пушнина была продана и перепродана. Цены на пушнину следующие: белка покупается по 24–27 рублей за сотню. Заячьи шкурки идут по 22 копейки. На ангарского соболя и черного медведя спрос большой. На рябчика стоит высокая цена – 60 копеек, собола идет по 11 копеек, филин – по полтиннику. Щетина от 50 до 80 рублей за пуд. Табарга («струя») идет по 4–5 рублей»⁸³.

Ярмарочная торговля представляла архаичную форму, характерную для феодальной эпохи. В европейской части страны ее заменили капиталистические формы (магазины, оптовые склады, биржи), но в Восточной Сибири, особенно до проведения железной дороги, она оставалась господствующей. На сибирских ярмарках не только производилась розничная торговля, но и заключались сделки на оптовые поставки товаров.

В основном предметом ярмарочной торговли служили товары местного производства, но на крупных ярмарках торговали привозным мануфактурным и бакалейным товаром. Со временем в деятельности ярмарок намечается определенная специализация: на Абаканской и Балахтинской шла оптовая торговля хлебом, на Ужурской торговали скотом, на Соленоозерской сбывали пушнину, предметы крестьянского ремесла, на ярмарке в Каратузском заключались договоры по найму рабочих на прииски.

Ярмарки вносили заметное оживление в жизнь сельского населения губернии, подрывая патриархальный уклад в деревне, втягивая в новые общественно-экономические отношения. Это подмечали и сами крестьяне, рассказывая, что до появления в их округе ярмарок возможности сбыта их продукции были предельно ограничены. Да у них и не было в этом необходимости, поскольку все, что было нужно в хозяйстве и быту, делалось самими крестьянами, но с открытием ярмарок в деревню хлынул поток разнообразных товаров лучшего качества, богатого ассортимента. Это, с одной стороны, стимулировало спрос на них, а с другой – необходимость сбыта продукции своего хозяйства.

Распространенной формой торговли в губернии были базары. Как правило, они устраивались в крупных селах, волостных центрах, городах. Так, в Красноярском округе насчитывалось 6 базаров: в Емельяново, Погорельском, Сухобузимском, Еловском, Частоостровском и Красноярске. В Минусинском округе действовало 11 базаров, в том числе в Минусинске, Тесинском, Абаканском, Ермаковском, Новоселовском, Бейском, Шушенском. В Ачинском округе базары были открыты в тех селах, где действовали ярмарки, но первые работали во время перерывов между ярмарочными сезонами. В Канском округе, заметно уступавшем по активности торговой жизни, в 1880-е гг. было

зарегистрировано всего лишь 2 базара – в с. Рыбинском и Канске.

На базарах обычно сбывалась продукция местного производства, привозным товаром торговали лишь на тех из них, что находились в селах, расположенных на оживленных торговых магистралях. Как правило, на базарах шла розничная торговля, а в базарных селах, близких к приискам, производились оптовые операции.

Базарная торговля подчинялась определенному ритму. Наибольшее ее оживление наблюдалось осенью, после окончания уборочных работ и накануне больших религиозных праздников, особенно на Рождество и Пасху. Летом базарная жизнь замирала.

Базар являлся своеобразным центром экономической и общественной жизни не только одного села, но и целой округи, тяготевшей к нему. Поэтому для базарной торговли всегда отводилось место в центре села – рядом с волостным правлением или церковью. Торговля осуществлялась со специально построенных сооружений – лавок, балаганов, возведенных на средства сельского общества. Они сдавались в аренду, сборы от которой шли на местные нужды. Население сел, в которых были устроены базары, получало выгоды не только тем, что само участвовало в торговле, но и имело возможности дополнительных заработков от доставки грузов, обеспечения фуражом, мелких услуг, сдавая в аренду жилье и хозяйственные помещения для съезжавшихся на торги. Кроме того, базарная торговля подрывала монополию местных лавочников, вызывая понижение цен. Цены в селах, где действовали базары, и в ближайшей округе были несколько ниже, чем в удаленных деревнях.

Базары, как правило, работали только по определенным дням, и весь режим их работы был строго регламентирован местными властями. Так, базар в губернском центре дейст-

вовал по пятницам и субботам. Он располагался на Новобазарной площади рядом с Кафедральным собором. Торговля открывалась в 6 часов утра поднятием флага. До полудня, по постановлению городской думы, разрешалась только розничная торговля, после спуска флага начиналась оптовая продажа. Денежный оборот рынка колебался от 2 до 3,5 тыс. руб.⁸⁴

Базарная торговля тесно переплеталась с разносной и лавочной, которой занимались в основном мелкие городские и сельские торговцы. Коробейники, или как в Сибири их называли «ходебщики», закупали мелким оптом на ярмарках и базарах товары и разносили их по близлежащим деревням. Но нередко ареал их деятельности распространялся и на удаленные от торговых путей и центров территории – на прииски, в улусы и стойбища коренного населения, где мелочная торговля сочеталась с кредитно-ростовщической деятельностью и приносила немалые прибыли. Некоторые из наиболее предприимчивых и удачливых «ходебщиков» наживали капиталы, начиная с мелочной торговли в разнос. К таковым молва относила известного в Красноярске купца 1-й гильдии И. Щеголева.

За пореформенный период в губернии сложилась довольно разветвленная сеть лавочной торговли. По количеству торговых лавок Енисейская губерния опережала даже некоторые губернии Европейской России. Так, в Тамбовской губернии одна лавка приходилась на 988 человек, в Воронежской на 910, Саратовской на 549 человек, тогда как в южных округах Енисейской губернии это соотношение было равно 1:400, или 1 лавка на 0,85 села⁸⁵. Таким образом, в каждом селе существовала торговая точка. Хотя это усредненные данные, в реальности наличие торговых заведений было очень неравномерно. Большое их число приходилось на деревни, находившиеся недалеко от торговых путей и центров. Наиболее плотная обеспеченность

торговыми заведениями была характерна для Ачинского округа. Здесь в среднем одна лавка приходилась на одно село, или на 474 человека. Наименьшая плотность торговых точек была в Канском округе: 0,8 лавки на село⁸⁶.

Как правило, в лавках продавался мануфактурный и бакалейный товар довольно ограниченного ассортимента, а также соль, спички, керосин, чай. В питейных лавках торговали винами. Расчет производился наличными, но в отдаленных деревнях, где лавка являлась фактически единственным торговым заведением, широко практиковалась торговля в кредит на кабально-ростовщических условиях под высокие проценты. Часто лавочники выступали как скупщики хлеба, и в этих случаях расчет производился в меновой форме – товары на хлеб.

Меновая торговля особенно была распространена среди коренного населения. Лавочники обменивали свой товар на пушнину, скот, кожу, рыбу, нередко не соблюдая ни мер, ни весов, поскольку местное население их просто не знало. Обсчеты, обмеры, завышение цены, недоброкачественный товар становились заурядным обыденным явлением особенно там, где лавочник был фактически монополистом. Но там, где вступала в силу конкуренция, положение менялось к лучшему. Цены в лавках, например, расположенных ближе к ярмаркам и базарам, были в среднем ниже на 15–20 %.

Постепенно с развитием товарно-денежных отношений в губернии начинают распространяться такие формы стационарной торговли, как магазины, оптовые склады, характерные для новой капиталистической эпохи. Наиболее продвинутыми в этом отношении оказывались города. Сеть постоянных торговых заведений начинает формироваться в них уже в 1860-е гг. В губернском центре торговая сеть была наиболее насыщенной. Здесь, по данным журнала контрольной проверки торговых и промышленных заве-

дений за 1882 г., действовали 21 магазин, 6 оптовых складов и 135 мелких лавок⁸⁷. Склады и магазины снабжали товаром мелочные лавки, ларьки, в которых обслуживались преимущественно низшие слои городского населения. В магазинах, где был шире ассортимент товаров и набор услуг, удовлетворяла свои запросы зажиточная часть горожан.

Оптовая торговля в губернии, как и по всей Сибири, носила посреднический характер. Сибирские купцы, доставляя товары из европейской части страны, были тесно связаны со своими зауральскими поставщиками. Товары закупались крупным оптом на российских ярмарках – Ирбитской, Нижегородской, в Москве, сплавлялись летом до Томска по рекам, где находились до зимы, а затем с ее наступлением отправлялись по санному пути в Красноярск, Ачинск, Канск.

Покупая товары у своих российских поставщиков, енисейские купцы переплачивали за них по 20 коп. с 1 руб. Однако эти расходы с лихвой окупались благодаря монопольному характеру крупной оптовой торговли, поскольку громадные расходы на доставку товара были под силу только немногочисленной части гильдейского купечества⁸⁸. Незрелость кредитной системы сильно ограничивала мелким торговцам возможность конкурировать с оптовиками, благодаря чему последние могли завышать цены, прибегать ко всевозможным спекулятивным махинациям, вроде распродаж некачественного товара по заниженным ценам, установлению минимума на количество и цену покупаемого товара, меньше которой его нельзя было покупать.

Одним из способов держать высокий уровень цен становятся стачки крупных монополистов. Большой общественный резонанс в Сибири вызвали стачки виноторговцев в 1870–1880 гг. Из енисейских купцов в них участвовали

Г.В. Юдин, И.М. Некрасов, Л.И. Ярилов, А.Г. Баландин, В.А. Данилов. В их руках находились не только все винокуренные заводы в губернии, но и склады, питейные лавки, кабаки. Так, только Некрасову принадлежало 3 склада, 60 кабаков в Канском округе, Данилову – 5 складов и 58 питейных лавок в Минусинском округе⁸⁹. Пользуясь фактическим господством на рынке, они подняли цены с 7 до 10 руб. за ведро, получив при этом сверхприбыль.

Проведение железной дороги внесло заметные изменения в характер, масштабы и формы торговли. Доставка товаров стала доступнее и дешевле, что, в свою очередь, создало благоприятные условия для роста торговых предприятий, а это способствовало сокращению числа посредников между торговлей и производством, широкому развитию розничной торговли, ослаблению засилья оптовиков.

В структуре товарооборота большая доля приходилась на товары потребительского спроса и продовольствие. Значительное место занимала оптовая торговля хлебом. Однако до проведения железной дороги она в основном ограничивалась внутренним рынком. Открытие железнодорожного движения привело к увеличению вывоза хлеба за пределы губернии. Вывоз хлеба из Сибири по железной дороге в 1900 г. составил 13 млн пудов, в 1906 г. – 28 млн пудов, в 1909 г. – 54 млн. Но доля Енисейской губернии в этом вывозе оставалась мизерной даже после проведения железной дороги, значительно удешевившей его транспортировку. В начале XX в. она составляла всего лишь 5,7 %, тогда как Омская губерния давала 44,4 %, а Томская – 45,2 % товарного хлеба. К 1913 г. это соотношение выглядело следующим образом: 10,2, 43,4, 31,6 % соответственно⁹⁰.

В целом грузопоток из Енисейской губернии в западном направлении неуклонно растет. В 1898 г. он составил 725 059 тыс. пудов, в 1900 – 1 100 573, в 1903 – 1 777 530 тыс. пудов⁹¹. Большая доля вывоза приходилась

на лес. Енисейский лес составлял 30 % от всего товарного леса на российском рынке, вывозившегося из Сибири.

Еще более ограниченными в крае были условия развития внешней торговли. Единственным торговым каналом, связывавшим губернию со странами Западной Европы, был Североморской путь через устье Енисея. К 1887 г. относится первая попытка его использовать. В этом году представитель Ливерпульского торгового дома Вигинс на корабле фирмы «Кноп» прибыл в Енисейск с партией товаров. Однако установить более прочные торговые связи с компанией сибирякам не удалось, так как фирма вскоре разорилась. Вторая попытка организации внешней торговли по Североморскому пути была связана с деятельностью компании «Феникс», получившей от российского правительства право беспошлинной торговли в Сибири. Англичане продали в Енисейске и Красноярске товаров на сумму 30 тыс., а закупили хлеб, соль, кожи, шерсть, масло. Но дальнейшего развития отношений с компанией не последовало, поскольку торговля не оправдывала себя из-за больших издержек.

Действительно, иностранным предпринимателям, желавшим торговать с сибиряками, чтобы компенсировать высокие затраты (для плавания по северным морям требовались особые суда, стоимость которых была выше, чем у обычных морских судов) и риски, связанные с плаванием в суровых условиях Севера, нужны были льготные таможенные условия. Этот вопрос мог быть решен введением режима порто-франко в устьях сибирских рек.

Сибирские купцы еще в конце 1870-х гг. стали ставить перед правительством вопрос об этом. В 1888 г. не без активного содействия английского посла российские власти пошли на разрешение беспошлинной торговли в устьях Оби и Енисея. Однако это вызвало протесты со стороны столичных промышленников, боявшихся потерять моно-

полию своей торговли в Сибири. Так, известный свечной фабрикант Г.А. Крестовников обратился с претензиями в Министерство финансов, и с 1897 г. вновь были введены пошлины. Тем не менее сибирским купцам, заручившимся поддержкой генерал-губернатора Восточной Сибири, вскоре все же удалось убедить министерских чиновников в целесообразности введения льготных пошлин. И в 1898 г. они были восстановлены, но при этом условия их реализации были столь стеснительны, что сводили разрешение к нулю.

Непоследовательная экономическая политика правительства в Сибири вызывала нарастание оппозиционных настроений у местной буржуазии. Известный енисейский предприниматель С.В. Востротин с горечью замечал, что действия бюрократии подрывали усилия сибиряков по созданию благоприятных условий для хозяйственного и культурного подъема края. «Сибирь своею отсталостью и медленным развитием своей культурной и экономической жизни всецело обязана русской бюрократии. Всякая инициатива, всякая попытка ... хотя бы сколько-нибудь поднять слишком медленный темп сибирской жизни губилась бюрократией...», – писал он⁹².

Требование введения порто-франко стало центральным пунктом деятельности Востротина в Государственной думе, депутатом которой он избирался дважды. Он был глубоко убежден, что выход сибирских товаров через Северный морской путь на европейские рынки коренным образом изменит экономическую ситуацию в Сибири, превратив ее из сырьевого рынка для российской промышленности в процветающий край, основой экономики которого будет местная промышленность и сельское хозяйство. «Только Северный морской путь и беспошлинный ввоз могут дать Сибири и дешевые машины, и необходимые продукты, и капиталы и оживить сибирское земледелие и

сибирскую промышленность, которая, в свою очередь, даст сибирская железная дорога. Более ценные товары, способные выдержать высокие тарифы во всех направлениях на далеких расстояниях. Только при таких условиях может начаться правильная колонизация края и развитие производительных сил огромной и богатой страны, и Сибирь может действительно сделаться одной из богатейших и населенных стран»⁹³.

Востротин считал доводы противников Северного морского пути о том, что казна пострадает от недобора пошлин, неубедительными, так как введение порто-франко даст толчок для развития местной промышленности и торговли, и налоги с сибирских предпринимателей компенсируют эти потери. Он готов был от лица сибирских и иностранных предпринимателей взять на себя часть расходов, связанных с устройством и эксплуатацией Северного морского пути. Чтобы заинтересовать министерских чиновников, Востротин предлагал устроить за счет компаний станции по трассе и беспроволочный телеграф с правом бесплатного пользования им чиновниками, организовать исследование фарватера рек, доставить безвозмездно 500 тыс. пудов правительственных грузов.

Однако правительство с подозрением относилось к проекту порто-франко в Сибири, опасаясь, что это приведет здесь к усилению иностранного влияния и как следствие – активизации сибирского сепаратизма. Дело сдвинулось с мертвой точки только в годы Первой мировой войны. В 1915 г. министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской обратился в Совет министров с представлением о разрешении на время войны беспошлинного ввоза иностранных товаров через устье Енисея. Совет министров согласился с этим предложением, ограничив ввозимые товары определенным перечнем. В марте 1916 г. Государственная дума приняла по этому вопросу положи-

тельное решение, расширив список товаров. Для применения этой льготы установили пятилетний срок. Окончательно закон о льготном ввозе товаров в Сибирь через устье Енисея был утвержден Государственным советом 22 февраля 1917 г.

Большую роль в продвижении этого проекта сыграл норвежский предприниматель И. Лид, по инициативе которого в 1912 г. было создано «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» («Сибирское общество») с целью освоения богатств Сибири с использованием для этого Северного морского пути. Лид лично участвовал в изучении возможностей сибирского рынка, побывав с этой целью в Енисейске, Красноярске, Томске. Он проявил недюжинный дипломатический талант, организовав встречи с влиятельными представителями деловых и бюрократических кругов в Петербурге, Москве, убеждая их в выгодности проекта. Организовал в 1913 г. экспедицию через Карское море с участием известного исследователя Арктики Ф. Нансена. В 1914 г. организовал несколько рейсов по Североморскому пути для перевозки казенных грузов: сибирской пшеницы, которую правительство намеревалось отправить союзникам, масла, леса. Его торговый транспорт несколько раз подвергался опасности нападения германского флота, поэтому Лид выглядел в глазах русского общества как герой. Общественное признание Лид заслужил и своей благотворительной деятельностью – помощью раненым в Первой мировой войне, наконец, он изъявил желание стать русским подданным. Однако самым весомым аргументом, склонившим министерских сановников в пользу проекта, стало обещание создать акционерное общество для торговли по Североморскому пути, состоящее из российских деятелей. Действительно, такое общество в 1915 г. было создано. Оно имело такое же название, как и англо-норвежское – «Си-

бирское общество», но в состав его правления вошли представители российской бюрократической элиты и финансовой олигархии. Как, например, В.И. Тимирязев – бывший министр торговли и промышленности, председатель Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, председатель совета Русского банка для внешней торговли, совета Петроградского частного коммерческого банка, член Особого совещания по обороне. В числе членов правления мы видим и В.Н. Шаховского – министра торговли и промышленности в 1915–1917 гг., председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом. Это именно те люди, от которых зависело прохождение проекта. Также в состав общества вошли представители ведущих столичных банков. Кроме того, И. Лид передал русскому «Сибирскому обществу» свое имущество в России, в том числе: лесопильный завод в Маклаково, оцененный в 379 тыс. руб.; товары для импорта на 3 345 тыс. руб.; товары для экспорта на 1 328 тыс. руб.; паи пароходных компаний, три коммиссионные конторы в Петрограде, Красноярске и Ново-николаевске и другие объекты. Всего с активом по балансу 8 243 тыс. руб. и пассивом 6 243 тыс. руб. За все это И. Лид получил на 2 млн руб. акций нового общества из Русско-Азиатского банка⁹⁴. К этому еще надо прибавить прибыли, полученные Лидом от деятельности англо-норвежского «Сибирского общества». В 1916 г. его прибыль составила 40 %. С первоначальных 145 тыс. крон капитал увеличился в 1914 г. до 500 тыс.⁹⁵, из которых принадлежали акционерам: норвежским – 144, русским – 153, английским – 86, шведским – 45 и французским – 18.

Таким образом, все сливки от проекта были сняты столичной олигархией, а что же осталось сибирякам? К плюсам можно отнести увеличение товарооборота. За 1914–1916 гг. ввоз составил 5 931 тонн, в том числе строитель-

ные материалы – 2 481, каменный уголь – 1 088, машины – 81. Вывезено было 6 230 т грузов, в том числе масла животного – 2 481, лесоматериалов – 2 130, льняного волокна – 1 384.

Особо иностранный капитал интересовал сибирский лес и в первую очередь такие ценные породы, как кедр, лиственница, пихта, на которые был высокий спрос в Европе. С этой целью Лид открыл в 1916 г. лесопильный завод в с. Маклаково Енисейского уезда. Завод разместился в двухэтажном тесовом корпусе с одноэтажным машинным отделением. При заводе построили жилой дом на 45 человек и 7 барачков. Годовая производительность завода была определена в 15 тысяч кубических футов древесины. Завод оборудовали новейшими машинами из Швеции и Англии. На заводе работали окрестные крестьяне – 200 человек, но они выполняли работы, не требовавшие квалификации, поэтому зарплаты были невысокие, условия труда – очень тяжелые, рабочая смена длилась 12 часов, работали прямо в воде, вручную вытаскивая из нее бревна. Это привело к волне забастовок на заводе. Не остались без своих «дивидендов» и крестьяне. Заводская администрация вместо того, чтобы вести порубки леса на дальних подступах, так как было условлено в арендном договоре, взяла в разработку ближние участки, которыми пользовались крестьяне. Вот так распределись «вершки» и «корешки» между представителями столичной олигархии, иностранным капиталом и сибиряками.

Успешно развивались внешнеторговые связи на южных границах губернии с населением Монголии. Торговые пункты на русско-монгольской границе возникли в середине XIX в. Минусинские купцы Веселков и Бяков через эти пункты вели торговлю, обменивая мануфактурные товары на скот. В 1860-х гг. с разрешением беспошлинной пограничной торговли число ее участников заметно воз-

растает, подрывая монополию крупных торговцев. Возникают многочисленные торговые базы в верхнем течении Енисея и его притоках – Кемчику, Систекхему. Торговые обороты с 1877 по 1890 г. выросли в 2 раза. В 1890 г. торговый оборот с Монголией составил 88 311 руб.

Если в 1860-х гг. торговля с Монголией носила преимущественно транзитный характер – туда везли товары, поступавшие в Енисейскую губернию из Европейской России: шелк, бязь, бисер, иголки, ситец, сукно, холст, оружие, то в 1880-1890-х гг. в структуре товарооборота возрастает доля товаров, производившихся в губернии: зерно, мука, продукция Абаканского железодельного завода, посуда Минусинского стекольного завода, сахар с минусинского сахарного завода И. Гусева. Из Монголии в губернию шли скот, кожи, пушнина.

Однако доходы енисейских купцов от торговли с Монголией были несравнимы с доходами их коллег из Иркутска и Кяхты, которые вели транзитную торговлю чаем с Китаем, получая миллионные прибыли. Малая эффективность внешнеторговой деятельности енисейских купцов объясняется неразвитостью транспортных путей (торговые караваны очень медленно продвигались по опасным горным перевалам) и отсутствием русского консульства в Монголии.

Одной из причин экономического отставания губернии являлась неразвитость банковско-кредитной системы страны. Частные коммерческие банки здесь отсутствовали, главными кредитными учреждениями, аккумулировавшими финансовые потоки, являлись отделения Государственного банка, открывшиеся в начале 1860-х гг. в Енисейске и Красноярске. В основном их деятельность ограничивалась учетом векселей и была направлена на обеспечение кредита крупному капиталу в золотопромышленности и торговле. Однако масштабы деятельности филиалов Госбанка не отвечали потребностям развития сибирской экономики.

Значительная часть со счетов сибирских филиалов направлялась на финансирование предприятий правительства. На поддержку экономики Сибири тратилось лишь 6 % от того, что концентрировалось в сибирских филиалах банка. В результате росла задолженность им Государственного банка, в 1893 г. она составила 10,7 млн руб⁹⁶.

Финансовая политика банка, ущемлявшая интересы сибирской буржуазии, стимулировала создание местных кредитных учреждений. В 1860-х гг. в Енисейской губернии возникает ряд общественных банков. В 1863 г. открывается банк в Канске с уставным капиталом 10 тыс. руб. и в Енисейске с капиталом 7 тыс. руб., в 1867 г. этому примеру последовали жители Минусинска. Основной капитал Минусинского общественного банка составил в момент его основания 10 тыс. руб. А вот в губернском Красноярске, несмотря на неоднократные обращения горожан об открытии общественного банка, это произошло с большим опозданием – лишь в 1907 г. Основной капитал банка составил 50 тыс. руб.

Однако обороты городских банков росли медленно: на 1873 г. оборот Канского банка составил 183 614 руб., прибыль – 3 754 руб., Енисейского соответственно 140 352 руб. и 3 873 руб.; Минусинского – 346 375 руб. и 4 889 руб.⁹⁷. Но и городские банки кредитовали главным образом крупных промышленников и торговцев. Система же организованного мелкого кредита в губернии до 1880-х гг. практически отсутствовала. Лишь в 1880-х гг. в ряде волостных центров: Тинском, Тасеево, Рыбинском и Тесинском возникают ссудно-сберегательные товарищества. Ссудный капитал в них образовывался частично из взносов участников, а частью из капитала от общественной запашки и был, как правило, невелик: от 1 до 5 тыс. руб. Ссуды выдавались под 12 % годовых.

По уставу каждый из участников товарищества имел

право делать денежные вклады, получать ссуды, быть поручителем, выбираться в правление, голосовать на общем собрании. Каждый человек этого добровольного объединения мог иметь только один пай, размер которого не мог быть выше 50 рублей. Пай мог вноситься сразу и по частям. Товариществу разрешалось принимать денежные вклады, заключать займы и выдавать ссуды. Минимальный размер вклада составлял 10 копеек, максимальный – не мог превышать пятикратную сумму пая. Деньги вносились на неопределенное время или на короткий срок. Займы могли делаться товариществом, как у своих членов, так и посторонних лиц и учреждений. Самый большой размер ссуды не должен был превышать 150 рублей. Как правило, все они выдавались на срок не свыше 9 месяцев.

Однако деятельность этих обществ не получила сколько-нибудь значительных масштабов. У крестьян бытовало предубеждение к кредитным учреждениям. Даже такой просвещенный крестьянин, внедрявший в своем хозяйстве передовые способы ведения, как Ф.Ф. Девятов, утверждал, что кредит – это очень опасное дело, и крестьянин должен так вести свое хозяйство, чтобы избегать его. Особенное неприятие у крестьян вызывал банковский процент. Взимать процент за деньги в долг и даже пользоваться процентом по вкладам считалось грехом. Поэтому в деревнях по-прежнему процветал ростовщический кредит. В роли ростовщиков выступали как крупные купцы, торговавшие хлебом оптом, – Терсковы, Лыткины, Пашенных, так и мелкие лавочники, а также зажиточные крестьяне. Кредитные проценты у ростовщиков были непомерно велики – от 10 до 15 % в месяц. Доходы от такого кабального кредита составляли от 5 до 20 тыс. руб. Иногда заемные сделки заключались от имени сельского общества и, таким образом, в кабале оказывались целые деревни.

По мере того как деревня втягивается в рыночные от-

ношения, потребность крестьян в инвестиционном капитале возрастает. Особенно она ускоряется в связи с переходом к использованию сельскохозяйственной техники. Она стоила недешево, и это подталкивало крестьян к образованию кредитных товариществ, сельских банков. В начале XX в. сельские банки открылись в селах: Абаканском, Ужурском, Шушенском, Еловском. Об успехах в развитии сельского кредита докладывал в отчетах губернатор Бологовский: «В настоящее время, по мере популяризации среди населения, закон о мелком кредите, принятый 7 июня 1904 года, получает в губернии широкое и планомерное развитие и уже показывает положительное влияние на экономическую жизнь населения некоторых уездов губернии. Число кредитных товариществ к концу 1910 года достигло 35 и имеет тенденцию к непрерывному увеличению в связи с расширением их оборотов и возникновением посреднических операций»⁹⁸. К 1917 г. кредитные товарищества или сельские банки существовали практически во всех волостных селах губернии.

Распространенной формой мелкого кредита становятся сберегательные кассы. Они стали открываться еще со второй половины 1860-х гг. при филиале Госбанка. Под небольшой процент (3 %) горожане могли в них хранить и увеличивать свои сбережения. Первое время вклады в сберкассах росли медленно: в 1867 г. – 99 руб.; в 1869 г. – 155 руб.; в 1872 – 200 руб.⁹⁹. Но постепенно дело стало набирать все большие обороты: сберкассы стали открываться при почтовых отделениях и окружных казначействах. В 1893 г. на счетах красноярцев в сберкассах хранилось почти полмиллиона рублей.

В немалой степени сберкассы привлекали красноярцев перспективой покупки через них государственных облигаций, которые приносили некоторым счастливым немалые денежные выигрыши. Сберкассы также создавались и при

различных ведомствах и учреждениях, например, такие кассы существовали при Енисейской врачебной управе, Губернском управлении. К концу 1880-х гг. сберкассы появляются и в селах.

В 1889 г. был издан закон, разрешавший создавать сберегательные кассы при почтово-телеграфных отделениях. Это решение дало возможность тысячам крестьян губернии реально улучшить свои финансовые возможности. Это способствовало заметному увеличению числа касс и вкладчиков в губернии. К концу 1910 г. на сберегательных вкладах жителей Енисейской губернии находилось более 6 миллионов рублей.

Однако сберкассы не могли решить проблему промышленного кредита, и вплоть до конца XIX в. она не потеряла для красноярских предпринимателей своей остроты. Лишь с постройкой Великой Сибирской железной дороги на сибирский рынок начинают проникать крупные частные банки России: Русско-Китайский банк, Русский банк для внешней торговли, Русский торгово-промышленный банк, Волжско-Камский банк и Сибирский торговый банк. Их отделения в Красноярске, Ачинске, Минусинске находились полностью на самостоятельном балансе и в значительной степени располагали свободой оперативных действий. Основным направлением их деятельности стало финансирование торговых операций: хлебом, сливочным маслом, сельскохозяйственным сырьем. Банки выдавали ссуды под товары и товарные ценности, комиссионные поручения, а также занимались реализацией сельскохозяйственных машин и прочих промышленных товаров через своих клиентов или непосредственно со своих складов, вели учет векселей и иных обязательств. Но и на этом этапе крупные банки мало интересовала сибирская промышленность, исключение составляла только золотодобыча. Отделения банков проводили операции по закупке

золота, предоставляя золотопромышленникам под высокий процент ссуды с уплатой долговых обязательств поставкой золота в золотосплавильные лаборатории банка. Таким образом, банки получали возможность формировать региональную цену золота и иметь дополнительную прибыль.

К 1912 г. сеть банковско-кредитных учреждений Енисейской губернии включала 5 сберегательных касс Красноярского отделения Госбанка, 43 сберегательные кассы пяти казначейств, 5 городских общественных банков, 79 кредитных товариществ, 2 ссудо-сберегательных товарищества, 81 земскую кассу. В 1916 г. услугами сберегательных касс в Енисейской губернии пользовалось около 30 тысяч человек¹⁰⁰.

В 1912 г. в Енисейской губернии возникает такая новая форма кредитных учреждений, как Общества взаимного кредита. Они создавались для кредитования как частных, так и юридических лиц и выполняли те же операции, что и частные банки: принимали вклады на срок, открывали текущие счета, учитывали векселя, производили товарные операции. Их оборотный капитал формировался из вступительных взносов вкладчиков, они же являлись и совладельцами банка и участвовали в его прибылях и убытках. Получатель кредита вынужден был отдавать 10 % от него в оборотный капитал банка. Это удорожало кредит, но зато минимизировало риски и делало такие банки более надежными. В основном такие кредитные учреждения были рассчитаны на мелких и средних предпринимателей. Первые ОVK в губернии возникли в Канске и Ачинске, в 1913 г. – в Красноярске, в 1916 – Минусинске.

Однако новая форма кредитных учреждений получила распространение только в городах, в сельской местности преобладали в основном кредитные товарищества, сельские банки и сберкассы. Кредиты в основном шли на

покупку скота (20 %), приобретение семян (11 %) и сельскохозяйственного инвентаря (8 %), для найма сезонной рабочей силы (6 %) и на прочие цели. Стоимость пользования ссудными средствами составляла от 7 до 12 %, причем крестьянам ссуда могла выдаваться под будущий урожай¹⁰¹.

1.4. Транспорт

Громадные малолюдные пространства Сибири при неразвитости транспортной сети становились ощутимой преградой на пути вовлечения края в общероссийские экономические связи. Вплоть до конца XIX в. единственной транспортной артерией, связывавшей Сибирь с европейской частью страны, оставался Сибирский тракт. Через всю Сибирь по нему двигались торговые караваны, переселенцы, партии ссыльных. Тракт имел колоссальное значение в хозяйственной жизни края. Через него шел основной грузопоток, население притрактовых сел было занято обслуживанием тракта, занимаясь извозом, дворничеством, шорным делом. Для поддержания тракта привлекались немалые средства, повинности, связанные с его ремонтом, были тяжелым бременем для местного населения, все же его состояние оставалось неудовлетворительным. Современники иронически сравнивали сибирские дороги с «восьмым чудом света». «Море жидкой грязи в распутицу, в сухую погоду пересохшие канавы и кочки, поднимающиеся на аршин», – так описывала местная газета дорогу близ Красноярска. Она же с возмущением писала о случае, когда обоз с товарами шел из Томска до Красноярска 39 дней¹⁰².

Однако плотность даже таких плохо обустроенных до-

рог была ничтожно мала по отношению к общей площади края. Так, протяженность Московского тракта в границах губернии составляла 519 верст. Центр губернии с северными территориями связывал Енисейский тракт: от Красноярска через Енисейск до Туруханска его протяженность составляла 1 415 верст. Этот тракт в 1860–1890-е гг. в связи с началом пароходного движения по Енисею утратил былое значение торговой магистрали и служил главным образом для почтового сообщения.

Гораздо более оживленным был тракт между Минусинском и Ачинском. По нему проходила хлебная торговля из Минусинского округа в северные волости Ачинского и Енисейского округов, а также в Томскую губернию.

В начале XX в. активизируется освоение Засаянского края. Основной транспортной магистралью, через которую шел поток грузов и переселенцев, являлся Енисей. Однако развитие судоходства сдерживалось труднопроходимыми порогами в Верхнем Енисее. Движение через горные перевалы шло по вьючным дорогам и являлось довольно опасным. Часто скот и грузы падали в пропасти. Поэтому торгово-промышленные круги ставили вопрос о строительстве тракта, который бы соединял Минусинский уезд и Урянхайский край. Но в правительственных кругах этот вопрос постоянно откладывался, только в 1909 г. было принято решение о начале строительства Урянхайского тракта протяженностью 170 верст. Однако строительство шло также медленно, как и принималось решение. Так, к 1917 г. были проведены только 32 версты.

Связь между населенными пунктами внутри округов осуществлялась в основном по проселочным дорогам. Их состояние, конечно, не могло обеспечить регулярное сообщение, усугубляя хозяйственно-экономическую изоляцию и локальную замкнутость жизни губернии.

В этих условиях чрезвычайно важное значение имело

открытие пароходного движения по Енисею. Первая попытка основать пароходное дело в губернии относится к 1845 г. и связана с именем крупного красноярского золотопромышленника П.И. Кузнецова. Он обратился в Министерство путей сообщения с заявкой на предоставление ему «привилегии» на основание и эксплуатацию пароходства на Енисее сроком на 6 лет. Но получив ее, так и не успел построить пароход в срок. Позднее с подобными заявлениями в министерство обращались еще несколько енисейских предпринимателей, но правительство отказалось от практики поощрения монополий и решило пойти по пути либерализации, стимулируя свободную конкуренцию в пароходном деле.

Начало Енисейскому пароходству было положено в 1861 г. основанием частной пароходной компании енисейских купцов А.С. Баландина, Кытмановых, Калашниковых и Грязновых. Основной капитал компании составил 24 тыс. руб. В 1862 г. приступили к постройке парохода, а в 1863 г. в устье притока Енисея р. Гольчихи был спущен на воду первый пароход «Енисей». Его корпус был построен талантливым мастером-самоучкой, бывшим крепостным Худяковым, а шестидесятисильная паровая машина привезена из Перми. Позднее был построен второй пароход – «Опыт» с двигателем мощностью 25 л.с. В 1870-х гг. пароходная флотилия увеличилась на 2 парохода – «Николай» и «Александр». Все 4 парохода курсировали в низовьях Енисея. Общий объем их грузоперевозок составлял 130 тыс. пудов.

Вплоть до 1880-х гг. пароходное движение осуществлялось только в нижнем течении Енисея, путь к Красноярску преграждали Казачинские пороги, которые считались непроходимыми. Но в 1881 г. купец Н.Г. Гадалов приобрел у фирмы «Кноп» пароход «Москва», а позднее «Дальман» с более мощными двигателями – 100 сил. Пароходы ус-

пешно преодолели пороги, и с этого времени началось регулярное движение по всему течению Енисея.

К 1888 г. пароходный парк на Енисее увеличился до 6 пароходов, 3 из которых принадлежали фирме Гадаловых, остальные – известному иркутскому предпринимателю А.М. Сибирякову. Фактически монопольное положение этих предпринимателей позволяло получать им сверхприбыли, устанавливая непомерно высокие фрахты. Так, в 1884 г. прибыль Гадалова от парохода «Москва» составила 14 592 руб., от «Дальмана» – 10 099 руб.¹⁰³ Но при этом судовладельцы не гарантировали доставку грузов в сохранности и вовремя, местная пресса неоднократно писала о срывах грузоперевозок и недовольстве пассажиров качеством обслуживания гадаловской компанией.

Сын Н.Г. Гадалова Александр весной 1890 г. выехал в Англию для изучения судостроения. В Лондоне он знакомится с европейскими технологиями в пароходстве, осваивает современные формы организации капиталов. После возвращения его в Красноярск семейство начинает расширять пароходный бизнес: для укрепления ремонтной базы строятся чугунно-литейный и механический заводы, в деревне Коркино обустраивается место для зимней стоянки пароходов. С этого времени А.Н. Гадалов фактически возглавляет семейное пароходство. В этом же году Гадаловы, объединив капиталы с колыванским купцом Е. Жернаковым, создают Сибирскую акционерную компанию срочно-буксирно-пассажирского пароходства с основным капиталом 1 млн 250 тыс. руб. Компания распространяет свое влияние не только на Енисейский бассейн, но и осуществляет грузоперевозки по Оби и Иртышу. К этому времени в собственности акционеров уже числилось 8 пароходов и несколько барж, судоремонтные мастерские, зимняя стоянка для судов в Коркино.

В 1893 г. в результате шторма на Енисее затонули при-

надлежавшие Гадаловскому пароходству баржи, на которых перевозились рельсы для строительства Сибирской железной дороги. А.Н. Гадалову пришлось на свои средства доставать со дна казенный груз. Казна компенсировала только часть затрат, к тому же с Гадалова взыскали штраф за провозку нефти без уплаты пошлины – 78 тыс. руб. Это сильно подорвало финансовые возможности фирмы, на 3 парохода был наложен арест и их выставили на продажу практически за бесценок.

Однако эстафету семейного бизнеса продолжил младший сын Н.Г. Гадалова Н.Н. Гадалов. Из оставшихся пароходов он в 1898 г. создал новую компанию. В 1904 г. Гадалов учреждает Сибирское акционерное торгово-промышленное пароходство «Рефрижератор» для отлова рыбы в Ледовитом океане. Пароходы, перевозившие рыбу, были оборудованы специальными холодильными установками.

Становление пароходства на Енисее сталкивалось с серьезными трудностями. Пароходный парк за 30 лет вырос незначительно: в нижнем течении Енисея в начале 1890-х гг. курсировало 5 пароходов, между Красноярском и Минусинском – 3; объем грузоперевозок вырос всего лишь на 22 %¹⁰⁴.

Во второй половине 1890-х гг. в связи с постройкой железной дороги грузопотоки перемещаются туда, что приводит к сокращению перевозок на речном транспорте. Кроме того, тормозящее влияние на состояние речного транспорта оказывала нехватка квалифицированных кадров. В губернии не было ни одного училища по подготовке плавсостава, нередко даже капитаны и штурманы не имели соответствующей профессиональной подготовки. Кадры матросов комплектовались из крестьян-отходников. Поэтому развитие пароходства в крае значительно отставало по масштабам и формам организации капитала в отрасли

по сравнению с соседними губерниями Западной и Восточной Сибири.

Таблица 13

Классификация пароходов на Енисее

Название	Тип	Мощность	Владелец
Красноярец	Двухвинтовой железный	25	Ф.Г. Черепанов
Св. Николай	Двухколесный железный	140 (500 л.с.)	А.М. Сибиряков
Дедушка	Двухколесный железный	100	Гадаловы
Россия	Двухколесный железный	100	Гадаловы
Москва	Двухколесный железный	60	Иванов
Минусинск	Винтовой железный морского типа	25	К ^о - Поппам
Енисей	Двухколесный с деревянным корпусом	60	Енисейская К ^о
Игнатий	Двухколесный деревянный	45	А.И. Кытманов
Храбрый	Двухвинтовой деревянный		Е. Кнорре
Абаканец	Двухвинтовой деревянный	22	Поретчин
Барнаул		40	Франсуа Лаббон
Лейтенант Малыгин	Двухвинтовой морского типа	140	Немчинов
Анна	Винтовой деревянный	20	Буданцев

Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб., 1900.

К 1870-м гг. относятся попытки устройства гидросис-

темы, которая должна была соединить Обь и Енисей. Канал рассматривался как возможность диверсификации транспортной системы, перенесения грузопотока с Сибирского тракта на речные пути хотя бы в период навигации. Кроме того, оптимизацию водных путей рассматривали как альтернативу дорогостоящему железнодорожному строительству. На канал также возлагали большие надежды по активизации торговли с Китаем. Предполагалось, что грузы из Иркутска пойдут по Ангаре в Енисей и далее в Обь. Наконец, строительство канала решало проблемы доставки грузов к золотым приискам в енисейской тайге.

В 1872 г. енисейский купец П. Фунтусов организовал на свои средства экспедицию для изучения гидрологических ресурсов притоков Енисея и Оби, через которые предполагалось соединить их каналом. Инициатива купца привлекла внимание в правительственных кругах. В 1875 г. Министерством путей сообщения был организован ряд экспедиций в этот район, по материалам которых был разработан проект строительства канала по рекам Озерная, Язевая, Большой и Малый Кас. Одну экспедицию возглавил инженер Синденспера, она прошла из Оби по реке Кеть и ее притокам до водораздела и подтвердила данные, собранные Фунтусовым. Другой экспедицией руководил барон Б.А. Аминов, он исследовал Ангару. Вскоре Аминов был назначен начальником Томского округа путей сообщения и руководителем строительства Обь-Енисейского канала.

Проектная стоимость строительных работ, рассчитанных на 7 лет, составляла 8 млн руб. Проект строительства Обь-Енисейского канала был рассмотрен в 1882 г. на заседании Государственного совета и получил одобрение.

Проект предусматривал расчистку и расширение рек, а также строительство 18 плотин и 29 шлюзов. Предполагалось соорудить судоходный канал и приспособить приле-

гающие к нему реки для прохождения судов шириной 3,5 сажени и грузоподъемностью 5 000 пудов во время всей навигации. Дополнительно предполагалось устранить пороги на р. Ангаре для беспрепятственного сообщения с Байкалом. После рассмотрения проект был подвергнут корректировке. По новому проекту суда грузоподъемностью 5 000 пудов могли пройти через шлюзованную часть пути только в весеннюю воду, а в остальное время проход был возможен только для лодок, способных взять не более 500 пудов.

Начавшиеся в 1883 г. строительные работы продвигались очень медленно из-за недостатка финансирования и квалифицированной рабочей силы. В основном использовался труд крестьян-отходников, желавших подзаработать. Землекопы зарабатывали по 60–80 копеек в день, а плотники и кузнецы – по рублю. Рабочий день длился с 6 до 17 часов. В целом, за сезон рабочие получали до 85 рублей.

Уже в 1888 г. по каналу был сделан первый рейс до Енисейска. Купец Горохов попытался перевезти 2 500 пудов муки-крупчатки¹⁰⁵. Переход был очень трудным, осуществлялся несколько дней. Весной 1889 г. было перевезено 8 или 7 тыс. пудов хлебных грузов. Завершение работ и открытие судоходства планировались на 1892 г. Несмотря на то что работы шли полным ходом, в чиновных кругах не прекращались споры о целесообразности строительства канала. Дело в том, что в процессе строительства проект изменился, в результате ширина канала не соответствовала ширине пароходов. Последние шлюзы для канала соорудились под ширину 4,5 сажени, но этой ширине подавляющая часть пароходов не соответствовала. Кроме того, строители столкнулись с проблемой недостатка воды, из-за чего в большую воду грузы проходили медленнее, чем предполагалось, а в межень проход даже на мелко сидящих лодках был иногда невозможен. Так как работы по устра-

нению порогов на Ангаре по урезанному проекту не проводились, канал обеспечивал выход из Оби только на Енисей со сравнительно узким рынком.

В начале 1890-х гг. попытки наладить перевозку грузов через канал большого эффекта не принесли. Так, купец Чекулаев из 20 тыс. тонн груза смог перевезти только 6 тыс. Часть грузов остались на канале до зимнего пути¹⁰⁶. В 1896 г. по каналу прошли казенный пароход «Евгений» и пароход Е. Кнорре «Пионер», а также два паузка с 40 семьями переселенцев с имуществом. Помимо этого, администрация канала принимала заявки на перевозку 10 тыс. пудов крупчатки казенным пароходом, но из-за отсутствия подходящих барж заказ не был выполнен.

Хотя проект пользовался поддержкой Александра III и впоследствии сменившего его на престоле Николая II, все же у него было много противников, прежде всего в лице части сибирских предпринимателей, связанных с извозным промыслом, опасавшихся, что со строительством канала изменится направление грузопотоков, что приведет к падению их доходов.

Окончательно предрешила судьбу канала Сибирская железная дорога, с постройкой которой надобность в нем просто отпала. К 1902 г. финансирование строительства было прекращено. Тем не менее вторично вернулись к этому проекту в 1911–1914 гг., на проектные работы по расширению канала и шлюзов были выделены средства. Но с началом Первой мировой войны все исследования прекратились, и следующая попытка возродить канал уже относилась к советскому времени.

Почти одновременно с началом пароходства по Енисею стало развиваться пароходное движение на его притоках. По Ангаре до Иркутска ходили пароходы, принадлежавшие А.М. Сибирякову. С 1864 г. начинается движение паровых судов по Чулыму. Пионером в этом деле стал тю-

менский купец И. Тюфин. Его пароход «Сибиряк» с двумя баржами поднялся по Чулыму до Ачинска, положив начало регулярному грузовому и пассажирскому сообщению. В 1880-е гг. в Ачинск ежегодно прибывало до семи пароходов томских и тобольских предпринимателей. Ежегодный грузооборот составлял свыше 500 тыс., период навигации длился с начала июня до начала июля. Однако к концу XIX в. из-за обмеления Чулыма пароходное движение почти прекратилось.

В 1868 г. был сделан первый рейс по р. Кеть до с. Маковского из Тобольска. Однако регулярное пароходное сообщение по этому маршруту не удалось наладить по причине мелкого фарватера реки. Поднимался вопрос о строительстве канала между Чулымом и Енисеем для транспортировки хлеба из Минусинского округа в Западную Сибирь. Однако изучение гидрологических условий и экономические расчеты проекта показали его несостоятельность.

Развитие пароходства в Енисейской губернии значительно отставало по масштабам и формам организации капитала в отрасли по сравнению с соседними губерниями Западной и Восточной Сибири. Так, акционерные компании появляются здесь незадолго до начала Первой мировой войны. В 1910 г. создается «Акционерное общество пароходства по Енисею», учредителями которого стали А.П. Кузнецов, Н.Н. Гадалов, В.И. Карнаков, А.И. Кытманов, А.И. Баландин, А. Терсков, Н. Пашенных. Основным капиталом общества составил 700 тыс. руб. В руках компании была сконцентрирована половина всего пароходного парка на Енисее: 6 пароходов мощностью 2 380 л.с. общей стоимостью 580 тыс. руб. Монопольное положение компании на рынке позволяло ее участникам завышать фрахты на перевозку грузов, получая монополистическую сверхприбыль. В 1910 г. она составила 91 755 руб.

Особенно резко прибыли возрастают в годы войны: в

1915 г. дивиденды акционеров составили 22 %¹⁰⁷. Особый интерес члены общества проявляли к организации регулярных торговых рейсов между Северной Европой и Сибирью через Карское море, поскольку переправка грузов по железной дороге была очень дорога. В 1912 г. общество зафрахтовало норвежский пароход «Тулла» специально для плавания во льдах, но тот не сумел пробиться через его массы в Карском море.

Высокие прибыли на речном транспорте в губернии привлекли внимание крупной российской судоходной компании «Камво». В 1915 г. один из ее основателей, Д.В. Сироткин, учреждает компанию «Енисей» с основным капиталом в 300 тыс. руб. Правление общества находилось в Н-Новгороде, однако ему не удалось развернуть свою деятельность в полной мере из-за начавшихся вскоре революционных событий 1917 г.

Перед началом Первой мировой войны в речной транспорт Сибири начал активно вторгаться иностранный капитал. В 1910 г. в Красноярск прибыл эмиссар английского «Синдиката по изучению особенностей и потребностей сибирского рынка» (Лондонский синдикат) И. Лид. Он пытался добиться у местных властей разрешения использовать в торговле по Североморскому пути (СМП) казенные речные суда на Енисее. Получив отказ, он обратился к частным судовладельцам. Именно тогда он через Н.Н. Гадалова купил акции «Акционерного общества пароходства по Енисею». Однако этого ему было мало, он ставил своей целью установление контроля над судоходством по рекам Сибири. Поэтому Лид организует встречи с рядом русских влиятельных лиц – министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым и министром путей сообщения С.В. Рухловым, а также с владельцами торговых фирм в Красноярске, Томске, в Москве с миллионером Н.А. Второвым. Полное содействие он встретил со сторо-

ны енисейского купца и депутата III и IV Государственных дум С.В. Востротина. Востротин был большим энтузиастом развития судоходства по Североморскому пути. Чтобы доказать его реальность, он еще в 1894 г. на пароходе, принадлежавшем английскому капитану Виггинсу, проделал путь из Лондона в Енисейск. Плавание позволило Востротину убедить енисейских промышленников организовать «Товарищество пароходства по Енисею» для торговли с европейскими странами по Североморскому пути. Основной капитал товарищества составил 400 тыс. руб., в его собственности числились 3 парохода. Дела товарищества шли хорошо, до тех пор пока правительство не отменило беспошлинную торговлю через Североморской путь.

В конце 1911 г. И. Лид обратился к русскому правительству с предложением об организации пароходных рейсов в устье Енисея, подчеркивая, что это выгодно для экономики Сибири. Он добивался предоставления таможенных льгот на ввозимые товары, а также поощрения за счет премий при вывозе некоторых видов сырья.

Однако успеха эта попытка не имела, но первая неудача не остановила его. В 1912 г. Лид при поддержке английского предпринимателя А. Дери создает компанию «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» («Сибирское общество») с целью освоения богатств Сибири через Североморской путь. Общество имело уставный капитал в 2 млн руб. на 19 449 акций, большая часть которых принадлежала английским и норвежским предпринимателям. И. Лид был избран директором-распорядителем «Сибирского общества».

В начале 1913 г. он снова обратился в Министерство торговли и промышленности за поддержкой своего проекта. Зная отрицательное отношение русских властей к иностранному участию в освоении Сибири, он пообещал, что намерен учредить акционерное общество из русских ком-

мерсантов. Надо сказать, что еще до этого среди акционеров «Сибирского общества» значились русские предприниматели: А.Н. Брянчанинов и К.И. Ксидо из Петербурга, Н.А. Второв, К. Литорин и фирма «Вогау и К^о» из Москвы, Н.И. Нехорошев из Иркутска, А.М. Бородкин из Енисейска, Ф.П. Снегирев из Минусинска, Н.В. Муханов из Екатеринбурга и др.¹⁰⁸

Для большей убедительности в искренности своих намерений Лид пригласил участвовать в новой экспедиции по Североморскому пути известного полярного исследователя Ф. Нансена, имя которого было очень уважаемо в российских научных и общественных кругах. В августе 1913 г. на судне «Коррект» экспедиция в составе самого Лиды и членов правления общества Х. Лоренца и А. Виста, а также Нансена, Востротина и секретаря русской миссии в Норвегии И.Г. Лориса-Меликова отплыла из Христиании в Сибирь. Достигнув устья Енисея, «Коррект» разгрузил свои товары, а на обратный рейс взял на борт местные товары: лес, кожи, графит и т. д.

Таким образом, экспедиция показала возможность торгового судоходства через Арктику. Успех экспедиции склонил российские правительственные круги к предоставлению Лиду фактически беспрошленного права вести торговое судоходство по СМП. Чтобы закрепить успех, Лид попросил еще и российское гражданство. В 1914 г. ему был выдан российский паспорт, а в 1915 г. он был утвержден в звании потомственного почетного гражданина.

В 1915 г. Лид и председатель правления Русского банка для внешней торговли В.И. Тимирязев обратились с ходатайством об учреждении нового «Сибирского общества» на этот раз в составе российских подданных. В 1916 г. устав общества был утвержден. Основной капитал общества составил 2 млн руб. К участию в новом обществе были привлечены: В.И. Тимирязев, князь В.Н. Шаховской, граф

Берг, пароходовладельцы Н.Н. Гадалов, Н.И. Корнилов и др. Правление русского общества заявило, что готово вести дела в тесной связи с одноименной норвежской компанией. Вскоре Лид открыл Сибирское отделение норвежского «Сибирского общества», которое помещалось в Красноярске в том же здании, что и русское. Одновременно было учреждено дочернее акционерное пароходное общество «Кара» для организации перевозок грузов к устью Енисея. «Сибирское общество» вскоре превратилось в крупнейшую компанию, которая вела свои дела по всему миру. Она скупала акции большинства местных пароходных компаний. Так, ему принадлежало более 50 % акций «Акционерного общества пароходства по Енисею», контрольный пакет «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли». В результате компания стала монополистом в судоходстве Сибири. В 1917 г. капитал фирмы для русских акционеров составлял 10 млн руб., для норвежских – 8 млн крон, для английских – около 1,5 млн фунтов стерлингов¹⁰⁹.

Таким образом, местная буржуазия утрачивает господствующие позиции в отрасли, уступая их более могущественным и влиятельным конкурентам, представлявшим столичный и иностранный капитал.

Развитие пароходства в губернии, конечно, способствовало ослаблению остроты транспортной проблемы, но все же не могло снять ее окончательно. С возрастанием в конце 1880-х гг. переселенческого потока в Сибирь она приобретает особую злободневность. Решение транспортной проблемы сибирские власти связывали со строительством железной дороги. С этой идеей еще в 1857 г. выступил генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, однако тогда она не нашла поддержки в правительственных кругах. Лишь к началу 1890-х гг. в связи с общей переориентацией экономической политики на восточные

рынки был поставлен вопрос о строительстве Транссибирской железной дороги от Урала до Владивостока. Активную поддержку проект получил со стороны С.Ю. Витте, возглавлявшего железнодорожный департамент в Министерстве финансов.

Сибирь с ее громадными ресурсами привлекала не только крупный российский, но и иностранный капитал. Пристальный интерес к стройке века проявили американские компании. В мае 1890 г. американский генерал Баттерфилд обратился в Министерство финансов с предложением об участии в финансировании проекта американской стороны. Но правительство заняло твердую позицию опоры на национальный капитал. В постановлении созданного в 1891 г. комитета для строительства дороги говорилось: «Сибирская железная дорога – это великое народное дело, которое должно осуществляться русскими людьми из русских капиталов»¹¹⁰. Такая установка объяснялась не столько патриотизмом русских властей, сколько опасением, что участие иностранного капитала приведет к ослаблению российского влияния в регионе. Активное привлечение частного российского, в том числе сибирского капитала, во многом обеспечило ускоренное осуществление строительства. На железнодорожных подрядах существенно увеличили свои капиталы и енисейские предприниматели А. Данилов, Е. Жоголев, Н. Гадалов, Е. Кнорре. Так, Жоголев скупил у крестьян Ачинского округа 300 десятин строевого леса по цене 17 руб. за десятину, тогда как его рыночная цена составляла 200 руб. Он же купил у жителей с. Большая Тесь Минусинского округа 25 тыс. шпал по 4 коп. за штуку, а казне продал за 80 коп.

Строительство, начавшееся в 1891 г. сразу с двух концов – от Челябинска и Владивостока – навстречу друг другу, первоначально велось медленно из-за недостаточного финансирования. Колоссальная протяженность (8 тыс. км),

невероятно сложные условия сибирского рельефа, пересекающегося могучими полноводными реками, суровый климат – все это требовало громадных финансовых затрат. Первоначальная стоимость проекта составила 350 млн руб. золотом. Но с 1893 г. наступает перелом, с этого времени ежегодно прокладывается по 500–600 км. По тем временам это были невиданные темпы.

Одним из факторов столь стремительного продвижения строительства являлась предельно высокая интенсивность труда. Рабочий день продолжался по 16–18 часов. Одновременно с вольнонаемными рабочими, составлявшими основной контингент строителей, широко использовался принудительный труд солдат, казаков, ссыльнопоселенцев, каторжных и арестантов. Положение последней категории рабочих было особенно бедственным. Они, как правило, были заняты на самых трудоемких и опасных работах. Под Красноярском, например, арестанты работали на строительстве мостовой дамбы.

К концу 1895 г. строительство рельсового пути на Среднесибирском участке, который проходил через территорию Енисейской губернии, было в основном завершено, а 6 декабря 1895 г. в Красноярск прибыл первый поезд. Местная газета так описывала это событие: «Задолго до приезда первого поезда стал собираться народ, рассеявшийся по линии на пространстве более версты. К трем часам едва ли не более половины населения города толпилось в ожидании поезда. Столь необычное скопище народа при легком морозце непрерывно двигалось в ожидании технического чуда. В три четверти третьего показался поезд, медленное движение которого с вагонами, украшенными флагами, представляло красивое зрелище. Поезд состоял из 20 вагонов, двигался очень медленно, локомотив

поминутно выпускал клубы пара. Когда поезд подошел,

раздалось громогласное «ура!»¹¹¹.

В следующем году было построено здание железнодорожного вокзала, депо, кузницы и железнодорожные мастерские. Общая площадь построек железнодорожного комплекса составила в городе 1,5 кв. версты. Однако для воссоединения Среднесибирского и Восточносибирского участков предстояло еще построить мост через Енисей. До его постройки переправа составов осуществлялась паромом. Вагоны и паровозы переправлялись баржей без пассажиров, а пассажиры переправлялись летом «за свой счет». Зимой ситуация несколько упрощалась – рельсы укладывали прямо на лед. Но во время ледохода вообще связь с правым берегом прерывалась.

30 августа 1896 г. в Красноярске состоялась торжественная закладка железнодорожного моста. Подрядными работами на строительство, исчислявшимися в сотни тысяч рублей, руководил красноярский инженер Е. Кнорре, а инженерно-технический проект моста принадлежал талантливому российскому ученому, мостостроителю Л.Д. Проскуракову. Он предложил новаторскую идею шести главных пролетов по 144,5 м и двух береговых. Мостовые фермы проектировались с основной раскосной системой и дополнительными шпренгелями, отличаясь от традиционных большими размерами. Конструкция благодаря этому становилась более четкой для расчетов и экономичной для производства. Пролетные строения моста были на 26 % легче, чем на других железнодорожных мостах Сибири. Этот проект принес автору мировую известность. Макет моста через Енисей экспонировался на международной выставке в Париже в 1900 г. наряду со знаменитой Эйфелевой башней. Проект Проскуракова был удостоен золотой медали.

Большая заслуга в реализации блестящего проекта

Проскурякова принадлежала красноярскому инженеру Е.К. Кнорре. Опоры моста устанавливались в металлические кессоны площадью 160 кв. м на глубине 18 м. Кнорре впервые в мировой практике мостостроения предложил использовать деревянные кессоны, что намного сократило финансовые затраты. Кроме того, талантливый инженер предложил еще ряд новаций, благодаря которым было ускорено возведение моста.

Весной 1899 г. строительство моста было в основном завершено. На его открытие, состоявшееся 28 марта, прибыл сам Проскуряков. Члены комиссии, принимавшей строительство, отметили «выдающуюся тщательность работ при сборке и креплении железных частей, исполненных контрагентом казны инженером-механиком Кнорре».

Газета «Енисей» так описывала торжества при открытии моста: «Начальник Енисейской губернии М.А. Плещ разрезал ленту, и поезд с публикой под оглушительные крики «ура!» выехал на мост, а через несколько минут уже был на правом берегу. Поезд дошел до станции Правый Енисей, сделал короткую остановку, затем дал задний ход и снова пересек Енисей, возвратясь к ликующей толпе. Торжествующие мостостроители усадили Кнорре на стул и начали качать».¹¹²

Строительство дороги на участке Красноярск–Иркутск было завершено, и поезда пошли от Урала до Тихого океана. В первые годы пропускная способность Сибирской железной дороги была невелика, и в 1907 г. принимается решение о строительстве второй ее колеи. Ее постройка позволила значительно увеличить интенсивность грузовых и пассажирских перевозок.

Строительство Транссиба имело исключительное значение для более тесного вовлечения сибирской окраины в общероссийские экономические и общественно-политические процессы. Однако Транссиб обеспечивал

движение грузов и пассажиропотоков только с запада на восток и обратно, как бы разрезая северную и южную части Енисейской губернии. Север и юг края связывались только судоходным путем через Енисей, движение по которому было ограничено навигационным сезоном. До вступления края в активную фазу индустриального развития сезонный характер перевозок вполне удовлетворял местную буржуазию, но в начале XX в. положение резко меняется. На севере складывается район бурно развивающейся золотопромышленности и лесопереработки, что способствовало притоку сюда населения, а это, в свою очередь, активизировало товарные потоки. С юга на прииски енисейской тайги возрастает транзит сельскохозяйственных грузов, рабочей силы. Одновременно начинается промышленное освоение Минусинского округа: здесь были открыты перспективные месторождения угля, асбеста, серебряно-свинцовых руд. В 1907 г. начал работу Юлинский медеплавильный завод акционерного общества «Енисейская медь», затем медный завод «Улень». Активно разрабатывались золотоносные запасы в Амыльской и Кизирской системах. В годы Столыпинской реформы на южные плодородные земли хлынул поток переселенцев, возникали новые поселения, осваивались огромные земельные пространства.

Все это актуализировало задачу оптимизации транспортной логистики между северными и южными районами, их более тесной связи с центром. Не случайно местная буржуазия начинает продвигать транспортную проблему как важнейшее условие экономического прогресса Сибирского региона. Так, крупный енисейский золотопромышленник и депутат III и IV Государственных дум С.В. Востротин утверждал, что именно в неразвитости транспортной сети кроется причина полуколониального положения Сибири. Высокие цены на машинную технику из-за труд-

ности ее транспортировки не дают возможности сибирским предпринимателям развивать собственное производство. Российская буржуазия, по его глубокому убеждению, использует край только в качестве рынка сбыта своей продукции и источника дешевого сырья.

Неразвитость транспортной системы, по мнению Востротина, наносит вред и сельскому хозяйству. Сибирские крестьяне отрезаны от российского рынка челябинским тарифом, делающим их хлеб на российском рынке слишком дорогим. Решению вопроса способствовал бы выход его за границу, а для этого нужны железные дороги, через которые его можно было доставлять к устьям сибирских рек, а оттуда по Североморскому пути – в Европу. Без возможности выхода на рынок у крестьян-переселенцев нет стимулов для расширения запашки, и они оказываются даже в худшем положении, чем у себя на родине. «В населении утратится вера в возможность улучшения его быта путем переселения в Сибирь. И колонизация Сибири, и эксплуатация неисчерпаемых богатств ее может отдалиться на долгие годы», – утверждал Востротин¹¹³.

Такое положение предприниматель считал проявлением «карательной» политики властей по отношению к сибирскому населению. «Сибирь поставлена в крайне тяжелые ненормальные условия: она не имеет вблизи ни на западе, ни на востоке от себя крупных потребительских рынков, куда она бы могла сбывать свой хлеб»¹¹⁴. Он предлагал построить железнодорожные ветки: Томско-Енисейскую, Ачинско-Енисейскую и Южную сибирскую, которые должны были связать экономически развитые районы юга Сибири с северными.

Первым шагом в реализации железнодорожных проектов местного значения стало строительство железной дороги Минусинск – Ачинск, инициированное владельцами Черногорских угольных копей А.А. и В.А. Баландиными.

В 1910 г. они подали в Министерство путей и сообщений прошение на проведение изыскательных работ для железнодорожной линии от Минусинска до ее соединения с Транссибом в Ачинске. Одновременно предполагалось строительство от нее ветки на Черногорские угольные копи. Для строительства дороги было учреждено акционерное общество «Ачминдор» в составе самих Баландиных и инженера-проектировщика Г.В. Адрианова. Общество получило от министерства концессию на строительство. Но так как оно требовало больших капиталов, то учредители общества передали концессию Русско-Азиатскому банку. Помимо этого банка, в число акционеров также входили: Петроградский частный коммерческий, Русский торгово-промышленный и Русско-Французский коммерческий банки¹⁵.

Строительство дороги началось в июле 1914 г. и осуществлялось на всем протяжении пути, но наиболее активно работы шли на участке Ачинск–Ададым. Он и был сдан в эксплуатацию в мае 1917 г. по решению правления «Ачминдора», несмотря на недоделки. Поскольку Ачинско-Минусинская железная дорога не имела сколько-нибудь важного стратегического значения для Министерства путей сообщения, то после начала Первой мировой войны она была исключена из списка приоритетных проектов, и заказы на рельсы, предназначенные для «Ачминдора», были переданы другим компаниям. Все попытки правления компании договориться о предоставлении рельсов из запасов Сибирской железной дороги оказались безуспешными. Тогда акционеры попытались разместить свой заказ в США и Японии, но и это закончилось провалом. В конце сентября 1917 г. правление «Ачминдора» вынуждено было объявить, что «строительное управление упраздняется по причине прекращения строительства и постройки ликвидируетя»¹⁶.

Таким образом, транспортная проблема для экономики Енисейской губернии с ее необъятными просторами (2,5 млн кв. верст) имела чрезвычайно важное значение. Наибольшая плотность путей сообщения – трактов, железных дорог и речных магистралей была сосредоточена в центральной части региона. Тогда как громадные пространства к северу и югу от нее оставались вплоть до XX в. изолированными. Регулярное судоходство на всем протяжении Енисея, служившего единственной транспортной артерией, связывавшей край в меридиональном отношении, началось только в конце 1880-х гг. Однако оно по масштабам грузовых и пассажирских перевозок серьезно уступало судоходству в Западной и Восточной Сибири.

Неразвитость транспортной сети приводила к консервации патриархальных докапиталистических форм в организации промышленности и сельского хозяйства. Колоссальный промышленный потенциал края с богатыми природными ресурсами оставался неиспользованным. Даже излишки хлеба, производившиеся в крае, не имели выхода ни на внутренний рынок из-за челябинского тарифа, ни на внешний по причине неразвитости Североморского пути. Все это предопределило консервацию аграрного характера экономики края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Иркутск, 1894. Т. IV. Вып. 4. С. 3.
2. Головачев Д.М. Сельское хозяйство Енисейской губернии и условия его развития. Красноярск, 1903. С. 27.
3. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 10.
4. Там же. С. 27.
5. Там же. С. 84.

6. Сибирский вестник. 1894. № 48.
7. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 55.
8. Первый агроном был назначен в Енисейскую губернию только в 1904 г.
9. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 86.
10. Там же. С. 89.
11. Там же. Вып. 5. С. 21–22.
12. Там же. Вып. 4. С. 146.
13. Списки населенных пунктов. Красноярск, 1921.
14. Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1914 г. Красноярск, 1915. С. 71.
15. Степнин В.А. Колонизация Енисейской губернии периода капитализма. Красноярск, 1962. С. 389.
16. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 262.
17. Статистический обзор Енисейской губернии за 1909. Красноярск, 1910; Статистический обзор Енисейской губернии за 1912. Красноярск, 1913; Статистический обзор Енисейской губернии за 1914. Красноярск, 1915.
18. Отчет о деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого управления за 1914 г. Омск, 1915. С. 60.
19. Степнин В.А. Колонизация Енисейской губернии. С. 470.
20. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 177.
21. Там же.
22. Сибирская деревня. 1914. № 13.
23. Обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири и Туркестане в 1913 г. Пг., 1915. С. 155.
24. Смета и доклады по агрономическим мероприятиям в Енисейской губернии на 1913 г. Красноярск, 1914. С.2.
25. Степнин В.А. Колонизация Енисейской губернии. С. 484.
26. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 146.
27. Там же. С. 160.
28. Швецов С.П. Формы пользования общинной землей на Алтае // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 3.

- СПб., 1894. Т. 3. С. 205.
29. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии. С. 125.
  30. Там же. С. 137.
  31. Асалханов И.А. С. 95.
  32. Степынин В.А. С. 375.
  33. Степынин В.А. С. 496.
  34. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 193.
  35. Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи Енисейской губернии 1916 г. Красноярск, 1917. С. 4–28.
  36. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири. С. 194.
  37. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. Иркутск, 1894. С. 148.
  38. Там же. С. 268.
  39. Там же. С. 272.
  40. Там же. С. 276.
  41. Статистический обзор Енисейской губернии за 1878, 1880, 1881, 1883–1895. Красноярск, 1879–1896; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 180.
  42. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 270.
  43. Там же. С. 295.
  44. Там же. С. 302.
  45. Скорняков Н.В. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. Томск, 1902. Кн. 1. С. 7.
  46. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 272.
  47. Там же. С. 271.
  48. Там же. С. 276.
  49. Там же. С. 303.
  50. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 186–187.
  51. Шлихтер А.Г. Кустарные промыслы Енисейской губернии. Красноярск, 1915. С. 47–48.
  52. Там же. С. 93.
  53. Там же.

54. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 809. Л. 5–6.
55. После смерти основателя завода Коновалова он долгое время переходил из рук в руки, пока в 1908 г. его не купили братья И.А. и В.А. Даниловы. Они провели на предприятии масштабную реконструкцию, построив новый корпус, в котором была установлена самая передовая для того времени ванная печь для обжига стекла.
56. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 809. Л. 5–6.
57. Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4617. Л. 3.
58. Там же.
59. Комогорцев И.И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1974. С. 48.
60. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 808. Л. 248.
61. Там же.
62. ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1482. Л. 2-2 об.
63. Там же. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1481. Л. 2-2об.
64. Быконя Г.Ф., Фёдорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века. Красноярск, 1990. С. 185.
65. Там же. С. 186.
66. Вестник общества сибирских инженеров. 1916. № 4. С. 30–31.
67. Мостович В.Я. Медеплавильные заводы Енисейской губернии. Отчет о летней командировке 1914. Томск, 1915. С. 6.
68. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2571. Л. 54.
69. Мостович В.Я. Медеплавильные заводы Енисейской губернии. Отчет о летней командировке 1914. Томск, 1915. С. 12.
70. Горный журнал. 1861. Ч.3. Кн. 7–9. С. 96.
71. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): Ист.-экон. Очерк. Иркутск, 1990.
72. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892. С. 24.
73. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 2. С. 159.
74. Фёдорова В.И. Рабочий вопрос в неопубликованном научном наследии Д.А. Клеменца // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1983. Вып. VIII. С. 86.
75. Уманский А.А. Очерки золотопромышленности в енисейской тайге. СПб., 1888. С. 70.

76. Рабинович Г.Х. Технический переворот в золотопромышленности Енисейской губернии // К изучению экономики Енисейской губернии. Красноярск, 1962. С. 35.
77. Рабинович Г.Х. Технический переворот. С. 54–55.
78. Быконя Г.Ф., Фёдорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. С. 187.
79. Шнейдер А. Задачи колонизации в условиях Приенисейского края. Красноярск, 1931. С. 9.
80. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 57.
81. ГАКК. Ф.31. Оп.1. Д.11. Л.79 об.
82. Там же. Ф.160. Оп.1. Д. 207. Л.11.
83. Енисей. 1902. 22 декабря.
84. Быконя Г.Ф., Фёдорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. С. 190.
85. Материалы по исследованию землепользования, Т. IV. Вып. 5. С. 73.
86. Там же.
87. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 808. Л. 5 об.
88. Для сравнения: прибыль в торговле в европейской части страны составляла 2,55 %, а в Сибири – 7,53 % // Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 72.
89. Список винокуренных заводов Российской империи 1886–1887 гг. СПб., 1890. С. 432.
90. Грузооборот Сибири. Новосибирск, 1930. С. XVIII.
91. Краткий обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги. Томск, 1905. С. 89–94.
92. Востротин С.В. Обь-Енисейский канал и внутренний водный Сибирский транзитный путь // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 3.
93. Востротин С.В. Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908. С. 52.
94. Гессен В.Ю. Норвежский предприниматель Ионас Лид – энтузиаст установления экономических связей с Россией // Финансы и бизнес. 2010. № 1. С. 220.
95. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1996. Т. 3. Кн. 1. С. 22.

96. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал. С. 260.
97. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863, 1866, 1902. М., 1865. 1902.
98. Всеподданнейший отчет Енисейского губернатора за 1910 год. [Б. м.], [б. г.] С. 3.
99. ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.
100. Там же. Д. 68. Л. 60.
101. Винокуров М.А. Сибирь в первой четверти XX века: освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск: ИГЭА, 1996. С. 165.
102. Быконя Г.Ф., Фёдорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. С. 191.
103. Обзор Енисейской губернии за 1884 г. Красноярск, 1885. С. 20.
104. Статистический обзор Енисейской губернии за 1878, 1880, 1881, 1883–1895 гг. Красноярск, 1879–1896.
105. Сибирский вестник. 1889. 19 апреля.
106. Агеев И.А. Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 1. С. 24.
107. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал. С. 126.
108. Гессен В.Ю. Норвежский предприниматель Ионас Лид. С. 218.
109. Там же. С. 220.
110. Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1901. С. 10.
111. Енисей. 1895. 6 декабря.
112. Енисей. 1899. 28 марта.
113. Востротин С.В. Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908.
114. Там же. С. 28.
115. Баталова Т.И. Деятельность акционерного общества Ачинско-Минусинской железной дороги // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 88.
116. Свободная Сибирь. 1917. 24 сентября.

Глава 2. ОБЩЕСТВО

2.1. Динамика численности и демографическая структура населения

Пореформенное тридцатилетие в жизни Енисейской губернии отмечено существенными подвижками, свидетельствовавшими о постепенном втягивании этой отдаленной сибирской окраины в общероссийские процессы, вызванные либеральными реформами 60–70-х гг. XIX в. Ускорение торгово-промышленного развития, рост городов и массовые переселения из европейской части страны не могли не сказаться на социально-демографической ситуации, способствуя количественным и качественным изменениям в соотношении различных социальных и этнических групп населения, повышению его социальной мобильности, росту профессионального и культурно-образовательного уровня.

Отмена крепостного права коснулась лишь незначительной части населения Сибири. Помещичьего землевладения, несмотря на неоднократные попытки его насаждения правительством, здесь так и не сложилось в скольконибудь значительных масштабах. На всю Сибирь насчитывалось лишь 36 помещиков, а крепостных – 3 700 человек. В Енисейской губернии по 10 ревизской переписи численность крепостных составила 1 069 человек. В основном это были крестьяне и рабочие, приписанные к казенным заводам. По указу от 8.03.1861, они были переведены на трехлетний оброк с последующим освобождением. К 1863 г. количество оставшихся в зависимости сократилось уже до 72 человек.

Преобладающая часть населения губернии (91,8 %) была занята в сфере сельского хозяйства, что во многом определяло и его распределение на громадных просторах Приенисейского края. Наиболее заселенными и освоенными являлись территории Красноярского, Ачинского, Минусинского, Канского округов, природно-климатические условия которых благоприятствовали земледельческим занятиям. На этих территориях проживало 76,2 % от общей массы населения. Сюда на протяжении XVII–XVIII вв. постоянно шла миграция крестьян из подтаежных зон Енисейского округа, где сложились первые очаги русского населения. Миграции также происходили и внутри освоенных районов. Возраставшая плотность населения приводила к стеснению в приусадебных наделах, удаленности пашни от выгонов, что заставляло крестьян образовывать заимки, которые со временем становились самостоятельными селами.

Важным фактором, влиявшим на заселенность территории губернии, была близость к важным транспортным коммуникациям, проходившим по трактам и рекам. Так, в зоне Московского тракта проживало 32,6 % населения Канского, Красноярского, Ачинского округов. До проведения железной дороги он служил главной организующей осью в распределении населения. С 1859 по 1897 г. население этой зоны выросло на 44 %¹. Его ежегодный прирост опережал темпы роста населения губернии.

Однако в целом заселенность губернии росла медленно. За тридцать пореформенных лет население увеличилось в 1,56 раза, а плотность его выросла с 0,14 до 0,26 человека на 1 кв. версту. В общей массе населения Сибири на долю Енисейской губернии приходилось 10,4 %². Она значительно уступала по заселенности западносибирским губерниям, а по плотности населения имела самый низкий показатель после Якутской области.

В первые пореформенные десятилетия увеличение населения губернии шло главным образом за счет естественного прироста, составлявшего 1,26 %. Среднегодовое увеличение населения за счет естественного прироста составляло 10–13 человек на 1 000 жителей.

Таблица 14

Население Енисейской губернии (1863–1897)

Год	Население		
	в губернии	в городах	в Красноярске
1863	323 014	26 355	9 997
1873	409 800	32 700	14 159
1883	386 302	43 290	17 035
1893	504 997	48 522	20 570
1897	570 161	62 998	26 699

Статистический обзор Енисейской губернии. Красноярск, 1873–1893 гг.; Памятная книжка Енисейской губернии. 1863; 1865; 1888–1897 гг.; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Енисейская губерния. СПб., 1904. Т. 83. С. 1.

Рождаемость стабильно держалась на уровне 5 % от общей численности населения, или 50,3 человека на 1 000 душ. Более высокая рождаемость была характерна для сельского населения – 50,7 человек на 1 000 душ³.

Демографическое поведение крестьянства определялось традиционным типом, для которого были свойственны жесткие стандарты, обусловленные хозяйственно-экономической целесообразностью и давлением социальных и религиозных норм. Обычным явлением была ранняя брачность – до 30 лет. На возрастные группы от 15 до 30 лет приходилось у мужчин – 83,5 % браков, а у женщин – 93,2 %⁴. Несмотря на высокую рождаемость, средняя кре-

стьянская семья была, однако, не так многочисленна: от 5 до 6,5 человек. На севере края, где слабо сказывалось влияние переселений, продолжала сохраняться большая патриархальная семья средней численностью в 20–25 человек, в которой объединялись несколько поколений.

Возрастание переселенческого потока приводило к упрощению структурно-поколенного состава крестьянской семьи. Так, среди переселенцев и их детей при образовании семей на новом месте было заметно тяготение к выделению в самостоятельные единицы. Это находило поддержку в крестьянском обществе, и мирские сходы, несмотря на законодательство, ограничивавшее семейные разделы, выносили, как правило, решения, поощрявшие стремление молодых к самостоятельной жизни.

На состав семьи определенное влияние оказывало экономическое состояние крестьянского хозяйства. Так, малая людность в зажиточных семьях могла компенсироваться наймом рабочей силы, а в обедневших хозяйствах к уменьшению состава семьи приводил отпуск работников в молодом возрасте для работы по найму.

Высокая рождаемость, стабильно державшаяся на протяжении всего пореформенного периода, обеспечивала положительный баланс в приросте населения, превышая смертность, которая колебалась в пределах 39,2 человека на 1000 жителей. Но это достигалось прежде всего за счет положительного коэффициента естественного прироста населения сельской местности. В городах же он имел отрицательное значение, и в среднем смертность здесь превышала рождаемость в 1,15 раза.

Анализ данных о смертности по возрастным группам показывает, что наибольший ее процент приходился на две группы детского возраста: до 1 года – 40,9 % и от 1 года до 5 лет – 18,7 %⁵. Таким образом, в зоне риска оказывалось 2/3 всех детей до пяти лет. Детская смертность превышала

аналогичные показатели в коренной России. Основной причиной являлось бедственное положение здравоохранения и крайне низкий санитарный уровень населения. В Сибири почти полностью отсутствовала медицинская профилактика, единственной формой которой было оспопрививание, но оно охватывало всего лишь 53 % населения губернии. Все это приводило к тому, что после массовых эпидемий (дифтерит, дизентерия, корь, оспа) в деревнях порой не оставалось в живых ни одного ребенка.

На динамику естественного прироста несомненное влияние оказывали физический тип и половозрастная структура населения. Для Енисейской губернии, как и для всей Сибири, было характерно устойчивое преобладание мужчин. По данным статистического обследования 4 южных округов Енисейской губернии, на 100 мужчин приходилось 94,5 женщин. В конце 1890-х гг. с увеличением переселенческого движения этот разрыв возрастает до 90,7 на 100⁶.

Характерной чертой демографической структуры являлся также более низкий процент групп детского возраста – 34,5 против 35,6 % в Европейской России. В то же время в губернии наблюдалась более высокая доля групп среднего возраста – 49,7 % против российского показателя 48,4 %⁷. При анализе возрастного состава населения выявляется несколько большая доля людей пожилого возраста, от 60 и более лет – 8,6 % против 8,4 % по европейской части России. Это может рассматриваться как косвенный показатель более высокого уровня жизни сибиряков. Дополнительным подтверждением служат и данные по состоянию здоровья призывников. Среди них преобладали группы высокорослых и среднерослых – 89,5 %. По причине малорослости из сибиряков забраковывались призывными комиссиями всего лишь 9,9 %, тогда как аналогичный показатель по России – 25,5 %. По причине увечности из сибиряков осво-

бождались от службы 42 на 1 000 человек, а по России 78,4 %; по хроническим болезням соответственно 45,8 против 81,8⁸. При этом довольно большая часть больных и увечных приходилась на детей ссыльнопоселенцев.

Положительное влияние на состояние генофонда сибирского населения оказывала вольная колонизация. В статистических обследованиях неизменно отмечалось, что среди переселенцев число увечных и больных самое низкое. При обследовании населения 4 южных округов Енисейской губернии констатировалась такая закономерность: «Чем больше местное крестьянское население разбавляется переселенческим элементом, тем меньше встречается среди него лиц, обладающих какими-либо физическими недостатками»⁹.

Наряду с естественным приростом важным источником пополнения населения является механический прирост. Для Сибири как колонизируемой окраины он выступал в форме массовых переселений. Принято выделять принудительную и добровольную колонизацию. К принудительной относят уголовную и политическую ссылку.

На ранних этапах правительство рассматривало ссылку не только как репрессивную меру борьбы с беспокойным элементом в обществе, но и как массовый контингент для заселения сурового сибирского края. Одним из проявлений «штрафной» колонизации стала высылка в Сибирь солдат и казаков за провинности по службе. На местах высылки они верстались в казачьи полки и расселялись по станциям. Такими штрафниками были заселены в 1860-е гг. станции Иннокентьевская, Тинская Канского округа, Тенгина и Нижне-Есаульская Красноярского округа, Алтайская Минусинского округа. Однако этот способ освоения края не оправдал себя, и новоявленные казаки, не желавшие пахать землю и тянуть ярмо военной службы, пополнили вскоре ряды деклассированного элемента.

Удельный вес ссылки в общей массе населения в Енисейской губернии за 30 лет менялся, составляя по минимуму 13,9 %, по максимуму – 18,7 %. В среднем в губернию ежегодно высылалось 2 500 ссыльных. Положение начинает меняться после принятия закона от 12 июня 1900 г., отменившего общеуголовную ссылку и ссылку в Сибирь на водворение за бродяжничество, а также существенно ограничившего ссылку по приговорам сельских обществ. Самодержавие сделало ставку на крестьянскую колонизацию региона. В результате доля ссыльнопоселенцев в структуре населения губернии к 1905 г. упала до 4,4 % (табл. 18).

Принудительная колонизация слабо влияла на формирование сибирского населения. Это отмечалось на всех уровнях, как в официальных отчетах губернских властей, так и в выступлениях либерально-демократической оппозиции, решительно боровшейся против превращения края в «штрафную» окраину. Еще М.М. Сперанский, выдающийся государственный деятель, побывавший с ревизией в Сибири в 1819–1821 гг., предостерегал от ошибочного представления о сибиряках как о потомках ссыльнопоселенцев, указывая, что ссыльные плохо укореняются в местах своего нового водворения, оставаясь чужеродным элементом.

Ежегодно тысячами наводняя села и города, ссыльные, как правило, ненадолго оставались на одном месте. При подворных переписях неизменно выявлялось, что на местах оставалась лишь 1/5 ссыльнопоселенцев. Остальные либо уходили по отпускным билетам на прииски, либо пускались в бега или нищенствовали.

Хотя власти и пытались как-то помочь адаптироваться ссыльным в новой среде, давая льготы, безвозвратные ссуды для обзаведения имуществом, устраивая ремесленные цехи и пр., это не имело сколько-нибудь заметных результатов. В одном из отчетов енисейского губернатора отме-

чалось, что «поселенцы с самого начала вступления в Сибирь еще полные сил в редких случаях обращаются к труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояние, а по большей части поддерживают свое существование работой случайной, переходя с места на место, что приучает их к бродяжничеству»¹⁰.

Из той части, что оседала на местах поселения, лишь очень немногие включались в хозяйственную деятельность. Из 100 ссыльных, свыше 10 лет проживших на одном месте, имели жилье 53, занимались ремеслом – 45,9, работой по найму – 38, земледелием – 11,6, нищенствовали – 4,5¹¹. В экономическом отношении хозяйства ссыльнопоселенцев значительно уступали в обеспеченности рабочим скотом, инвентарем и доходностью. Большая часть их хозяйств была недоимочна.

На слабую адаптацию ссыльных в губернии влиял их состав. Большую их часть составляли лица, осужденные за тяжкие преступления, бродяжничество и представлявшие худший контингент в сравнении со ссыльными в Западной Сибири, среди которых преобладали высланные административным порядком и по приговорам крестьянских обществ за незначительные проступки.

Уголовная ссылка превращалась в тяжелейшее испытание для местных жителей. Тысячами ссыльные зимовали вокруг городов и сел, держа население в страхе перед грабежами, убийствами, превращая Сибирь, по выражению Н.М. Ядринцева, в «постоянное поле битвы». Треть всех преступлений в губернии, как следует из жандармских сводок, приходилась на долю ссыльнопоселенцев. Кроме того, ссылка ложилась тяжелым бременем на сибирских обывателей, поскольку они должны были обеспечивать содержание тюрем, этапов, доставлять подводы и лошадей для провоза партий ссыльных. Это, конечно, сказывалось на отношении сибиряков к ссыльным, воспринимавших их

не только как чужеродный, но и враждебный элемент, поэтому не спешивших принимать их в свою среду.

Браки сибиряков со ссыльными были нечастым явлением, да последние и не представляли соответствующий контингент для этого. Преобладающей возрастной группой среди них были мужчины старше 30 лет. К тому же основная масса ссыльных имела подорванное здоровье. Средняя продолжительность жизни их на местах водворения не превышала 10 лет. Смертность среди ссыльных вдвое превышала показатель средней смертности местного населения. Лишь очень незначительная их часть обзаводилась семьями, но, как правило, такие семьи были малодетными. Средний состав семей ссыльнопоселенцев составлял 1,5 человека¹². Так же трудно приживались в крае и потомки ссыльнопоселенцев. Они могли адаптироваться в новой среде лишь во втором-третьем поколении, тогда как вольные переселенцы вставали на ноги уже в первом поколении. В целом, почти 4/5 ежегодно прибывавших в губернию ссыльных бесследно исчезали, не давая прироста населения.

Таким образом, ссылка не могла решить проблему заселения и освоения богатого сибирского края, скорее она усугубляла отрицательные последствия его окраинного положения. Более эффективным путем являлась вольная крестьянская колонизация. Долгое время она сдерживалась крепостным правом. Его отмена в 1861 г., казалось бы, должна была снять все преграды для свободного потока переселенцев в Сибирь, где могла бы осуществиться извечная мечта российского крестьянина о вольной земле. Однако основные положения закона о выходе крестьян на волю фактически лишали бывших крепостных права на свободное переселение, поскольку они были связаны временно-обязанным положением (до 1881 г.) и выкупными обязательствами. Государственные же крестьяне до 1867 г.

могли мигрировать на основе закона 08.04.1843, по которому они имели право на переселение, если их душевой надел был менее 10 десятин земли. Переселенцы получали льготы и кредиты для покрытия дорожных расходов и обустройства на местах переселения. Однако в 1867 г., по новому закону, они были лишены этих прав. Ограничительная политика правительства в отношении переселенцев одной из своих целей имела стремление обеспечить российских помещиков дешевой рабочей силой. Непосредственным ее результатом стало сокращение в 1870-е гг. переселенческого потока в Сибирь. Если в 1865–1870 гг. в четырех южных округах Енисейской губернии, куда шел основной поток переселенцев, их было зарегистрировано 6 867 человек, то в 1870–1875 гг. – только 4 408 человек¹³.

По мере нарастания перенаселения в центре страны и обострения аграрного кризиса правительство вынуждено было вносить коррективы в переселенческую политику. 10.07.1881 Особым совещанием сведущих людей для разработки вопроса о крестьянских переселениях были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли», разрешавшие переселение бывшим помещичьим крестьянам. Переселенцам предоставлялось право на надел в 8 десятин земли. Следующим шагом в этом направлении стал закон от 13.07.1889 «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Согласно новому закону переселенцам предоставлялись наряду с наделом и некоторые льготы: освобождение от арендных платежей, казенных сборов, отсрочка от воинской повинности на 3 года. Одновременно с законами, поощрявшими легальное переселение, правительство принимает жесткие меры к самовольным переселенцам, вплоть до их возвращения в прежние места.

И все же в отношении к переселениям крестьян правительство так и не смогло преодолеть двойственности. С

одной стороны, оно было заинтересовано в освоении свободных земель в Сибири, поскольку налоги и подати с них давали весомую прибавку казне, а с другой – дешевый хлеб, шедший из Сибири на российский рынок, составлял опасную конкуренцию для помещичьего хозяйства в центре страны. И в 1890 г. маятник переселенческой политики вновь качнулся в противоположном направлении, легальное переселение было приостановлено. Но в 1894 г. циркуляром МВД переселение в Сибирь было окончательно легализовано. Переселенцам стали выдавать путевые пособия; для них устанавливался пониженный тариф на железной дороге в размере 1/3 от полной стоимости билета в вагоне 4 класса. Это способствовало увеличению притока переселенцев. Хотя вплоть до второй половины 1890-х гг. вольные переселенцы составляли менее половины прибывавших на поселение в Енисейскую губернию, их доля в увеличении населения губернии оставалась незначительной, уступая естественному приросту. Так, за пореформенное тридцатилетие вольная колонизация дала по Красноярскому, Канскому, Ачинскому и Минусинскому округам всего лишь 1/12 часть населения¹⁴. Динамика движения переселенцев в губернию выглядела следующим образом: с 1865 по 1870 г. прибыли 6 867 человек; 1870–1875 – 4 408; 1875–1880 – 3 562; 1880–1885 – 6 045; 1885–1890 – 9 028¹⁵. Ее подъемы и падения зеркально отражали изменения в переселенческой политике властей: от запретов и ограничений к поощрению.

Следующий период в переселенческом движении приходится на конец 1890-х – первое пятилетие XX в. На этом этапе решающими факторами, определявшими интенсивность переселенческого потока, становятся нарастание аграрного перенаселения в центре страны и проведение Сибирской железной дороги, заметно облегчившей условия передвижения. Не последнюю роль сыграл страшный го-

лод 1891 и 1901 гг. Голод 1891 г. по своим масштабам был беспрецедентным, он вошел в историю как «царь-голод», охватив губернии Черноземья, Поволжья, части Малороссии, Урала и частично Тобольской губернии. Только прямые потери составили 406 тыс. человек, не считая снижения рождаемости, роста смертности от болезней и т.д. Несмотря на катастрофическое положение, правительство отказалось от регулирования хлебных цен, как это предлагалось некоторыми специалистами, предпочтя рыночные методы решения вопроса. Как результат – рост цен на хлеб и всплеск спекуляции, которые усугубили положение не только в районах пострадавших от неурожая, но даже там, где хлеба было достаточно. Голод 1901 г. охватил 17 центральных губерний и миллионы людей. Однако даже и в относительно благоприятные годы земледельческое население постоянно испытывало продовольственный дефицит вследствие неспособности крестьянского хозяйства в условиях малоземелья и низкой агрикультуры обеспечить собственное воспроизводство. Это и гнало миллионы крестьян в Сибирь.

Роль Енисейской губернии как территории, куда направляется переселенческий поток, в начале XX в. заметно возрастает, так как в западносибирских губерниях колониционный фонд к этому времени уже был близок к исчерпанию. Если в 1891 г. в губернии водворились только 1,4 % всех переселенцев, прибывших в Сибирь, то в 1903 г. их уже было 16,3 %¹⁶. По числу прибывших Енисейская губерния занимала 3 место, уступая Томской и Тобольской.

Движение переселенцев шло стихийно. Далекая Сибирь рисовалась обетованным краем, где вдоволь землицы, богатые зверем леса, обильные рыбой реки. Эти представления, конечно, больше отвечали крестьянской мечте о сказочном Беловодье, чем суровой реальности, которая

ждала переселенцев в новом краю. Значительная часть ехавших в Сибирь крестьян не имели точных сведений о месте будущего водворения и маршруте передвижения и шла наобум. По данным статистического обследования четырех южных округов губернии, из 196 партий переселенцев, пришедших сюда в 1892 г., в 105 знали о местах переселения по переписке, в 39 засылали перед отправкой ходочков, в 22, по рассказам случайных людей, остальные шли, не имея никакой информации¹⁷.

Решившись на переселение, крестьяне покидали родные места с таким расчетом, чтобы находиться в пути в летнее время. Большинство переселенцев прибывали в губернию с апреля по ноябрь. До проведения железной дороги шли, как правило, большими партиями по 40–50 семей. Переселенческие караваны двигались сибирским трактом, повозки с нехитрым скарбом служили не только средством передвижения, но и жильем. Переселенческие пункты с крытыми помещениями имели небольшую пропускную способность и не могли обеспечить всех переселенцев кровом. Многомесячное нахождение под открытым небом, отсутствие элементарных санитарных условий, плохое питание, эпидемии, многочисленные лишения и опасности в дороге – все это становилось суровым испытанием для тех, кто выбрал путь самостоятельного устройства своей судьбы. Один из современников, писавший о горькой доле переселенцев, замечал, что путь в Сибирь для многих становился «злой мачехой и, кроме полного разорения, продолжительного страдания, а иногда и потери целой семьи, ничего не приносил»¹⁸.

Однако с прибытием на место злключения крестьян не заканчивались. Специально созданных для устройства переселенцев учреждений при губернской администрации не было. Лишь в мае 1892 г. силами краснойярской общественности был создан временный переселенческий комитет

для помощи переселенцам. Главную роль в нем играла либерально-демократическая интеллигенция. Активистами комитета стали В.М. Крутовский, Е.А. Рачковская, А.П. Кузнецов, А.Н. Шепетковский. Председательствовал городской голова И.А. Матвеев. Члены комитета занимались регистрацией переселенцев, организацией приемных пунктов, медицинской помощи, предоставлением денег, одежды, разъяснением инструкций, регламентировавших положение переселенцев. Но комитет существовал на средства от пожертвований, которых явно не хватало для оказания полноценной помощи переселенцам.

Прибывшие в губернию крестьяне были предоставлены сами себе. Поиски места переселения превращались для них в цепь новых бедствий и унижений. Минусинский корреспондент газеты «Восточное обозрение» приводит довольно типичный эпизод, иллюстрировавший беспомощность переселенцев. «2 июля на улицах Минусинска, – писал он, – появились целые толпы бедного оборванного люда, лица, одежды и говор которых сразу выдавали переселенцев; они снимали шапки, кланяясь, обращались к каждому встречному, прося указать, «куда идти, где есть свободные казенные земли?». «Экая беда какая, – жаловались они: в какую деревню не придешь, везде нас ругают, гонят; а если не ругают, то обманывают: одни говорят – идите туда, другие туда, а здесь, говорят, и земель нет, а если и есть, то никуда не годны; бросаемся мы из стороны в сторону, и нигде нас не принимают, измаялись мы, издержались и не знаем, что делать ...»¹⁹.

Часто скитания по губернии в поисках места водворения занимали месяцы. Поскольку крестьяне поселялись, не зная местности, то приходилось нередко покидать ранее облюбованное место по причине его непригодности к земледелию. Доля таких вторичных переселенцев в губернии составляла около 30 %.

До 1890-х гг. переселенцы в основном селились в старожильческих поселках, это облегчало их устройство на новом месте. Но с возрастанием переселенческого потока это становится все труднее, поскольку старожилы опасались ущемления своих земельных прав. С конца XIX в. большая часть переселенцев стала основывать новые поселения. 1892 по 1905 г. в губернии возникло 331 новое поселение. Основная часть новых поселков в это время пока еще основывалась в лесостепной зоне, и только в редких случаях переселенцы селились в подтаежных местностях. Новоселам приходилось все больше отдаляться от волостных центров, транспортных магистралей, рынков сбыта. Это не могло не затруднять их хозяйственную и социальную адаптацию на новом месте.

Если в 1860–1890-е гг. основной поток переселенцев шел в Минусинский округ, то на рубеже XIX–XX вв. наиболее «популярным» местом расселения переселенцев становится Канский уезд, прежде всего потому, что из четырех земледельческих районов губернии он имел самую низкую плотность населения, а значит, и достаточный резерв свободных земель. Конечно, и в это время какой-то части переселенцев удавалось поселиться в более благоприятных для земледелия Минусинском и Ачинском уездах или в плотно заселенном старожилами Красноярском, но доля таких «счастливых» заметно сокращается. Свободный колонизационный фонд здесь уже был на исходе.

Не всех новоселов устраивала перспектива осваивать лесистые пространства, жить в глуши, вдалеке от родных мест и привычного культурного уклада, поэтому возникает обратное движение переселенцев из Енисейской губернии. Однако доля обратных переселенцев на этом этапе была сравнительно невелика и колебалась в пределах 3–6 %²⁰. На возрастание обратного потока влияло также и то обстоятельство, что среди переселенцев на этом этапе мы видим выходцев из губерний, где наиболее остро стоял во-

прос малоземелья. Это губернии черноземного центра: Курская, Тамбовская, Воронежская, Рязанская и Малороссии: Полтавская, Киевская. А в этих краях условия труда и жизни были непохожи на сибирские. В 1860 – начале 1890-х гг. в составе переселенцев преобладали выходцы из Пермской и Вятской губерний, где условия не так сильно отличались от Сибири, поэтому они сравнительно легко адаптировались к новой жизни.

Увеличение переселенческого потока на рубеже веков заметно повлияло на демографические показатели. Итоги количественных и качественных изменений в населении Енисейской губернии, отражавшие ведущие процессы пореформенной эпохи, частично отразила Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. По данным на 1 января 1897 г., в губернии насчитывался 570 161 человек. Распределение населения по территории края шло крайне неравномерно и представляло следующую картину:

Таблица 15

**Численность и плотность населения
по округам Енисейской губернии**

Округ	Абс. численность населения	Плотность на 1 кв. версту
Минусинский	182 733	2,29
Ачинский	111 466	2,18
Красноярский	99 156	5,21
Канский	96 202	1,36
Енисейский	67 536	0,18
Туруханский	10 959	0,00
Усинский	2 109	0,11
Итого в губернии	570 161	0,26

Источники: Первая всеобщая перепись Российской империи. Енисейская губерния. СПб., 1904. Т. 83. С. VI.

Ускорение промышленного развития, характерное для этого периода, способствовало более динамичному росту городского населения, доля которого повысилась с 8,15 в 1863 г. до 11,03 % в 1897 г. (табл. 14). Это выше, чем средний показатель по Сибири – 7,7 %, но значительно ниже, чем по Европейской России, – 17 %²¹. По темпам роста городское население опережало сельское, это происходило главным образом за счет механического прироста – увеличения числа мигрантов из Европейской России. Местное же сельское население еще слабо участвовало в формировании городского. Так, по данным Первой всероссийской переписи 1897 г., доля переселенцев из других губерний среди жителей Красноярска составляла 42,4 %, тогда как уроженцев Енисейской губернии было всего лишь 26 % и 31,6 % приходилось на коренных красноярцев²². Таким образом, процессы урбанизации в губернии, как и по всей Сибири, заметно отставали от общероссийских.

Положение начинает меняться только в начале XX в., когда в прилежавшей к Красноярску сельской местности заметнее сказывается сокращение резервного фонда земель и в связи с этим уменьшается доходность крестьянского хозяйства от земледелия. Это заставляло крестьян искать дополнительные источники дохода в городе. В связи с чем все больше возрастает число отходников, а вместе с этим постепенно увеличивается и доля сельского населения в Красноярске. Так, с 1863 по 1897 г. она выросла с 12,6 до 38,3 %²³.

Несмотря на быстрые темпы роста городского населения, динамика этого процесса носила противоречивый характер. Временами наблюдался отток горожан в сельскую местность, как это было в 1881–1882 и 1885–1886 годах. В эти годы население Красноярска сократилось: в первом случае на 7 %, во втором – на 18,8 %. Такие резкие перепады могут быть объяснены тем, что торгово-промышленная

деятельность не могла обеспечить для основной массы горожан более высокий прожиточный уровень, чем в сельской местности. Особенно это сказывалось в годы неурожая, когда цены на хлеб в городе резко возрастали и горожанам в поисках лучшей доли приходилось перебираться в сельскую округу.

Миграции населения внутри губернии облегчались тем, что в пореформенные годы не существовало такой резкой грани между городом и деревней, как в экономическом, так и в социокультурном плане. Мещанское население городов было еще в значительной степени связано с землей (как правило, в городах держали скот и занимались огородничеством), а крестьяне в своем хозяйстве нередко занимались теми же промыслами, что и в городе. И крестьяне, и мещане не отличались по своему образу жизни и культурному уровню. И в этом отношении даже губернская столица – Красноярск в 1860–1880-х гг. был наиболее «сельским» городом по сравнению с Иркутском или Томском, где торгово-промышленная и общественно-культурная жизнь отличалась большей активностью, так же, как он уступал этим городам и по численности населения. Не говоря уже об уездных городах, население которых не превышало 3–5 тыс., а в Туруханске численность населения долгое время вообще не превышала 300 человек.

Более активную роль в росте сельского населения к концу 1890-х гг. начинает играть фактор механического прироста благодаря массовым переселениям крестьян из европейской части страны. Хотя по-прежнему главным источником увеличения населения оставался естественный прирост. Доля уроженцев губернии в общей массе населения составляла в 1897 г. 72,3 %²⁴.

Усиление миграций в пореформенный период не могло не сказаться и на этническом составе населения губернии, он становился более многообразным. Выделяются 3 самые

многочисленные группы: русские – 82,99 %, тюрко-язычные коренные народности – 6,61 %, украинцы – 3,75 %. Затем по нисходящей шли: татары – 1,05 %; поляки – 1,04 %; евреи – 0,88 %; мордва – 0,66 %; тунгусы – 0,51 %; самоеды – 0,57 %; латыши – 0,25 %; эстонцы – 0,24 %; немцы – 0,16 %; чувашаи – 0,11 %; белорусы – 0,07 %²⁵.

Следует заметить, что удельный вес коренных народностей имел тенденцию к снижению в общей массе губернского населения с 13,2 % в 1863 г. до 9 % в 1897 г. Однако это не означало вымирания инородцев, как об этом с тревогой писала демократическая пресса, а объяснялось увеличением доли русского населения, связанного с переселенческим движением. Естественный прирост коренного населения оставался стабильным и составлял 6,6 человека на 1000 душ²⁶. На протяжении рассматриваемого периода среди коренного населения сохранялся положительный баланс между рождаемостью и смертностью.

Определенное влияние на снижение удельного веса инородцев оказывали процессы этнической ассимиляции, которые развивались в двух направлениях: внутри различных этнических групп коренного населения, в результате чего крупные этносы поглощали мелкие, и в частичной ассимиляции коренных народностей русским населением, что особенно активно проявлялось в пограничных зонах с интенсивными этнокультурными контактами.

Качественный скачок в демографическом развитии Енисейской губернии был связан со столыпинской аграрной реформой. Переселенческое движение рассматривалось П.А. Столыпиным как составная часть реализации аграрной реформы. Основной поток переселенцев был направлен за Урал, поэтому Сибирь становится основным резервуаром для отсасывания аграрного перенаселения в центре страны. И хотя сам Столыпин придавал очень важное значение переселению в Сибирь, называя его самым

«творческим и деятельным» началом в проведении реформы, тем не менее в его организации, особенно на первом этапе, проявилось отсутствие четкой программы деятельности. Уже в первые годы выявилась неспособность властей на местах справиться с огромным потоком переселенцев. За 1907–1914 гг. в Сибирь переселилось 2,5 млн крестьян, что в 3 раза превышало численность переселенцев за предшествовавшие 8 лет. Дело было в неудовлетворительной организации перевозок переселенцев: не хватало специальных вагонов, срывались графики движения поездов, отсутствовал план мобилизации железнодорожного и речного транспорта, что позднее вынужден был признать и сам Столыпин, назвав организацию перевозок переселенцев «больным местом».

Главным центром, курировавшим организацию переселенческого движения, стало Переселенческое управление, превратившееся за годы реформы в одно из самых крупных бюрократических ведомств в стране. Вся Азиатская Россия была поделена на 12 переселенческих районов, в которых создавались местные управления с огромным штатом чиновников и специалистов (агрономов, землемеров, учителей, врачей и пр.). Для переселенцев существенно упрощалась процедура получения разрешения на переселение, предоставлялись ссуды на дорогу и обзаведение на местах, облегчалось следование переселенцев по железной дороге, на местах создавались комитеты для помощи переселенцам. В Енисейской губернии с 1906 по 1908 г. было открыто 8 пунктов для оказания помощи переселенцам: Долгомостовский, Большеулуйский, Салбинский, Минусинский, Манский, Большемуртинский, Шушенский, Сорокинский. Здесь им оказывалась медицинская помощь, обеспечивалось питание. Однако заведующий Енисейским переселенческим районом в губернии В.Ю. Григорьев вынужден был признавать, что эти учреждения не справля-

лись с наплывом прибывавших людей. Переселенцам приходилось ночевать под открытым небом, жить впроголодь, страдать от эпидемических болезней. На местах для приема переселенцев создавались подрайоны, во главе которых стояли переселенческие чиновники, а в волостях этим занимались крестьянские начальники. Всего на территории губернии было образовано 14 подрайонов. За 1906–1914 гг. в Енисейской губернии водворилось 223 376 переселенцев. Пик переселенческого движения пришелся на 1908–1909 гг., за эти два года водворилось 45 % от общего числа водворившихся в губернии. Естественно, что в годы Первой мировой войны интенсивность переселенческого потока резко упала: в 1915 – 3 959 душ мужского пола, в 1916 – 2 114. В целом за 10 лет реформы к 1917 г. в губернию переселились 274 516 человек, что составляет 66,5 % от числа всех переселившихся за 1861–1916 гг.²⁷

В годы столыпинской реформы Енисейская губерния по количеству принятых переселенцев занимала второе место в Сибири после Томской губернии. При таком массовом наплыве людей свободные земли в благоприятных для земледелия степной и лесостепной зонах вскоре иссякли, и расселение вновь прибывших осуществлялось в основном в подтаежную и таежную зоны. Доля поселков для переселенцев, отведенных переселенческими чиновниками в тайге и подтайге, составляла 76,3 %²⁸. Распределение переселенческих поселков по уездам выглядело следующим образом: Ачинский – 18 %; Канский – 48,6 %; Красноярский – 11,6 %; Минусинский – 11,1%; Енисейский – 10,7 %²⁹. Если раньше Енисейский уезд не заселялся переселенцами, то теперь из-за нехватки лучших земель их стали направлять и в северные районы.

Очевидно, что «столыпинские» переселенцы оказались в худших условиях по сравнению с переселенцами раннего периода. Во-первых, потому что большая часть переселен-

ческих поселков находилась в подтаежной и таежной зонах, где условия хозяйствования были не в пример хуже, чем в степных и лесостепных районах. Во-вторых, эти поселки были удалены от крупных транспортных магистралей, городов, старожильческих поселений, где переселенцы могли бы найти работу, чтобы заработать необходимый капитал для обзаведения хозяйством. В-третьих, неразвитость хозяйственной инфраструктуры в переселенческих районах существенно затрудняла их адаптацию к новым условиям. Им было труднее обзавестись техникой, семенным фондом, скотом, товарами бытового назначения. Они были отрезаны от мира бездорожьем. Долгое время приходилось жить во временных жилищах – шалашах, землянках. Даже прожив несколько лет на новом месте, многие из них держали пашню меньше, чем в местах выхода. Возник парадокс: они ехали в Сибирь, спасаясь от малоземелья, а на новом месте сталкивались с тем же. Но не потому, что не хватало земли, а потому, что не было средств на расширение запашки.

Неудовлетворенность своим положением толкала многих на обратный путь. Доля обратных переселенцев росла прямо пропорционально росту переселенческого потока. Наибольшее количество их приходилось на 1909–1910 гг., совпавшие с пиком переселенческого движения. Если в 1907 г. их доля составляла 3,5 %, то в 1910 г. она достигла максимума, составив 40,8 %³⁰.

Массовые переселения привели к резкому росту численности населения губернии. Если в пореформенное время среднегодовой прирост составлял 6–7 тыс. человек, то в последнее десятилетие он превысил 50 тыс. в год. Если главным источником роста населения в 1860–1890 гг. являлся естественный прирост, то на завершающем этапе эта роль переходит к миграционному фактору. Механический прирост превысил естественный, но рождаемость при этом

оставалась на том же уровне, что и в пореформенное тридцатилетие – 50 человек на 1 тыс. Немного сократилась смертность, составив 36 чел. на 1 тыс. Естественный прирост вырос с 11,1 до 17,3 на 1 тыс. Положительной стала динамика в городах, если раньше смертность превышала рождаемость, то в начале XX в. превышение рождаемости становится устойчивой тенденцией. Вообще городское население растет более высокими темпами по отношению к сельскому. Доля горожан в губернии выросла с 11,3 % в 1863 г. до 13,2 % на 1 января 1914 г. Особенно быстрыми темпами росло население губернской столицы – Красноярска. За первое десятилетие XX в. оно выросло более чем в 3 раза, и на фоне уездных городов, население которых не превышало 20 тыс., Красноярск выглядел просто мегаполисом. Доля Красноярска в городском населении губернии выросла с 37,9 % в 1863 г. до 58,8 % в 1913 г. (табл. 16).

Таблица 16

Население Енисейской губернии (1863–1913)

Год	Население		
	в губернии	в городах	в Красноярске
1863	323 014	26 355	9 997
1897	570 161	62 998	26 699
1905	718 363	79 566	43 308
1913	1 119 208	147 233	86 624

Первая всеобщая перепись Российской империи. Енисейская губерния. СПб., 1904. Т. 83; Памятная книжка Енисейской губернии за 1863, 1907, 1915 гг. Красноярск, 1865; 1907; 1915.

В то же время можно говорить об определенном «окрестьянивании», так как заметно возрастает доля крестьянства в социальном составе от 60 % в 1863 г. до 75,8 % в 1913 г., что связано с возрастающими масштабами крестьянской колонизации. Это имело свое проявление в таких

демографических показателях, как ранняя брачность, высокая рождаемость, высокая людность семьи, характерных для демографической модели крестьянского населения.

Под влиянием массовых переселений к началу Первой мировой войны постепенно сокращается диспропорция между мужчинами и женщинами, хотя и незначительно. Если в конце XIX в. она составляла 90,7 женщин на 100 мужчин, то в 1913 г. в Енисейской губернии на 100 мужчин приходилось 92,2 женщины. Дело в том, что среди переселенцев на этом этапе стало больше семейных.

Таблица 17

Численность и плотность населения (1897–1913)

Уезды	Абс. численность населения		Плотность на 1 кв. версту	
	1897	1913	1897	1913
Минусинский	182 733	297 046	2,29	3,7
Ачинский	111 466	222 944	2,18	4,0
Красноярский	99 156	198 412	5,21	9,2
Канский	96 202	300 231	1,36	4,4
Енисейский	67 536	80 035	0,18	0,2
Туруханский	10 959	15 378	0,00	0,007
Усинский	2 109	5 162	0,11	0,2
Итого в губернии	570 161	1 119 208	0,26	0,5

ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 30. Л. 18; Первая всеобщая перепись Российской империи. Енисейская губерния. СПб., 1904. Т. 83; Памятная книжка Енисейской губернии за 1915 г. Красноярск, 1915. С. 67.

Массовые миграции способствовали повышению плотности населения, она выросла с 0,26 чел. на 1 кв. версту в 1897 г. до 0,5 в 1916 г. Самый большой рост численности населения отмечается в Канском уезде, здесь население менее чем за десятилетие выросло почти в 3 раза, а плот-

ность – в 3,2 раза. Такая активная динамика объясняется тем, что именно сюда шел основной поток переселенцев в годы Столыпинской реформы. Далее по степени интенсивности роста шли Красноярский и Ачинский уезды, где население удвоилось. В Красноярском уезде преимущественно в это время заселялись волости на юго-востоке (Заледеевская, Шалинская, Тертежская, Вознесенская), в Ачинском – на северо-западе (Бирилюсская, Большеулуйская, Ново-Еловская). Население Минусинского уезда выросло в 1,5 раза, этот уезд был слабее затронут переселенческим движением.

Более активно в это время идет заселение Усинской долины, располагавшейся в котловине, в среднем течении реки Ус, у Западного Саяна. Еще в 1885 г. здесь был образован Усинский пограничный округ, территория которого включала в себя пограничную полосу между рекой Кантегир и Ойским хребтом, с одной стороны, и линией границы между знаками № 20–24 – с другой. Первые поселения русских здесь возникли еще в XVIII в., это были немногочисленные скиты старообрядцев. Затем стали основываться небольшие поселения, служившие факториями енисейских купцов, ведших торговлю с Китаем. В начале XX в. стали образовываться земледельческие поселения крестьян из Минусинского уезда. А в 1903 г. из Усинского сельского общества была образована Усинская волость. К 1911 г. в Верхне-Усинском было уже 235 дворов с населением 2 660 человек, в Нижне-Усинском – 136 дворов с населением 1 330 человек. Всего же на территории Усинского пограничного округа находилось 32 поселения, в которых имелось 736 дворов и постоянно проживали 2 500 мужчин и 2 250 женщин.

Самый слабый рост населения отмечался в Енисейском округе, он фактически держался на уровне естественного прироста. Однако в целом и в этот период Енисейская

губерния так и осталась на предпоследнем месте по заселенности среди всех губерний в Сибири, занимая по этому показателю предпоследнее после Якутской области место. Ее доля в общем населении Сибири в 1916 г. составила 10,7 %.

За предвоенное десятилетие заметные изменения произошли и в этническом составе населения. Так как среди переселенцев преобладал в основном русский элемент, то это привело к росту его доли в общей массе населения губернии с 82,99 % в 1897 г. до 86,8 % в 1913 г. Затем шла тюрко-татарская языковая группа, включая коренное население юга края, составлявшая 8,2 %. Немного снизилась по сравнению с 1897 г. доля поляков с 1,04 до 1 %. Зато процент еврейского населения вырос с 0,88 % в 1897 г. до 1 % в 1911 г. При этом наибольшая часть евреев концентрировалась в городах, а в Красноярске она превышала общегубернский показатель в 4 раза, несмотря на периодически проводившиеся властями выселения евреев. Рост этой этнической группы среди горожан вполне объясним тем фактом, что основным видом деятельности евреев являлась торгово-промышленная.

Заметно в последнее предвоенное десятилетие возрастает численный контингент иностранцев в губернии. Если раньше их счет шел на десятки, то в XX в. они исчислялись уже тысячами. В основном это были представители иностранных банков, специалисты торгово-промышленных фирм, аккредитованных в Сибири, квалифицированные рабочие. Так, на облицовке опор железнодорожного моста через Енисей работали около 500 итальянских каменотесов. Некоторые из них проживали здесь с семьями. Заметно возросла численность иностранных подданных в годы Первой мировой войны. Тысячи пленных, размещенных на территории губернии, привлекались к работам как местной администрацией, так и частными лицами. Труд военно-

пленных использовался на строительстве, рудниках, заготовке леса, в дорожном строительстве, благоустройстве городов, сельском хозяйстве. Например, на Знаменском стекольном заводе Даниловых, на кожевенном заводе в Енисейске, Абаканском железоделательном заводе, Черногорских каменноугольных копях, в акционерном обществе «Сибирская медь» и других предприятиях.³¹ Основным документом, регламентирующим использование труда иностранных военнопленных, было вышедшее 7 октября 1914 г. «Положение о военнопленных», разработанное Красным Крестом, Военным министерством, Министерством иностранных дел.

Местные предприниматели охотно шли на использование труда военнопленных, так как это был труд практически даром. Лишь в начале 1915 г. разрешили в качестве поощрения за хорошую работу выдавать пленным до 20 копеек в день, но постоянной заработной платы им не устанавливали.³² Однако в мае 1915 г. была установлена оплата труда пленным в размере 50 % от платы местным рабочим. Из нее вычитали сумму, требуемую для содержания пленных, остальную обращали в доход казны. К выдаче на руки разрешалось не свыше 20 копеек в день.³³

2.2. Формирование новой социально-классовой структуры

Эволюция традиционных сословий

Глубокие качественные изменения в пореформенный период происходят в социальной структуре населения. Сословно-классовое деление, характерное для традиционного общества с присущими ему жесткими правовыми и соци-

ально-культурными барьерами, постепенно трансформируется в общество гражданского типа.

Новые тенденции нивелирования сословных различий прежде всего коснулись военно-дворянского элемента. Его доля начинает неуклонно сокращаться в общей структуре населения. В абсолютном значении его численность возрастает, но в относительном доля дворянства сокращается с 0,68 % в 1863 г. до 0,31 % в 1909 г. (табл. 18). Губернское дворянство в подавляющей массе имело служилое происхождение. Оно занимало высшие должности в административном аппарате и на военной службе, а поэтому было в основном сосредоточено в городах. Большая его часть относилась к личному дворянству, т. е. получившему свой привилегированный статус путем служебной карьеры.

Дворянство не играло сколько-нибудь значимой роли в хозяйственной жизни края, так как не имело, в отличие от российского, земельной собственности. Основным источником доходов служилого дворянства было жалование, не позволявшее им заниматься предпринимательством в крупных масштабах. Как правило, большая часть чиновничества имела жалование, не превышавшее 1 тыс. руб., что при городских ценах и довольно многочисленном составе семей делало их материальное положение незавидным. Порой они не имели даже собственного домовладения и вынуждены были занимать съемные квартиры, оплачивавшиеся государством. К концу XIX в. на службе дворян постепенно начинают теснить выходцы из разночинной среды, доля которых увеличивается почти в 1,5 раза.

Среди служилого дворянства, особенно той части, которая составляла его высшую касту, преобладали выходцы из Европейской России, ехавшие в Сибирь для того, чтобы сделать быструю карьеру (в Сибири существовало льготное чиновничество). Они не связывали свои личные перспективы с этим краем и не проявляли особой общест-

венной активности, оставаясь чуждыми тем интересам, которыми жило сибирское общество. Сибиряки платили им тем же, иронически называя их «навозной» интеллигенцией, т. е. навезенной извне. К тому же в Сибири дворянство не имело корпоративной организации, не могло организовывать дворянские собрания и выборы, что, разумеется, не способствовало его сословной консолидации и активности.

Военное сословие также постепенно утрачивает свое влияние в жизни края. Оно сокращается численно, так как в результате военной реформы 1874 г. из его состава выбывает ряд категорий (бессрочноотпускные, отставные солдаты, солдатские дети и кантонисты), которые фактически растворяются в других сословиях. Почти половину военно-служилого контингента составляли казаки, хотя формально они принадлежали к сословию сельских обывателей. Вместе с членами семейств они составляли в 1863 г. 3,9 % от всего населения губернии, а к 1913 г. их доля сократилась до 1,3 %³⁴. Казацкая служба, продолжавшаяся 20 лет, была довольно обременительна с точки зрения ограничения гражданских прав. Казак вынужден был тратить на военное обмундирование, проводить большую часть времени на службе при гарнизонах, но все же он имел свое хозяйство, жил семейно, и в этом смысле его положение было несравненно легче солдат срочников. Хотя срок службы по военной реформе 1874 г. был сокращен до 6–9 лет, однако ее условия для нижних чинов оставались по-прежнему суровыми: казарменный быт без элементарных жизненных удобств (не было даже постельного белья и одеял), скудное питание, постоянная муштра.

К числу привилегированных сословий относилось духовенство. Хотя в численном отношении это сословие имело тенденцию к росту, увеличившись с 1863 по 1905 г. в 1,36 раза, однако в процентном соотношении оно сократилось с 0,61 до 0,37 % соответственно. Основу группы

составляли священнослужители-«сибиряки», выходцы из духовного сословия, родившиеся и получившие образование в сибирских епархиях. Другим источником пополнения контингента священнослужителей были их перемещения из Европейской России с целью компенсации кадрового дефицита. Поскольку приходы в губернии имели очень большую площадь, а населенные пункты находились на больших расстояниях друг от друга, то, чтобы обеспечить их население богослужением, прибегали к привлечению местных крестьян, которые получали должность в клире через сдачу экзамена на знание церковных канонов и служб. Не возбранялось занимать должности священнослужителей и выходцам из других сословий.

С правовой точки зрения положение сибирского священнослужителя полностью совпадало с положением служителя Европейской России. Уровень образования и материальное положение духовенства характеризовались неоднородностью: наименьшими доходами обладали сельские служители с начальным школьным или профессиональным образованием из новообразованных приходов, наибольшими – служители городских храмов.

Наиболее динамично развивались те социальные группы, деятельность которых была связана с новыми экономическими и культурными процессами. Самой быстро растущей в численном отношении группой было мещанство, составлявшее основной контингент городского населения и занятое в торгово-промышленной сфере. С 1863 по 1913 г. оно выросло в 5,9 раза, притом что население губернии за этот же период увеличилось только в 3,46 раза. В населении городов мещанство составляло 50–53 %. Такой бурный рост этой группы объясняется возрастанием значения города как торгово-промышленного центра, так как именно эта сословная группа давала основную массу населения, занятого в соответствующем секторе городско-

го хозяйства. Частично мещанство пополнялось оседавшими в городе крестьянами, а также за счет ссыльнопоселенцев.

Мещанство постепенно все более теряет свою социальную однородность. Из его среды выделяются как представители крупного капитала, так и работавшие по найму в самых разных профессиональных сферах: от службы в госаппарате, частных предприятиях, культурно-образовательных учреждениях до наемных рабочих. Размыванию сословных рамок мещанства во многом способствовали либеральные реформы городского самоуправления и суда, в результате которых фактически была подорвана сословная городская община и мещанские суды.

С точки зрения сферы занятости населения каких-либо кардинальных изменений за вторую половину XIX – начало XX вв. не произошло. Как в начале периода, так и к его финалу основная часть населения была занята в сельском хозяйстве. На 1911 г. она составляла 72,7 %. В торгово-промышленной сфере было занято всего 16,6 % населения. На государственной службе и свободными профессиями – 1,4 %; в сфере религиозной службы – 0,4 %; военной – 0,6 %; в частных учреждениях и домашнем услужении – 5,2 %³⁵. В городах распределение по занятиям было в пользу торгово-промышленного сектора. Так, в Красноярске в 1897 г. доля занятых в нем составила 46,9 %, тогда как в сельском хозяйстве – 4 %, в сфере управления, образования, здравоохранения, культуры, обслуживания – 41,1 %³⁶.

Таким образом, изменения в социoproфессиональной структуре населения Енисейской губернии в целом отражали общую тенденцию к переходу к фазе индустриального развития, но очень заметно отставали по темпам и масштабам от центра страны. Заметно их притормозило массовое переселенческое движение, начавшееся после Первой русской революции, в результате которого доля кре-

стьянского населения выросла в общей массе населения до 75,8 %. Можно говорить об определенном «окрестьянивании» общества.

Таблица 18

**Численность и сословный состав населения
Енисейской губернии (1863–1911)**

Население	1863	1870	1885	1896	1905	1911	1913
Население губернии	323 014	372 862	447 076	554 049	71 363	1 022 486	1 119 208
Городов	26 355	27 941	49 072	62 995	79 616	135 409	147 233
Дворяне	2 216	1 866	1 683	2 692	2 245	9 918	
Военные	19 764	24 126	19 005	28 177	27 781	13 292	
Духовенство	1 989	2 026	1 799	2 072	2 720	4 090	
Купечество	2 013	2 109	1 300	1 232	923	1 530	
Почетные граждане		166	338	633	932	1 537	
Мещане	13 272	16 878	31 010	36 499	36 824	73 619	
Крестьяне	194 790	212 276	271 529	358 370	541 912	775 044	
Иногородцы	42 797	45 525	46 658	52 198	44 214	85 888	
Ссылные	44 987	67 312	83 657	65 303	53 393		

Статистический обзор Енисейской губернии. Красноярск, 1873–1893 гг.; Памятная книжка Енисейской губернии. 1865; 1888–1913 гг. Красноярск, 1865–1913.

Крестьянство

Самой многочисленной категорией населения в крае оставалось крестьянство. В его составе преобладали государственные крестьяне – 60,3 %. Реформирование государственной деревни в Сибири затянулось на 30 лет. Сибирские крестьяне, жившие на казенных землях по сравнению с собратьями в европейской части страны оказались в результате реформ ограничены в своих правах. Так, если последние по закону от 12.06.1886 получили право выкупа

своих земель в собственность, то в Сибири казна, стремясь ограничить сложившуюся здесь практику крестьянских земельных захватов, утвердила законом 1898 г. свое монопольное право на земельную собственность. За пользование казенной землей крестьяне должны были платить оброчную подать, значительно выросшую с 1898 г. в результате перечисления в нее подушной подати. Так же права крестьян были урезаны и в сфере управления. Законами 1870–1880-х гг. крестьянское самоуправление было поставлено под контроль полицейских чиновников. Эти меры были окончательно закреплены в 1898 г. введением должности крестьянских начальников, сосредоточивших в своих руках судебную и административную власть над крестьянским миром.

Патриархальный уклад сибирской деревни в новую эпоху дал заметную трещину. В крестьянстве углубляется раскол на зажиточную верхушку, тяготеющую к буржуазному предпринимательству, и деревенскую бедноту, из которой пополнялся рынок рабочей силы. Енисейская губерния не была исключением в этом плане, однако ее специфическое положение – удаленность от европейской части страны, откуда шел основной переселенческий поток, значительный резерв свободных и благоприятных для сельскохозяйственной обработки земель, слабое развитие торговли и промышленности тормозили процессы социальной дифференциации в сравнении с другими губерниями Сибири.

При группировке крестьянских хозяйств по экономическому положению в исследованиях историков традиционно указываются такие показатели, как размер земельного надела, обеспеченность рабочим скотом, использование наемного труда. По материалам обследования 4 южных округов губернии в 1890–1892 гг., охватившего 50 340 хозяйств, выделяются следующие группы. Бедняцкая – 26,2 %

при средней запашке 1,8 десятины, из них 17,2 % – безлошадные; 9 % – с одной лошадей. Промежуточное положение между этой группой и середняцкой занимали 13 % крестьянских дворов с наделом 5,4 десятины и 2 головами рабочего скота. К середняцкой группе было причислено 26,1 % крестьянских дворов с 3–4 головами рабочего скота и средним наделом 8,2 десятины. Группу крепких середняцких хозяйств (27,7 %), приближавшихся по своему экономическому положению к зажиточным слоям, составляли дворы, в которых в среднем было по 5–9 рабочих лошадей и 19 десятины пашни. Зажиточную верхушку енисейской деревни составляли 7 % крестьянских хозяйств, в каждом из которых насчитывалось более 10 голов рабочего скота и более 35 десятины запашки³⁷. На долю этой группы приходилось 17–26 % посева и 13–25 % рабочего скота. Среди зажиточной верхушки преобладали старожилы – 42,4 %, и совсем мизерной среди них была доля поселенцев – 5,7 %.

Если сравнить показатели социальной дифференциации Енисейской губернии с соседними, то становится очевидным наличие здесь гораздо большей прослойки середняков (табл. 19). К тому же надо заметить, что и среди зажиточной части нередко встречались большие нераздельные семьи, в которых высокая обеспеченность землей, скотом и инвентарем отнюдь не означала проявление буржуазного характера их хозяйства. Зачастую они были слабо втянуты в товарное производство. В связи с этим выводы о классовом разложении крестьянства в Енисейской губернии, видимо, нуждаются в корректировке.

Социальный состав крестьян

Социальные группы	Алтай, %	Енисейская губерния, %
Бедняки	39,3	39,2
Середняки	38,2	53,8
Кулаки	22,5	7

Источники: Материалы по исследованию... Т. IV. Вып. 4. С. 132. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 94.

Одной из причин, сдерживавших социальную дифференциацию в 1860–1890-е гг. в крае, было более слабое влияние переселенческого фактора. В западносибирских губерниях, где поток переселенцев был интенсивнее, этот процесс развивался более динамично. Переселенцы обычно пополняли ряды бедноты. К определению критериев классификации социальной принадлежности переселенцев у историков до сих пор не сложилось единых подходов. Так, одни полагают, что к середнякам следует относить крестьян, которые до переселения имели надел 3 десятины, другие – 15 десятин³⁸. Думается, можно согласиться с доводами Н.А. Якименко, поставившего под сомнение размер надела в качестве критерия для определения социального статуса переселенцев, для обоснования на новом месте это не имело решающего значения³⁹. Дело в том, что громадные расходы при переселении приводили к тому, что подавляющей их части, независимо от того, к какой группе она принадлежала до выхода в Сибирь, приходилось начинать практически с нуля. Другими словами, громадные расходы на дорогу уравнивали и бедняков и тех, кто ранее относился к середняцкому контингенту. И те и другие приходили к месту нового водворения, истратив

все, что они выручали от продажи своего хозяйства в родных местах. Показательны в этом отношении данные из отчетов Красноярского переселенческого комитета, свидетельствующие об обеспеченности деньгами переселенцев, прибывших в Енисейскую губернию (табл. 20).

Более половины переселенцев приходили к месту поселения, не имея минимума, необходимого для обзаведения на новом месте. Так, только приписка к сельскому обществу, необходимая для получения надела, обходилась крестьянской семье в 40–50 руб., а в совокупности с другими расходами на строительство дома, обзаведение скотом, посевным фондом, инвентарем эти затраты составляли 350–400 руб.⁴⁰

Таблица 20

Материальная обеспеченность переселенцев

Материальная обеспеченность переселенцев	1893 (%)	1894 (%)	1895 (%)
Имевшие до 10 руб.	60	27	65
10–50 руб.	19	35	17
50–100 руб.	21	22	11
Свыше 100 руб.	нет	16	7

Источники: Отчет о деятельности Красноярского переселенческого комитета с 1893–1896 гг. Красноярск, 1894–1897.

Следовательно, 9/10 прибывавших в губернию переселенцев не имели возможности стать самостоятельными хозяевами и вынуждены были пополнять ряды бедноты, живя наймом в старожильских хозяйствах. Доля малоземельных хозяйств среди новоселов составляла 49,4 %, тогда как аналогичная группа среди старожиллов только 11,7 %. Именно новоселы давали основной контингент наемных рабочих. Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением В.А. Степынина, что переселение приводило в порефор-

менное тридцатилетие к необратимой пролетаризации крестьянства⁴¹. Обилие свободных, сравнительно благоприятных для сельскохозяйственной обработки земель, относительная свобода хозяйственной деятельности способствовали тому, что большая часть новоселов поднималась до уровня средней обеспеченности. Заметно облегчало положение переселенцев причисление к сельскому обществу. Достаточно обратить внимание на весьма существенное отличие в положении непричисленных и причисленных к обществам новоселов (табл. 21).

Таблица 21

Материальное положение новоселов

Новоселы	Хозяйства бездом., %	Хозяйства безлошад., %	Хозяйства без пашни, %	Хозяйства, арендующие землю, %
Непричисленные	43,6	40,3	67,4	15,8
Причисленные	6,4	5,1	13,8	4,8

Источники: Материалы по землепользованию... Т. IV. В 4. С. 152.

В целом, очевидна резкая динамика улучшения хозяйственного положения новоселов, в результате чего большая их часть становилась со временем самостоятельными хозяевами. Следует заметить, что новоселы составляли 50 % среди середняков, это даже превышало долю этой группы среди старожилов – 46 %. Достаточно весомой была доля новоселов и среди зажиточных крестьян – 33,6 %⁴².

Примечательна в этом отношении история, которую приводит в исследовании ссыльный народник И.А. Гурвич, записанная им со слов бывшего уроженца Рязанской губернии, переселившегося в Сибирь. Тот отправился в дорогу со своей невестой, не имея денег, и прошел весь этот

путь в составе небольшой партии переселенцев, живя лишь на подаяние. Молодая семья осела в Назаровской волости Ачинского округа. Первую зиму жили в землянке, работая по найму. За работу пильщиком на постройке дома одного из старожилов он, кроме денежного оклада, получал в день по пуду ржаной муки и полпуда пшеничной. За зиму удалось скопить на лошадь, а весной засеять десятину пашни. На проданный урожай купили дом за 11 руб. и корову. То есть, начав с нуля, он уже в течение первого года обзавелся своим хозяйством. Через 17 лет это уже самостоятельный хозяин, имевший под пашней 16 десятин, 4 рабочие лошади, 7 коров, пятистенный дом⁴³.

Конечно, не следует представлять сибирскую деревню краем всеобщего благоденствия. И здесь наблюдаются социальные противоречия, которые порождают известную напряженность в крестьянском мире. Самую обездоленную и бесправную часть сибирской деревни представляли ссыльнопоселенцы. Это были настоящие парии крестьянского общества. Доля безлошадных и безземельных среди них составляла соответственно 58,2 и 72 %. Малоземельный контингент в их среде был равен 58 %. Очень тонкой – 10,5 % была прослойка середняков⁴⁴. Хотя, думается, их бедственное положение объяснимо не столько влиянием социально-экономических факторов, сколько тем, что поселенцы имели слабую позитивную мотивацию и подготовленность к земледельческому труду.

Две крайние группы крестьянства активно участвовали в формировании рынка рабочей силы. Но в целом по масштабам использования наемного труда Енисейская губерния уступала соседним губерниям. Так, по 4 южным округам из 50 340 хозяйств к использованию наемного труда прибегали 15,9 %; 11,7 % из них имели годовых работников; 4,2 % – срочных, т. е. нанимавшихся на сезонные работы, тогда как в Иркутской губернии хозяйства, прибе-

гавшие к наемному труду, составляли 21,2 %, а в Тобольской – 25 %⁴⁵.

Соотношение отпуска и найма работников тесно коррелируется с экономическим состоянием крестьянских хозяйств. Так, из группы безлошадных в наем уходило 68,9 %. Сельская верхушка в основном выступала как сторона, использовавшая труд наемных работников. В Минусинском округе, где преобладали зажиточные и середняцкие хозяйства, отмечается максимальный процент хозяйств, применявших работников, – 25 % и минимальный, отпускаявших в наем, – 8 %. Тогда как в волостях Канского округа, где экономический уровень крестьянского хозяйства был ниже, это соотношение было обратным: 37 % хозяйств отпускало работников в наем и 15 % использовало труд наемных работников⁴⁶.

Итак, усиление социальной дифференциации среди сибирского крестьянства во второй половине XIX в. стало очевидным фактом. Это не оспаривали даже такие народнические авторы, посвятившие труды исследованию этого вопроса, как Н.Е. Каронин-Петропавловский, С.П. Швецов, К.Р. Качоровский, писавшие о выделении кулацкой верхушки, все более подчинявшей себе остальной крестьянский мир. Для Енисейской губернии об этом говорили народники А.А. Макаренко, В.С. Арефьев, С.Л. Чудновский. Однако эти процессы по своей динамике очень сильно отставали от европейского центра и даже губерний Западной Сибири в силу того, что в Енисейской губернии вплоть до начала XX в. сохранялся достаточный фонд резервных земель. Это позволяло крестьянам при ведении экстенсивного хозяйства обеспечивать воспроизводство крестьянского двора как самостоятельной хозяйственной и социальной единицы. Прибывавшие сюда переселенцы могли, пусть хотя бы и не сразу, а через десятилетия упорного труда, воплотить свою мечту о вольном крестьянском

житье. Правда, крестьянина стесняли всевозможные административно-бюрократические ограничения в пользовании казенными землями (казенно-оброчные статьи), лесами, высокие подати, специфически сибирская проблема, связанная с уголовной ссылкой, но он всегда мог найти какие-то лазейки, чтобы минимизировать эти издержки. Например, пользоваться неучтенными землями не платя за них, показывать меньшую запашку, чтобы уменьшать подати, и т. д. Поэтому сибиряк не тосковал по оставленной «исторической родине», а даже, наоборот, немного пожив в Сибири, начинал свысока относиться к «рассейским лапотонам». Поэтому в годы Первой русской революции на территории губернии крестьянское движение не получило таких масштабов, как в коренной России. Требования протестных выступлений крестьян были в основном связаны с установлением большей свободы в пользовании казенными землями и лесами, прощением недоимок, отменой косвенных налогов и поборов в пользу духовенства, расширением прав крестьянского самоуправления.

Относительное благополучие крестьян Енисейской губернии начинает меняться после Первой русской революции под влиянием массовых переселений. Сотни тысяч переселенцев прибывают на земли губернии. В отличие от переселенцев предыдущего этапа, в подавляющем большинстве относившихся к середнякам, столыпинские переселенцы, как правило, не дотягивали до этого уровня. Следовательно, для хозяйственного обзаведения на новом месте у подавляющего большинства переселенцев не хватало средств, а учитывая то обстоятельство, что на этом этапе основной поток переселенцев направлялся в подтаежные и таежные районы, хозяйственное освоение которых требовало больших ресурсов и трудозатрат, это только усугубляло их положение.

Большинству переселенцев, чтобы основать свое хозяйство на новом месте, приходилось начинать с работы по найму. Но если раньше рынок наемной рабочей силы в губернии испытывал дефицит рабочих рук и переселенцы могли за один-два сельскохозяйственных сезонов заработать необходимый капитал, то с наплывом дешевой рабочей силы такая возможность сокращается, поскольку падают заработки. В годы Первой мировой войны цены на рабочие руки стали быстро расти по понятным причинам, но еще быстрее росли цены на продукты. Во-вторых, рост численности наемных рабочих увеличивал спрос на сельскохозяйственные продукты и как следствие поднимал на них цены. Это означало, что переселенцам, чтобы начать свое самостоятельное хозяйство, теперь требовалось гораздо дольше работать по найму. Если раньше переселенец уже через год-два становился самостоятельным хозяином и имел запашку больше, чем до переселения из европейской части, то теперь на это уходило 5–6 лет в лесостепных районах⁴⁷, а в таежных и подтаежных этот срок еще более возрастал.

Однако трудности заключались не только в этом. Поскольку на этом этапе значительная часть переселенцев селилась не в старожильческих поселках, а за их пределами, то найти работу было не так легко. Приходилось уходить в города, на прииски или в старожильческие деревни, а это было связано с долговременным отрывом от своего хозяйства и также благополучию не способствовало. Таким образом, стартовые условия для «стольпинских» переселенцев были менее благоприятными, чем для тех, кто прибыл в Сибирь до начала реформы. Это подтверждается материалами обследования переселенческих хозяйств Енисейской губернии, проведенных в 1911–1912 годах. В результате было выявлено, что доля бедноты, включая беспосевных и имевших посев от 1 до 3 десятин, составляла

среди переселенцев, водворившихся в 1904–1910 гг., 59,6 %; середняки, имевшие посев 3–9 дес., – 36,6 %; зажиточные с посевом свыше 9 дес. – 3,8 %⁴⁸. Обеспеченность бедноты рабочим скотом не превышала 1,1 головы рабочего скота, 52,2 % бедняцких хозяйств не имели своего инвентаря, тогда как более половины машинного парка была сосредоточена в руках зажиточной верхушки. Таким образом, более высокий слой бедноты среди переселенцев по сравнению со старожилами, где она составляла только треть, говорит о том, что социальная дифференциация в их среде имела более широкие масштабы. Бедные переселенцы бежали в Сибирь от малоземелья и нищеты, но здесь они просто не могли воспользоваться земельными просторами, получая в результате все ту же нищету. Конечно, это не исключало того, что в отдельных случаях крестьянам удавалось улучшить свое положение. Все «сливки» от переселения снимала немногочисленная зажиточная верхушка. Имея накопления, технику, рабочий скот, она могла использовать земельный ресурс и дешевый труд своих собратьев – таких же переселенцев.

«Столыпинское» переселение резко ускорило процессы социальной дифференциации не только среди переселенцев, но и в старожильческой деревне. Если раньше благополучие крестьянской семьи в значительной степени зависело от личных качеств работника: трудолюбия, хозяйственности, бережливости, упорства, то в новую эпоху вступает в действие «невидимая рука рынка», которая проявляет себя через многочисленных перекупщиков, спекулянтов, ростовщиков, опутывавших деревню стальной сетью и не знавших жалости. Поэтому хроническая бедность переселенца или старожила – это отнюдь не результат его лени, пьянства и т. п., а неизбежное следствие закона капиталистического рынка: бедный становится беднее, богатый – богаче. «Столыпинские» переселенцы не знали, что

в вагонах, в которых они ехали в Сибирь вместе со своими пожитками, они везли капитализм, от которого бежали из России. Они ехали в Сибирь с мечтой о крестьянском счастье, о земле и воле, а получили 1917 год. И переселенцы сыграли в революционных событиях самую активную роль, именно они выступали за радикальное перераспределение земли, отмену свободы хлебной торговли, став опорой революционно-социалистических партий. Характерно, что в годы гражданской войны советские партизанские республики возникали именно в тех районах, куда в годы столыпинской реформы шло интенсивное переселение – Степнобаджеевская республика (Заманье), Тасеевская – на севере Канского уезда.

Буржуазия и пролетариат

Отставание в торгово-промышленном развитии губернии сказывалось на особенностях формирования местной буржуазии. Численность крупной буржуазии росла крайне медленно. В пореформенное время наблюдается сокращение численности гильдейского купечества, представлявшего верхушку торгово-промышленного класса, с 2 013 в 1863 г. до 1 232 человек в 1896 г. (табл. 18). После введения в 1898 г. новой системы налогообложения и порядка вступления в гильдии она сокращается более чем в 10 раз. Это было связано с тем, что по новым правилам право на принадлежность к купеческому сословию получали лица, выбиравшие промысловые свидетельства на торговые, промышленные и пароходные предприятия высших разрядов.

Права купцов 1-й гильдии получали те, кто выбирал промысловые свидетельства на торговые предприятия 1 разряда с оборотом более 300 тыс. руб., с податной прибылью более 20 тыс. руб. в год и уплатой промыслового на-

лога 500 руб. в год или на промышленные предприятия 1–3-го разрядов с прибылью 20 тыс. руб. и числом рабочих более 200 человек (по некоторым предприятиям допускался минимум рабочих – 100 человек) или на пароходные предприятия, на которых уплачивался годовой налог более 500 руб.

Права купцов 2-й гильдии получали лица, выбиравшие свидетельства на торговые предприятия 2-го разряда с оборотом от 30 до 50 тыс. руб. и прибылью от 3 до 20 тыс. руб. в год или на промышленные предприятия 4–5 разрядов с числом рабочих от 15 до 200 человек, а при использовании на предприятии паровых двигателей минимум численности рабочих составлял 10 человек.

До 1863 г. существовала 3-я гильдия, но после ее упразднения часть купцов перешла в мещане.

Новые правила по сравнению с законом 1865 г., определявшим порядок выборки купеческих свидетельств, существенно подняли планку требований к имущественному состоянию для представителей гильдейского звания и привели к оттоку значительной части предпринимателей из этого сословия. В результате численность гильдейской буржуазии в Енисейской губернии к началу XX в. составила всего лишь 101 человек. Это значительно меньше в сравнении с другими сибирскими губерниями, где гильдейское купечество составляло: в Томской – 193; в Иркутской – 204 человека.⁴⁹ Правда, потом она стала расти, превысив в начале XX в. 1 тыс.

Узость рынка, аграрный характер экономики края, неразвитость хозяйственной инфраструктуры, жесткая бюрократическая регламентация торгово-промышленной деятельности, высокие риски – все это делало положение купечества крайне неустойчивым. Ежегодно купеческого статуса лишались сотни фамилий, опускаясь на более низ-

кие ступени в сословной иерархии, при этом Фортуна была беспощадна даже к первогильдейцам.

К купцам первой гильдии, численность которых в 1860–1890-е гг. в Енисейской губернии колебалась от 6 до 30 человек, принадлежали И.В. Базилевский, Баландины, Барташевы, Гадаловы, Кытмановы, Кузнецовы, Щеголевы, Я. Прейн, Гусев. Количество первогильдейцев на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. сокращалось, составив в 1896 г. 7 человек, в 1907 – 4, в 1912 – 6. При этом первогильдейцы являлись самой нестабильной группой, внутри которой постоянно шло движение. Кто-то из-за падения оборотов переходил во 2-ю гильдию, кто-то уходил в сословие почетных граждан. После принятия «Положения о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 г., сделавшего обязательным занятие предпринимательством с принадлежностью к купеческому сословию, некоторые вообще вышли из купечества.

Гильдейское купечество занимало командные высоты в экономике губернии, присваивая львиную долю прибыли в промышленности и торговле. Опираясь на свой капитал и сословные привилегии (право получать отсрочку в воинской повинности, освобождение от ряда натуральных повинностей, которые выполняло податное население, преимуществ в ведении торгово-промышленной деятельности), они имели широкий доступ к выгодным казенным заказам и подрядам, кредитам Государственного банка, расширявшим возможности первоначального накопления.

Пути формирования енисейской буржуазии были многообразны. Более половины из гильдейского купечества являлись выходцами из социальных низов: городского мещанства, крестьян. Почвой для формирования их капиталов служили промысловые занятия, мелкая розничная торговля в сочетании с ростовщичеством. Из мещан вышли

основатели крупных купеческих фамилий И.К. Кузнецов, П.К. Гудков, И.Н. Некрасов, А.С. Баландин, В.В. Данилов.

Известный в Красноярске первогильдеец, миллионер И.К. Кузнецов, много лет возглавлявший городскую думу, происходил из тобольских мещан. В малолетстве был отдан отцом в услужение проживавшему в Красноярске откупщику Шестакову. Будущий красноярский магнат начал свой «трудовой» путь мальчиком на побегушках. Хозяин, видя его исполнительность и сметливость, обучил его грамоте и стал приобщать к «купецкому» делу. Скопив первоначальный капитал в должности поверенного Шестакова, Иван Кириллович вскоре сам начал заниматься откупками, затем вложил капитал в прибыльную торговлю чаем и пушниной, а в 1830-е гг., когда в Енисейской губернии были открыты запасы золота, основал свои первые прииски. На паях с другим богатым купцом – И.С. Щеголевым – он открыл Крестовоздвиженский прииск, ежегодная добыча золота на котором исчислялась сотнями пудов. Так он стал миллионером. Как видим, «Гарвардов» Кузнецов не кончал, а искусству «менеджмента» учился у таких же, как он, полуграмотных купцов. Секрет его успехов заключался в том, что, как свидетельствовал хорошо знавший его чиновник городского суда И.Ф. Парфентьев, он был «неусыпен в делах»⁵⁰.

К крестьянскому сословию принадлежал родоначальник династии енисейских золотопромышленников П.М. Кытманов. Он начал свое дело с торговли рыбой, затем стал поставлять продукты на прииски. Там узнал от старателей о богатых месторождениях и приступил к их разработке, а к 1890 г. в собственности семьи Кытмановых числилось уже 20 приисков. По размерам золотодобычи его предприятия выходят на 2 место в губернии. Свои капиталы он вкладывает и в другие отрасли. В 1861 г. он со-

вместно со своими компаньонами положил начало пароходству на Енисее.

Из крестьян вышел и другой енисейский золотопромышленник А.А. Саввиных. Оставшись в детстве сиротой, он начал службу в 12-летнем возрасте при почтовой станции, с 1867 г. служил в различных золотопромышленных компаниях, а в 1872 г. в 24 года открыл свой первый прииск. В 1890-е гг. на приисках Саввиных широко внедряется машинная техника, растут производительность и доходность, часть капиталов, получаемых от золотопромышленности, он вкладывает в пароходство. В начале XX в. он входит в правление самых крупных губернских акционерных компаний в золотопромышленности и пароходстве.

Выходцами из крестьян были гильдейские купцы Терских, Матонины, Н.П. Пашенных. Последний занимался поставками хлеба на прииски в Минусинском округе, вкладывая свои капиталы в винокурение, мукомольное дело, торговлю. Пашенных принадлежала сеть магазинов и винных лавок в Минусинском и Красноярском округах.

Часть крупной торгово-промышленной буржуазии являлась потомками старинных купеческих династий – Юдины, Гарины, Барташевы, Беловы.

Характерным для сибирской буржуазии был высокий процент выходцев из европейской части России. По подсчетам историка Г.Х. Рабиновича, из 35 гильдейских купцов Красноярска 12 были переселенцами из европейской части страны, при этом 10 из них – «взяниковцы», т. е. выходцы из Взяниковского уезда Владимирской губернии. Среди них – основатели купеческих династий Крутовских, Гадаловых⁵¹. Из мигрантов были и красноярский купец 1-й гильдии Е.Г. Гарин, архангелогородские купцы М.К. Сидоров и В.Н. Латкин.

В среде енисейской буржуазии встречались и немногочисленные выходцы из дворянства: Базилевские, Асташевы, Шепетковские.

Еще одним отличием формирования сибирской буржуазии было участие в этом процессе криминального элемента из ссыльнопоселенцев. Высланные в Сибирь за всевозможные нелады с законом, они на новом месте, конечно же, не становились праведниками. Здесь для прощтрафившихся на ниве мошенничества, жульничества и других уголовно наказуемых деяний открывалось громадное поле для всяких финансовых и коммерческих афер. Так, например, отец купца И. Кулаева, В. Орлов, был выслан на каоторгу, но в пути сменялся именем с ссыльнопоселенцем Кулаевым и обосновался под его фамилией в Красноярском округе. Здесь он составил капитал на хлебной торговле и ростовщичестве. И.В. Кулаев позднее вспоминал, что отец, скупая хлеб у окрестных крестьян, всякими правдами и неправдами заставлял их идти на кабальные сделки, провяля жестокую хватку, не гнушаясь обсчетом и другими средствами давления. «Мужик со слезами на глазах вставал на колени, часами упрашивал отца дать ему за проданное зерно необходимую для уплаты податей сумму денег, но отец трудно поддавался этим мольбам», – вспоминал он⁵².

Организационные формы капитала сибирских предпринимателей отставали от развитых форм, характерных для буржуазии центра страны. В Сибири в этот период еще не произошло отделения торгового капитала от промышленного, и для сибирского капиталиста было характерно слияние в одном лице купца и промышленника. Типичным явлением для местной буржуазии было преобладание семейных фирм, представлявших первичную форму централизации капитала. Примером может служить торговая фирма «Николай Герасимович Гадалов и сыновья», осно-

ванная в 1888 г. на правах полного товарищества для торговли мануфактурными и колониальными товарами, и пароходство с уставным капиталом 225 тыс. руб.⁵³ Фирма просуществовала до 1893 г. и с выходом одного из компаньонов распалась.

К типу семейных фирм относились и Торговый дом Тонконоговых, фактически монополизировавший торговлю в Туруханском крае, золотопромышленное общество «Наследники Переплетчикова», компании «Кытманов И. А. и К⁰», «Данилов И. А. и К⁰», «Товарищество Востротинных».

На рубеже веков в Сибири начинается переход к новым формам организации крупных капиталов – акционерным компаниям. Первая акционерная компания в Енисейской губернии – «Акционерное общество Минусинских золотых приисков» была основана в 1890 г. купцом И. Гусевым. Основной капитал ее составил 1 млн руб. Однако она в значительной степени сохраняла черты семейного предприятия⁵⁴. К началу Первой мировой войны акционирование становится устойчивой тенденцией в ведущих отраслях промышленности и на транспорте. Акционерные компании объединяли капиталы не только местной буржуазии, но и представителей крупного бизнеса из европейской части страны и других губерний Сибири.

Финансово-экономические позиции енисейской буржуазии заметно уступали позициям ее российских собратьев. Даже состояния самых могущественных местных кланов: Тонконоговых, Востротинных, Кытмановых, Кузнецовых, Баландиных, Асташевых, Даниловых, исчислявшиеся сотнями тысяч рублей, выглядели весьма скромно на фоне богатства российских магнатов, которое измерялось десятками миллионов. Поэтому, когда российский и иностранный капитал начинает проникать на местный рынок, многие из них предпочитают, не конкурируя, продать

акции своих компаний и стать рантье. По такому пути пошли Кытмановы, Востротины, Переплетчиковы.

Единичными были случаи, когда сибирским предпринимателям удавалось встать в бизнесе наравне с самыми могущественными и влиятельными силами российского капитала. К таковым из енисейских купцов можно отнести Гадаловых. Основатель династии Герасим Петрович, из крепостных крестьян князя Шаховского, начал свое дело, сопровождая торговые караваны из Владимирской губернии в Сибирь, вскоре перешел к самостоятельной торговле, став канским купцом второй гильдии. Его сыновья – Николай и Иван, продолжившие дело отца, значительно расширили сферу приложения своих капиталов, вкладывая деньги в пароходство, золотопромышленность, отрасли обрабатывающей промышленности. Гадаловым принадлежали торговые склады, сеть магазинов в Красноярске, Томске, Канске, пароходы, мельницы, железодельный завод, лесопилка. Сын Н.Г. Гадалова, Николай Николаевич, был основателем крупнейших в губернии акционерных компаний: «Александровской золотопромышленной», «Акционерного общества пароходства на Енисее», входил в правление Сибирского торгово-промышленного банка, а также ряда акционерных компаний со смешанным российским и иностранным капиталом. Общий капитал семейства Гадаловых накануне 1917 г. составил около 6 млн руб.

Преобладание среди сибирской буржуазии выходцев из демократических слоев накладывало определенный отпечаток на ее облик. Многие из основателей купеческих династий начинали свое дело, не имея ни унаследованных торговых капиталов, ни опыта предпринимательской деятельности, ни образования, за короткое время благодаря своей деловой хватке, энергичности поднимались уже в первом поколении на вершину богатства и общественного признания. Однако восхождение на Олимп богатства и

славы не всегда было связано с личным трудолюбием и предприимчивостью, и в его достижении нередко приходилось отступать от праведного пути, который указывали мораль и закон. Сибирские купцы, за редким исключением, использовали свое монопольное положение на рынке, получая сверхвысокую прибыль, не затрачивая усилий на снижение издержек производства, повышение его эффективности и культуры.

Специальные исследования историков показывают, что в пореформенное время с обострением конкурентной борьбы традиционные нормы деловой этики, бытовавшие в предшествующую эпоху в полупатриархальной купеческой среде, начинают стремительно подрываться. О деструктивных изменениях в социальной и нравственной мотивации купечества, которые происходят в конце пореформенного периода, свидетельствует в воспоминаниях красноярский старожил И.Ф. Парфентьев. Он подчеркивал, что в старые времена в купеческой среде главным были не меркантильные интересы, а своеобразная корпоративная солидарность. И купцы не отбивали у своих собратьев по цеху покупателей, а даже наоборот. Зная, что у соседа дела идут не очень успешно, они направляли покупателей к нему в лавку. Теперь же, с горечью говорит Парфентьев, каждый старается перехватить кусок у соседа. Хотя, конечно, и раньше такое случалось, кому как не Парфентьеву это было знать. Ведь он за свою многолетнюю юридическую практику по исковым делам купцов с этим сталкивался неоднократно. Но теперь это не только стало нормой, но ценится как деловое качество. То есть то, что раньше считалось грехом, теперь называется модным словом «конкуренция» и превращается в глазах общества в добродетель.

Он приводит примеры проявления добросовестной деловой этики среди представителей старых купеческих династий Красноярска, которые, по убеждению Парфентьева,

не гнались за богатством, а честно копили «трудовую копейку» и умели удержаться в бурных волнах коммерческого моря. К таким он относил купца 3-й гильдии И.П. Ларионова. Иван Петрович принадлежал к старинному купеческому роду, обосновавшемуся в Красноярске с конца XVIII в., занимался розничной торговлей, мыловарением, производством кирпича. Ларионов, по словам Парфентьева, не только был «неусыпным тружеником», но и человеком «беспримерной честности», для которого моральный долг христианина и гражданина всегда был выше коммерческого интереса⁵⁵. Он, будучи городским головой, во время неурожая, чтобы пресечь спекуляции хлебом, распорядился продавать хлеб из резервов по ценам, доступным для городской бедноты. Ларионов всегда щепетильно относился к своим долговым обязательствам, и любой человек мог ему без всякой опаски доверять свои деньги в долг. Парфентьев приводит собственный пример, когда Ларионов вернул ему сумму, которую тот ему дал для сохранения под небольшой процент. Он вернул ему даже с процентами на проценты, рассчитав все до копейки. «Вот как в старину-то живали, не то что ныне, друг друга надувают разными фокусами и фальшивыми векселями, да впрок-то эти штуки нейдут; а в наше старое время, в век честности, копеечку сберегали на чёрной день, да детям на помин оставляли», – восхищался Иван Федорович⁵⁶. Но главное, по мнению Парфентьева, что Ларионов сумел передать эти принципы и своим детям, этим и держится купеческий род.

Другой пример. И.Я. Ростовых, купец 3-й гильдии, из мещан, занимался мелкой розничной торговлей. «Этот человек такого был сорту, – пишет Парфентьев, – что чужого не возьмет и своего не отдаст; он сам был редкой честности и оставил воспоминание о торговле, производимой им более 50 лет; рубля, как говорится, не ломал»⁵⁷. Свои сделки он вел не по доверенностям, а под честное слово и

пользовался исключительным авторитетом и доверием не только в местных деловых кругах, но и среди своих посредников – московских купцов. А когда во время пожара 1881 г. в Красноярске сгорели его склады и был нанесен большой ущерб его делам, то от разорения Ростовых, как считал Иван Федорович, спасла именно его добрая репутация. Московские кредиторы, ценя его как делового партнера, сделали ему скидку – 50 % с рубля, что позволило ему уже в 1882 г. восстановить свои дела. Однако Ларионов и Ростовых принадлежали к уходящей эпохе. Наступавший XX век нес в Сибирь власть крупного финансового капитала и монополий, где царили биржевая спекуляция, жестокая конкуренция, хищничество, беспринципность и не осталось места милой сердцу Ивана Федоровича патриархальной простоте.

Изучение судебных разбирательств, связанных с имущественными или коммерческими претензиями среди красноярских купцов, дает массу примеров, свидетельствующих о пренебрежении к нормам сословной морали в купеческой среде и даже между членами купеческих семей⁵⁸. Большой общественный резонанс в городе получила судебная тяжба между членами семьи Гадаловых. Один из братьев, И.Г. Гадалов, отказал остальным родственникам в выделении их наследственной доли после смерти отца.

Подлоги, получение денег по чужим документам, обман компаньонов, перерасход компанийских сумм и т. д. были обычным явлением в предпринимательской среде, и енисейские предприниматели не были исключением в этом отношении. Не случайно видный сибирский экономист, профессор Томского университета М. Боголепов, хорошо знавший подноготную историю формирования крупного капитала Сибири, писал, что она представляет тонкую «грань между уголовным преступлением и коммерческой сделкой»⁵⁹. Положение усугублялось еще и очень низким

культурно-образовательным уровнем нарождавшейся буржуазии. Даже среди представителей второго поколения гильдейских купцов, не говоря уже о первом, высшее образование было редкостью. Отсюда правовой нигилизм, пренебрежение в вопросах деловой этики, косность, проявлявшаяся в нежелании применять новые формы организации бизнеса, криминальная смычка с чиновничеством, индифферентность к достижениям научно-технического прогресса. Ведь не случайно большая часть местного купечества, когда на рубеже XIX – XX вв. в Сибирь стал проникать крупный отечественный и иностранный капитал, оказалась неспособной конкурировать с ним и предпочла отказать от самостоятельного ведения бизнеса, передать свои акции, пополнив ряды рантье.

Однако нарождавшийся новый класс в Сибири не чуждался и более широких, чем только личное обогащение, целей. По мере того как крепло экономическое влияние сибирских предпринимателей, они теснее интегрировались в ряды российской буржуазии, в их среде начинает формироваться понимание общенациональных задач, стоявших перед российским капиталом, осознававшееся как ответственность буржуазии за обеспечение экономического и культурного процветания отечества.

Особенно заметно эти новые подвижки в общественном сознании сибирской буржуазии проявились в ее отношении к образованию. Скучные бюджетные ассигнования, которые правительство тратило на поддержку учебных заведений в далекой сибирской окраине, не отвечали задачам поступательного развития края. Недостаток инженерно-технических кадров, квалифицированных рабочих особенно остро начинает ощущаться с началом технической модернизации и переходом к крупному промышленному производству, поэтому активная поддержка сибирскими предпринимателями народного образования приобретает

большую общественную значимость. Так, именно благодаря щедрым пожертвованиям Гадаловых, Кузнецовых, Т.И. Щеголевой, Г.В. Юдина, И.Н. Некрасова в Красноярске были открыты мужская и женская гимназии. В общей сложности на их строительство и содержание они внесли около 104 тыс. руб. Только А.Ф. Кузнецова лично внесла на постройку женской гимназии, почетной попечительницей которой она являлась, свыше 30 тыс. руб.⁶⁰

Когда в 1886 г. усилиями Красноярского общества врачей в городе была открыта женская фельдшерская школа, ставшая первым учебным заведением в Сибири для подготовки женских медицинских кадров, то это начинание было поддержано предпринимателями А.П. Кузнецовым, Н.К. Переpletчиковым, В.А. Даниловым, И.А. Матвеевым. При этом они не только оказывали материальную помощь в обеспечении учебно-методическим материалом, содержании помещения, но и заботились о трудоустройстве выпускниц школы.

При непосредственном участии А.П. Кузнецова, Н.К. Переpletчикова, Н.А. Шепетковского, И.А. Матвеева в Красноярске в 1884 г. было открыто Общество попечения о начальном образовании, сыгравшее исключительную роль в организации народного образования, взяв на себя финансирование пяти учебных заведений в городе. Большую часть денежных средств Общества (85,8 %) составляли частные пожертвования. Членами Общества являлись купцы Н.Г. Гадалов, В.А. Данилов, А. Саввиных. Оно не только содействовало созданию учебных заведений и помощи учащимся, но, что не менее важно, развивало в обществе начала гражданской самодеятельности и инициативы.

На стипендии, финансировавшиеся В.А. Даниловым, Кузнецовыми, И.Н. Некрасовым, обучались десятки сибиряков в университетах Петербурга, Москвы, Казани, Томска и даже за границей.

Объектом благотворительной помощи красноярских предпринимателей становятся и учреждения культуры: библиотеки, музеи. Громадную поддержку в создании красноярского музея оказали супруги И.А. и Ю. П. Матвеевы. Долгое время музейные экспозиции и фонды размещались в доме Матвеевых, они фактически финансировали его работу до того момента, когда городская дума в 1895 г. взяла его на свое содержание. Матвеевы, будучи сами страстными коллекционерами, знатоками живописи, передали в дар музею уникальную коллекцию картин, в составе которой была картина В.И. Сурикова «Милосердный самаритянин», акварельные пейзажи английского художника Аткинсона, написанные им во время путешествия в 1850-е гг. по Сибири. При музее была открыта общественная библиотека, в создании фондов которой приняли активное участие Е.П. Кузнецов, Н.К. Переплетчиков, В.А. Данилов.

Традиционной сферой благотворительности купечества были пожертвования на постройку церквей и содержание приютов. Особенно ярко в этой сфере себя проявил И.Г. Щеголев. На его пожертвования в 1866 г. был достроен кафедральный Рождественский собор, переустроена и украшена Покровская церковь, содержался приют для престарелых. После смерти купца его дело продолжила жена, Т.Г. Щеголева. Пожертвования щедрой купчихи на открытие и содержание ремесленного училища, названного ее именем, помощь красноярцам, пострадавшим от пожара 1881 г., взносы на содержание городских храмов, бесплатную городскую больницу и прочие общественные нужды составили в общей сложности около 300 тыс. руб.

Однако следует помнить, что купеческая благотворительность и меценатство имели противоречивую мотивацию. Кроме искреннего стремления помочь ближнему, глубокой религиозности, приверженности к своеобразному

сословному кодексу чести, согласно которому благотворительность воспринималась как моральный долг перед обществом, к которому обязывало богатство и высокое общественное положение, была еще и другая сторона. Чины, награды, общественная признательность, получаемые за свои благодеяния, открывали широкие возможности для получения от власти выгодных заказов, подрядов, льготных кредитов, всевозможных преференций в предпринимательской деятельности. Благотворительность давала пропуск для занятия должностей в органах местного самоуправления, а это уже прямой доступ к распоряжению местной казной в своих интересах. Вот поэтому известный общественный деятель Сибири Н.М. Ядринцев все эти демонстративные благотворительные жесты метко называл «играми в филантропию». И в обществе вся закулисная сторона щедрых пожертвований хорошо была известна.

Так, широкий резонанс получил скандал, разгоревшийся вокруг строительства здания для женской гимназии Красноярска. Попечительским советом гимназии в 1880 г. были собраны деньги и образован строительный комитет, которому были переданы полномочия по закупке строительных материалов и найму подрядчиков. Членами комитета были избраны: городской голова купец П.Я. Прейн, известные в городе купцы Н.Г. Гадалов и Е.Г. Гарин. Но комитет при попустительстве Прейна заключил новый договор с подрядчиком, который более чем в два раза завысил первоначальную смету строительства. Когда провели ревизию, то обнаружили, что часть строительных материалов была разворована, кирпич для строительства гимназии был закуплен по сильно завышенной цене и очень плохого качества на фабрике, хозяином которой являлся член городской управы купец И.И. Синявин. Поскольку дело приобрело уголовный характер, то было возбуждено полицейское расследование. Однако по распоряжению генерал-

губернатора Восточной Сибири оно вскоре было прекращено под обязательство Прейна исправить положение. Прейн пошел на сделку с одним из виноторговцев, который за право торговли вином в Красноярске «пожертвовал» на строительство гимназии 40 тыс. рублей⁶¹.

Строительство возобновилось, на этот раз руководство им было поручено кандидату на должность городского головы Плотникову. Но вскоре выяснилось, что расходы вновь превысили смету, и Плотников, опасаясь разоблачения своих махинаций, в начале августа 1884 г., не сдав своих полномочий, внезапно скрылся из Красноярска, оставшись должным разным кредиторам большую сумму денег. Лишь к 1885 г. строительство здания было завершено, благодаря дополнительным вливаниям из городского бюджета.

Забавный пример приводит Парфентьев, когда во времена губернатора Замятина два богатых красноярских купца Савельев и Шипилин по пьяному делу учинили дебош, «выворотили калитку у дома какого-то семейного немца и, насильно вторгнувшись в двери комнат спавшего немца, потребовали его жену». «Видя такое насилие, обиженный, выбив окно, закричал “Караул!”». С гауптвахты, находившейся близ Покровской церкви, отряжено было несколько солдат, но и те, получив сильные удары, с бунтующими ничего не могли сделать, оставалось только вязать; но по счастью, проезжавший ночью полиц(мейстер) Столбовский, услышав скандал, и как хорошо им знакомый, успел уговорить их, сказав, что они не в тот дом заехали, куда им было нужно, а здесь де живет почтенное семейство, лично известное губ(ернато)ру»⁶². Так, на следующее утро губернатор приказал Савельеву явиться к себе и «дал ему такой нагоняй, которого он от роду не слыхивал». И Савельев, чтобы загладить свою вину, пожертвовал на приют в Красноярске 5 тыс. рублей. Вот такой

была «высокая социальная ответственность представителей крупного капитала», как пишут сегодня некоторые историки, восхищаясь купеческой благотворительностью в «России, которую мы потеряли».

Известны также случаи, когда «благотворители» под видом пожертвований сбывали некачественный товар или использовали свое членство во всяких благотворительных и попечительских комитетах для того, чтобы проворачивать свои дела. Так, Н.Г. Гадалов, являясь членом комитета по строительству женской гимназии, согласился пожертвовать на это дело 1 тыс. рублей товаром из своего магазина – табаком. Но когда член городской управы Н.К. Переплетчиков явился к Гадалову за товаром, то обнаружилось, что табак гнилой. В результате Переплетчикову пришлось внести недостающие деньги от себя лично. Гадалов, кроме того, как сообщала «Сибирская газета», потребовал с гимназии вернуть ему 300 рублей, пожертвованные на покупку строительных материалов, и 30 руб., которые он презентовал на конфеты для благотворительного бала. При этом автор заметки не без ехидства замечал, что, по слухам, Гадалов собирается проводить у себя электричество, так это – напрасные хлопоты. Ведь «подобные люди лучше чувствуют себя в темноте, так удобнее обдeldывать делишки»⁶³.

Таким образом, атмосфера казенного лицемерия, создававшаяся вокруг громких благотворительных кампаний, мало кого могла обмануть. Может быть поэтому в общественном сознании искренность отцов-благодетелей не вызывала особого доверия. В публицистике и литературе того времени их не называли иначе как «аршинники», «колу-паевы», «разуваевы», «Тит Титычи» и пр.

В исторической перспективе российская буржуазия как класс оказалась не в состоянии подняться над узкокорыстными групповыми интересами, созреть до понимания гражданской ответственности, приоритета общенационально-

го единства и необходимости социального консенсуса. Особенно ярко это проявилось в годы Первой мировой войны. Местные предприниматели стали сплошь и рядом увольнять рабочих, переходя к использованию фактически дарового труда военнопленных. В этих условиях рабочие стали переходить к практике заключения коллективных договоров с предпринимателями, которые должны были гарантировать им занятость и определенные условия труда и зарплаты. Однако буржуазия вероломно нарушала эти договоры, рассматривая их лишь как способ выиграть время. Так было в случае с красноярским «конфетным фабрикантом» Радайкиным. Весной 1917 г. он в результате забастовки рабочих вынужден был пойти на подписание коллективного договора, который предусматривал введение восьмичасового рабочего дня, увеличение заработной платы всем категориям работников, право на забастовку, обязательство не сокращать производство без причин, а в случае такового – выплатить рабочим компенсацию⁶⁴. Однако уже в августе он заявил о закрытии одного из цехов. Причиной было объявлено отсутствие сырья – сахара, но рабочими было установлено, что в Обществе взаимного кредита у Радайкина было заложено 4 вагона сахара. Заподозрив, что их хотят просто уволить под надуманным предлогом, рабочие обратились в совет. Исполком пригрозил фабриканту арестом сырья, но тот отказался выполнить требования. Рабочие объявили забастовку, но и это не подействовало на Радайкина, тот их уволил и нанял новых рабочих, не состоявших в профсоюзе. Тогда губисполком решил наложить секвестр на сахар, продать его и возместить компенсацию рабочим⁶⁵.

Некоторые предприниматели сначала шли на заключение коллективных договоров, но потом под всякими предлогами их расторгали. Так, хозяин кожевенного завода в Красноярске К. Касимовцев в июле 1917 г. заявил о рас-

торжении коллективного договора, который он якобы подписал «не добровольно, а под влиянием силы и угроз». Однако реальной причиной отказа соблюдать коллективный договор было то, что его условия не позволяли предпринимателю свободно распоряжаться прибылью.

Большая часть сибирской буржуазии, привыкнув к тому, что закон не обязывал ее гарантировать рабочим их социальные права, оказалась не способна вести свое дело так, чтобы обеспечить эффективность производства в новых условиях. Заводчики терпели убытки, но всю вину возлагали на рабочих, которые якобы выдвигали «безответственные требования». Буржуазия, особенно в отраслях, связанных с ВПК, получала огромные прибыли (160–200 %), позволявшие ей выводить капитал в иностранные банки, проценты с которого компенсировали ей сокращение производства. Поэтому предприниматели вместо того, чтобы развивать производство, шли на искусственное банкротство и закрытие предприятий. Это больше всего ударило по трудовым слоям населения и делало позиции рабочих и буржуазии непримиримыми, закономерно подводя рабочих к требованиям национализации промышленности.

Таким образом, буржуазия как класс оказалась неспособной к социальной ответственности. Щедро жертвуя на храмы, она забывала главную заповедь христианства: «Кому многое дано, с того многое спросится». В результате возможность реформаторской альтернативы в рамках существующей политической системы уже к лету 1917 г. была исчерпана, что и предопределило разрыв сибирских советов с органами Временного правительства и стремление к установлению своей монопольной власти.

Очевидно, что «капитализм с человеческим лицом», о котором так мечтала либеральная интеллигенция, оказался в России еще большей утопией, чем установление революционно-демократической диктатуры советов.

На противоположном полюсе формировавшейся социально-классовой структуры сибирского общества был класс наемных рабочих. Динамика их численности находилась в прямом соответствии с темпами развития крупной промышленности, отражая противоречивые тенденции этого сложного процесса. Так, в 1860–1870-х гг. ведущую роль в экономике губернии играла золотопромышленность, поэтому на долю приисковых рабочих приходилось 90–95 % от всего контингента наемных рабочих. Но по мере возрастания в промышленной структуре отраслей обрабатывающей промышленности, с одной стороны, и кризиса в золотопромышленности – с другой, соотношение начинает меняться. Численность рабочих в отраслях обрабатывающей промышленности возрастает в 2,5 раза, тогда как доля приисковых рабочих сокращается в 2 раза. Но и к концу 1890-х гг. в общей массе промышленных рабочих они составляли весьма значительную долю – 79,5 %. В результате мы получаем отрицательные показатели в динамике численности всех рабочих в губернской промышленности. Так, в 1864 г. общая численность рабочих в губернии, включая и приисковых, составляла 19 170 человек, а в 1897 г. – 11 532 (табл. 22).

Формирование состава промышленных рабочих происходило по разным каналам. К моменту отмены крепостного права из 883 занятых на промышленных предприятиях губернии рабочих 495 являлись бывшими крепостными, приписанными к Троицкому солеваренному заводу, и каторжными. После отмены они были переведены на трехлетний оброк с последующим освобождением.

Численность наемных рабочих

Год	Число работающих в обрабатывающей промышленности	Число работающих в золотопромышленности	Всего
1864	955	18 215	19 170
1870	1 915	16 429	18 344
1875	1 834	12 268	14 102
1880	1 666	12 049	13 715
1885	1 979	12 449	14 428
1890	1 706	10 561	12 267
1897	2 364	9 168	11 532

Источники: Статистический обзор Енисейской губернии за 1878, 1880, 1881, 1883–1895. Красноярск, 1879–1896; Памятная книжка Енисейской губернии. 1888–1896. Красноярск, 1889–1897.

Специфическим источником формирования пролетариата в Сибири был ссыльный элемент. Ссыльнопоселенцы еще в дореформенный период составляли главный источник пополнения наемных рабочих, особенно в золотопромышленности. В.И. Семевский, исследовавший положение золотопромышленных рабочих в Енисейской губернии, писал: «Частные предприниматели имели под рукой готовый контингент рабочих пролетариев в виде ссыльнопоселенцев. В 1847 г. на приисках Енисейской губернии их было 68 %, в 1850 г. – 53 %; со своей стороны золотопромышленники сплошь и рядом предпочитали поселенцев как более сговорчивых рабочих людям полноправным»⁶⁶.

В пореформенный период ссыльнопоселенцы еще продолжали оставаться важным источником формирования кадров рабочих, но их значение начинает неуклонно падать. Место рабочего из ссыльнопоселенцев теперь зани-

мает крестьянин из переселенцев, для которого работа по найму становится необходимым источником для пополнения семейного бюджета. Конечно, крестьяне-отходники из переселенцев могли обеспечить потребность только в сезонных рабочих. На мануфактурной стадии промышленности, для которой еще были характерны цикличность производства и преобладание ручного труда, не требовавшего высокой квалификации, отходничество вполне удовлетворяло спрос на рабочую силу. Однако по мере перехода к машинной технике, которую уже не могли обслуживать крестьяне-отходники, в промышленности возрастает потребность в постоянных квалифицированных рабочих.

Возрастание спроса на квалифицированную рабочую силу способствовало увеличению притока рабочих из Европейской России. Эта тенденция проявилась во время строительства железной дороги. Среди рабочих, занятых на ее строительстве, было немало выходцев из Прибалтики, южных и центральных губерний России. Примечательно, что и впоследствии именно среди железнодорожников сохраняется высокий удельный вес мигрантов. Так, среди рабочих Красноярских железнодорожных мастерских он составлял в 1902 г. 80 %. В целом, доля пришлых рабочих в Енисейской губернии на 1897 г. составила 72,7 %. Однако надо отметить, что эта тенденция была характерна прежде всего для новых отраслей промышленного производства. На старых предприятиях – в металлургии, винокурении, стекольных и мукомольных заводах – были заняты в основном местные рабочие. В этих отраслях за пореформенное время успел сложиться контингент потомственных рабочих. Например, на Абаканском металлургическом заводе костяк рабочих составляли мастеровые, приглашенные сюда еще в 1867 г. с уральских заводов. На винокуренном заводе Г.В. Юдина больше половины рабочих имели стаж более 20 лет, и многие из них работали целыми

семьями: аппаратчик Антонов, мельники братья Базаевы, братья Потехины⁶⁷.

Характерной чертой социального облика российского рабочего была его тесная связь с землей. Это в еще большей мере было присуще сибирским рабочим. Даже в городах у рабочих, как правило, было свое хозяйство хотя бы в виде небольшого приусадебного надела или огорода. В меньшей степени это было присуще приисковым рабочим. Однако если учитывать, что в 1880–1890-е гг. среди них возрастает удельный вес крестьян-отходников, то следует признать, что в Сибири процесс отделения рабочих от земли шел с большим отставанием от аналогичных тенденций в центре страны.

Общее отставание от общероссийских темпов капиталистической эволюции во многом определяло положение формирующегося сибирского пролетариата. На предприятиях сибирской промышленности нередко встречались следы крепостной эпохи, проявлявшиеся в кабальных формах эксплуатации. В наибольшей степени они концентрировались в золотопромышленности. Публицист А.А. Уманский, хорошо знакомый с жизнью приисковых рабочих, утверждал, что «власть приискового хозяина на рабочего далеко значительнее обычной чисто экономической власти»⁶⁸. Она простиралась и на личность рабочего, чему во многом способствовало архаичное законодательство, санкционировавшее произвол предпринимателя по отношению к рабочим. Ярким выражением предпринимательского произвола являлись контракты-договоры об условиях найма. Исследование контрактов между рабочими и золотопромышленниками Енисейской губернии, принятое в конце 1880-х гг. известным народническим публицистом и ученым Д.А. Клеменцем, показало, что условия значительной их части противоречили нормам гражданского права. Так, например, в них содержались пункты,

разрешавшие хозяину в случае задолженности рабочего задерживать его на приисках сверх времени, оговоренного в контрактах; налагать арест и продавать имущество рабочего с молотка; выплачивать долги крестьян-отходников, работавших на приисках, по казенным податям; передавать рабочего другому предпринимателю без перезаключения договора о найме; наказывать рабочего за провинности без судебного расследования⁶⁹.

В контрактах ущемлялись не только правовые, но и экономические интересы рабочего. В определении норм и расценок работ царил полный произвол, который позволял предпринимателю перекладывать все издержки производства на рабочих путем предельной интенсификации труда и непомерно высоких штрафов.

Рабочий день на приисках в Енисейской тайге начинался в 5 часов утра и продолжался до 8 часов вечера с двухчасовым перерывом. Ежемесячно рабочий получал один выходной день, а также мог отдыхать в дни религиозных праздников, дни, пропущенные по болезни, не оплачивались. Средний заработок за сезон, продолжавшийся с апреля по октябрь, составлял 140–160 руб., это было несколько выше, чем зарплата рабочих в европейской части страны, но большая часть заработка проходила мимо рук рабочего. Большие потери рабочий нес за счет высоких задатков, составлявших от 20 до 80 %, вычетов по штрафам, за покупку продуктов, одежды в приисковой лавке, доходивших от 30 до 40 руб. В итоге к выдаче на руки, в лучшем случае, оставалась 1/4 часть зарплаты, в худшем – рабочий оставался должником и вынужден был наниматься вновь к хозяину, но уже на худших условиях. Закон не мог защитить рабочего, единственное, что ему оставалось в утешение, – кабак и песня:

Много денег нам сулили,
Только мало получили.

Вычет одолел.
Давай выпьем на остаток,
Да опять возьмем задаток,
И айда в тайгу.

Мало чем отличалось положение рабочих, занятых в других отраслях промышленности. Например, на строительстве железной дороги работы велись в тяжелейших условиях: под открытым небом, в дождь, жару, мороз. Изнурительный и небезопасный труд, обмеры и обсчеты со стороны подрядчиков, всякого рода хитрости, вроде тайных договоров с некоторыми из рабочих, которые должны были «ударно» трудиться, чтобы на основании их результатов устанавливать завышенные нормы выработки. Условия жизни были нечеловеческими: неотапливаемые бараки и землянки, скудная и некачественная пища.

Даже в отраслях, где использовался труд квалифицированных рабочих, их положение было не намного лучше. Настоящим бичом были частые задержки зарплаты по несколько месяцев или выплата продукцией завода. Так, например, на Абаканском железоделательном заводе в течение многих лет постоянно задерживалась зарплата, на 1876 г. долг рабочим составил 35 164 руб.⁷⁰ Администрация завода в поисках выхода проявляла завидную предприимчивость. Например, деньги давали частями. Рабочие, получив их, тратили в заводских лавках и кабаке, выручка от которых шла на погашение оставшегося долга. Практиковалась также выдача зарплаты продукцией завода. Но при этом она, как правило, выдавалась железным ломом, который на рынке шел за бесценнок, поэтому рабочие теряли в заработках в 2 раза.⁷¹

Однако, несмотря на крайне бедственное положение рабочих, сколько-нибудь значительных протестных выступлений не наблюдалось. Хотя и отмечались отдельные вспышки недовольства среди приисковых рабочих, а также

заняты на строительстве железной дороги, но они носили локальный, стихийный характер, в ходе их не выдвигалось достаточно четких требований. Гнев рабочих проявлялся в безотчетных разрушительных действиях, направленных против отдельных представителей приисковой или заводской администрации, или выливался в необузданный пьяный разгул, жертвами которого становились мелкие служащие, лавочники, случайные люди, а нередко и сами рабочие. Эти явления часто сопровождали выход рабочих с приисков после окончания сезона работ и доставляли немало хлопот приисковой администрации и окружным полицейским властям.

Но по мере изменения социального состава пролетариата, повышения доли кадровых квалифицированных рабочих выступления их приобретают более зрелые формы. Так, в 1888 г. во время стачки на Абаканском железодельном заводе была создана «Артель мастеровых и рабочих», которая обратилась к властям с ходатайством о передаче управления в руки рабочих. Артель возглавил рабочий из казаков А.М. Макаров, впоследствии смененный А. Вьюковым. Все вопросы внутризаводской жизни решались на общем собрании, а для управления текущими делами были выбраны староста и казначей. За аренду завода артель платила в казну, часть прибыли отчислялась на развитие производства. Артель просуществовала 12 лет, обеспечивая стабильную работу предприятия.

Заметным событием в рабочем движении стала забастовка рабочих на Троицком прииске в Минусинском округе в 1890 г. Для подавления рабочих была вызвана военная команда. Участники стачки были привлечены к суду, который приговорил 108 из них к наказанию плетьюми, а зачинщиков к 15 годам каторжных работ.

В целом, рабочее движение в губернии в пореформенный период по своим масштабам и степени организован-

ности отставало от массовых выступлений их собратьев по классу в центре России. Однако положение заметно меняется в начале XX в. Рост промышленности вел к увеличению численности наемных рабочих, а подъем политической активности в центре страны накануне Первой русской революции резонировал и на окраины. Рабочее движение в этот период существенно отличается от предыдущего тем, что в него вносятся элементы политической борьбы. Фактором политизации рабочего движения становится политическая ссылка. Именно под влиянием местной интеллигенции и политических ссыльных в рабочую среду проникают идеи марксизма. В 1898 г. в Красноярске создается социал-демократический кружок среди рабочих железнодорожных мастерских. Его основатель – служащий Красноярского участка службы пути Сибирской железной дороги – Л.Н. Скорняков не раз встречался с сосланным в Шушенское В.И. Лениным, неоднократно бывавшим в Красноярске.

Рабочие железной дороги становятся в это время ударным отрядом стачечного движения. В начале XX в. их численность превысила 2 000 человек. Кадры квалифицированных рабочих мастерских и депо – слесари, токари, литейщики, котельщики – формировались в основном из рабочих Европейской России. Обслуживающий персонал – путевые сторожа, обходчики, кондукторы, истопщики, сцепщики – формировались преимущественно из местных крестьян-отходников.

Именно железнодорожные рабочие становятся главной движущей силой стачечного движения. Первая стачка в Красноярске была отмечена 11 мая 1900 г. в железнодорожных мастерских. Ее опыт не прошел бесследно, и следующая стачка 13 сентября 1902 г. привела к победе рабочих. Полторы тысячи рабочих мастерских устроили улич-

ную демонстрацию, требуя своевременной выдачи заработной платы. Требование было удовлетворено.

1–6 октября 1902 г. при активном участии Красноярского комитета РСДРП прошла стачка железнодорожников, в которой наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и политические – требование политических свобод. В годы, предшествовавшие Первой русской революции, стачки рабочих железнодорожных мастерских и депо проходили не только в Красноярске, но и во всех уездных городах, расположенных по железнодорожной магистрали. Не случайно поэтому Енисейская губерния в 1905–1907 гг. становится эпицентром революционных событий в Сибири. 6 декабря 1905 г. в сборочном цехе железнодорожных мастерских состоялось общее собрание рабочих и солдат 2-го железнодорожного батальона, на котором было принято решение об образовании Объединенного совета депутатов от солдат и рабочих. В его состав вошли почти все члены Выборной комиссии (около 80 чел.) и комитета от солдат (40 человек). Реальной опорой власти Совета являлись рабочие дружины и перешедшие на сторону революции солдаты железнодорожного батальона. 10 декабря на заседании Выборной комиссии было решено переименовать ее в Совет рабочих депутатов Красноярска. В составе совета были образованы три комиссии: для наблюдения за движением воинских поездов, для координации с выборными депутатами от солдат и для заведования делами внутреннего распорядка во всех промышленных предприятиях города. Таким образом, совет окончательно конституировался в альтернативную губернской и городской властям новую форму народовластия, а время его существования с 6 декабря 1905 г. по 3 января 1906 г. вошло в историю как Красноярская республика.

Новая власть пользовалась большим доверием среди демократической части населения Красноярска, почувст-

вовавшей в ней реальную защиту от социальной несправедливости. По решению совета на предприятиях города был введен 8-часовой рабочий день, созданы народные суды, запрещена продажа водки, бесцельная стрельба на улицах города. В совете рабочие могли найти управу на своих хозяев, получить помощь в устройстве на работу, содействие в борьбе со спекулянтами и взяточниками.

Однако либеральная интеллигенция, купечество и чиновники смотрели на новую власть как на незаконную, и хотя вначале часть местных либералов согласилась сотрудничать с советом в организации перевыборов городской думы, но вскоре отказалась от этого, напуганная радикализмом социал-демократического руководства совета. Между тем губернской власти в конце декабря удалось добиться присылки в Красноярск воинских частей. 26–27 декабря они взяли под контроль центр города, оттеснив солдат железнодорожного батальона в железнодорожные мастерские, где они забаррикадировались вместе с рабочими.

28 декабря началась осада мастерских, продолжавшаяся до 3 января 1906 г. 800 солдат и рабочих семь дней держали осаду превосходящих сил противника, и только нехватка оружия и продовольствия заставила их сдаться властям. 479 участников восстания были отправлены в тюрьму, около 200 из них приговорены к разным срокам заключения.

За подавлением восстания в Красноярске последовали карательные экспедиции вдоль Сибирской железной дороги отрядов генералов Меллер-Закомельского и Ранненкампа, во время которых сотни жителей железнодорожных станций и окрестных деревень без суда и следствия были подвергнуты наказаниям. Особенно жестокой была расправа с рабочими станции Иланской, которую каратели называли в своих отчетах «вторым революционным очагом после Красноярска». Рабочих собрали в депо по распоря-

жению железнодорожной администрации, уведомившей их, что из Красноярска едет высшее железнодорожное начальство во главе с генералом Меллером-Закомельским для выяснения нужд рабочих Сибирской железной дороги. На встречу с начальством пришли и жены рабочих с детьми, ожидая решения своих самых насущных вопросов. Здесь были расстреляны 25 и ранены 70 рабочих, 150 – арестованы и отправлены в Канскую тюрьму. Расправа над невооруженными людьми всколыхнула общественность. Депутат 1-й Госдумы от Енисейской губернии Н.Ф. Николаевский в речи от имени земляков заявил, что «Меллер-Закомельский должен быть отдан под беспристрастный суд народа». По запросу депутатов Государственной думы было инициировано расследование событий, однако правительство не торопилось с этим. Характерной резолюцией Николая II по подобным делам было: «Жаль, что мало» (расстреляно народа – В.Ф.).

В первые годы после революции стачечное движение практически затухает. Успокоению отчасти способствовало то, что рабочее движение было направлено в русло профсоюзной и кооперативной деятельности, в которой главный упор делался на вопросы улучшения быта и культурно-просветительской работы. В 1913 г. в Красноярске образовалось потребительское кооперативное общество «Самодетельность», в составе которого к 1914 г. числилось 600 рабочих. В обществе имелось 4 лавки, библиотека, проходили чтения, благотворительные концерты. В сентябре 1915 г. состоялся съезд представителей потребительских организаций, принявший решение о создании торгово-промышленного товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии.

Новый подъем общественного движения, начавшийся под влиянием событий в 1912 г. на Ленских приисках, затронул и Енисейскую губернию. В знак солидарности

с жертвами Ленского расстрела на предприятиях и приисках проходили митинги, устраивался сбор средств в помощь пострадавшим. На фоне нараставшего недовольства войной и усиливавшегося социального напряжения в стране все явственнее стали проявляться признаки революционного кризиса.

2.3. Образование как фактор социальной мобильности населения

В дореформенный период образование не оказывало сколько-нибудь значимого влияния на социокультурную динамику, так как этому мешали многочисленные сословные барьеры, сдерживавшие доступ к нему широких слоев населения. Но даже среди представителей политической и культурной элиты, для которой образование было доступно без каких-либо ограничений, не отмечалось достаточно активной мотивации к качественной профессиональной подготовке как необходимому условию для успешной карьеры. В России в первой половине XIX в. даже среди чиновников высшего уровня университетское образование было большой редкостью. Так, в 1810 г. 81,8 % членов высшего государственного органа Российской империи – Государственного совета имели домашнее образование⁷². Это были чиновники высших рангов, среди которых не было ни одного человека ниже III-го класса Табели о рангах, прошедших по бюрократической лестнице, начиная с низких ступеней и до вершины. Домашнее образование давало знание только общеобразовательных дисциплин (чтение, письмо, русская грамматика, арифметика, русская словесность, история, география) и двух иностранных языков. В качественном отношении оно «значительно уступало систематическому курсу гимназии»⁷³. Таким образом,

если даже столичные чиновники высших рангов имели очень низкий образовательный статус, то что говорить о провинциальном чиновничестве.

Правительство только со времен Николая I стало систематически внедрять в практику бюрократической службы образовательный ценз как условие для успешного продвижения по чиновной лестнице. Тем не менее чиновничество по роду своей деятельности являлось едва ли не самым образованным сословием. Оно формировалось в основном из дворянства, занимавшего верхние ступени в служебной иерархии, на нижних находились выходцы из непривилегированных сословий. Для той же части дворянства, которая была свободна от военной и гражданской службы, качественное образование было мало востребовано. Поэтому среди мелкопоместных, всю свою жизнь, подобно гоголевской Коробочке, проживших в деревне, вплоть до XX в. встречались малограмотные или даже неграмотные.

Довольно высокий уровень грамотности был у духовенства, ибо еще с 1722 г. непременным условием церковной службы стало наличие специального духовного образования. По уровню образования духовенство даже превосходило дворянство, так как значительное число священнослужителей обучались в духовных семинариях и академиях, получая среднее и высшее образование. В 1835 г. 43 % священников имели специальное образование выше начального⁷⁴. Не случайно именно из духовенства в это время формировались педагогические кадры для учебных заведений не только духовных, но и светских.

Что касается городских сословий, то даже для представителей их верхней страты – гильдейского купечества образовательным потолком считалось уездное училище. Великий знаток быта русского купечества драматург А.Н. Островский писал, что «образование купечества счи-

талось не только лишним, но и неприличным и даже вольнодумством». «Мало того, богатые купцы считали свободу от науки своего сословия льготой, особым счастьем».⁷⁵ Трудовые массы города и деревни, в лучшем случае, владели элементарной грамотой. Но поскольку и в промышленности, и в сельском хозяйстве преобладали ручной труд и крайне примитивные технологии, не требовавшие специальных профессиональных знаний и постоянного их углубления, то очень быстро полученные навыки чтения и письма утрачивались. Так, в ходе специальных исследований было установлено, что уже через 3–4 года после окончания начальной школы, полученные знания и навыки забывались. Например, 8,3 % разучились читать или читали механически, не понимая содержания, 7,1 % не могли поставить свою подпись, 15,2 % забывали арифметические действия.⁷⁶

Таким образом, на этом этапе общественного развития образование не являлось действенным фактором социальной мобильности. Карьера дворянина и чиновника в большей степени зависела не от профессиональных знаний, а от сословной принадлежности (дворянство имело привилегии в продвижении по государственной службе), протекции знатных и влиятельных покровителей. Успехи в торгово-промышленной сфере зависели от размеров наличного капитала и предприимчивости, которая определялась не столько экономическими познаниями, сколько ловкостью, энергичностью, умением использовать личные и корпоративные связи. Соответственно и мотивация к получению качественного образования как для социально-профессионального самоутверждения, так и развития творческих способностей личности была ограничена.

Либеральные реформы 1860–1870 гг., ставшие поворотным рубежом, от которого началось движение российского общества к индустриальной стадии, резко изменили

место и роль образования, как в социальной политике государства, так и в сознании общества. В новое время уровень требований к профессиональной подготовке даже рядовых участников общественного производства и управления неизмеримо возрастает. Теперь профессиональные знания и личные качества человека становятся важнее, чем его принадлежность к какой-либо сословной корпорации, а система образования превращается в реальный социальный лифт, движущийся с самого низа общества до самых его верхов. Это значительно ускорило процессы социальной модернизации, старые сословия постепенно сходят с исторической сцены, их место занимают новые классы и социальные группы.

Естественно, что эти процессы затронули и сибирскую провинцию, но отличались от общероссийских по своим масштабам и темпам. Сеть общеобразовательных заведений в Сибири существенно уступала по охвату населения. Даже в губернских городах численность начальных школ не обеспечивала потребностей. Сеть средних школ в начале пореформенного периода не охватывала Сибирский регион полностью. Первый университет в Сибири появился только в 1888 г. и вплоть до начала XX в. оставался единственным учреждением высшего образования. В Енисейской же губернии охват населения школьными учреждениями был ниже, чем в соседних. Так, если в Иркутской губернии процент учащихся ко всему населению в 1890-е гг. составлял 1,4 %, то в Енисейской губернии – 0,9 %⁷⁷. Кроме того, система образования в регионе вплоть до 1917 г. так и не получила своего законченного вида, так как в ней отсутствовала ее высшая ступень.

Отставание Енисейской губернии от других регионов Сибири начинает преодолеваться только в конце XIX в. После проведения Транссибирской железнодорожной магистрали экономика края постепенно начинает приобре-

тать индустриальные черты. Самыми передовыми в технологическом отношении становятся такие сегменты экономики, как золотопромышленность и транспорт. В золотопромышленности в это время бурными темпами осуществляется переход к дражной добыче золота, а это заметно повышает потребность в квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадрах. С конца XIX в. увеличивается приток переселенцев, идет освоение новых земель, что стимулирует расширение внутреннего рынка и развитие торговли.

Все это способствовало ускорению социальной мобильности населения. И мощным ее каналом становится образование. Для выходцев из низов оно открывало дорогу к получению более высокого социально-профессионального и материального статуса, для представителей верхов давало возможность вырваться из привычного жизненного уклада, попробовать свои силы в новой социальной и культурной роли. Поэтому общий уровень грамотности населения губернии к началу XX в. растет. По данным Первой всероссийской переписи 1897 г., он составил 22,1 % у мужчин и 7,6 % у женщин.⁷⁸ При этом наблюдался большой разрыв в грамотности городского населения (52 % у мужчин и 30,6 % у женщин) и сельского (18,2 и 4,7 % соответственно). В целом общая грамотность по губернии составила 13,6 %, по городам – 39 %.⁷⁹ В 1912 г. грамотность населения губернии, не считая детей до 9 лет, выросла до 17 %.⁸⁰

При анализе грамотности по возрастным группам выявляется такая особенность, что грамотность возрастной группы от 10 до 19 лет, т.е. той, из которой формируется основной контингент обучающихся в школах, была ниже, чем в группах старшего возраста. Так, процент грамотных в возрасте от 10 до 19 лет по губернии составлял: у мужчин 25,2 %, женщин – 13,2 %. В группах от 20 до 29 лет и

от 30 до 39 лет он был соответственно: 29,5 и 10,3 %; 29,8 и 7,7 %.⁸¹ Тогда как по Европейской России грамотность мальчиков в возрасте 12–15 лет составляла 58,9 % и наблюдалось уменьшение грамотности от младших к средним возрастным группам населения. Более высокая грамотность у людей среднего возраста по сравнению с молодежью в Енисейской губернии объясняется тем, что среди первой была самая высокая доля мужчин-переселенцев из европейской части России, где доступность школьного образования была выше, чем в Сибири.

На уровень грамотности влиял социальный статус. Так, самый высокий процент грамотности приходился на дворян и чиновников – 74,3 %; у духовенства он составлял 71,2 %; самый низкий был у крестьян и казаков – 10,3 %.⁸² Однако качественный уровень образования даже у самых грамотных групп населения оставался низким. Так, среди дворянства только 8,12 % мужчин и 0,49 % женщин имели университетское образование⁸³. В специальных высших учебных заведениях обучались 2,78 % мужчин и 0,05 % женщин дворянского сословия.⁸⁴ Дворян, имевших высшее военное образование, было всего лишь 0,7 %. В целом среди дворянства и чиновников лица, имевшие высшее образование, составили 4,4 %. Дворяне, имевшие образование выше начального, – 34,4 %.⁸⁵

Дворяне и чиновники, имевшие высшее образование, занимали высшие должности в губернском аппарате и на военной службе. Как правило, большая часть из них была не местной. Они приезжали из европейской части страны, чтобы сделать быструю карьеру (в Сибири существовало льготное чиновничество), и не связывали свои личные перспективы с краем, за редким исключением оставаясь чуждыми тем интересам, которыми жило сибирское общество. Поэтому культурное влияние этой группы было минимальным.

**Численность жителей Енисейской губернии, окончивших средние
и высшие учебные заведения по сословиям**

Сословия	% грамотных	Университеты		Институты		След. средние уч. заведения		Средние уч. заведения		Высшие военные уч. заведения		Средние военные уч. заведения		Получившие образование выше начального	
		численность	%	численность	%	численность	%	численность	%	численность	%	численность	%	численность	%
Дворяне и чиновники	74,29	175	3,3	58	1,1	170	3,27	1270	24,4	7	0,13	115	2,2	1795	34,4
Духовенство	71,16	11	0,5	-	-	23	1,1	709	33,8	-	-	-	-	743	35,4
Городские сословия	40,02	53	0,12	12	0,02	202	0,46	1824	4,22	2	0,0	38	0,08	2131	4,9
Крестьяне и казаки	10,28	40	0,00	7	0,00	83	0,02	579	0,14	-	-	22	0,00	731	0,16
Прочие сословия	12,8	26	1,3	9	0,49	100	5,6	374	24,7	1	0,01	35	1,5	595	33,6

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Енисейская губерния. Т. LXXIII. СПб., 1904. С.УШ, 28–35.

Среди духовенства высшее образование имела только верхушка клира, начиная от епископа, а также ректор и преподаватели Красноярской духовной семинарии, Красноярского женского епархиального училища. В целом в общей массе священнослужителей это была небольшая доля – 0,5 %. Подавляющая часть приходских священников заканчивали духовные семинарии – 35,4 %.⁸⁶

Надо заметить, что основная часть духовенства была прочно укоренена в местном обществе, за исключением, пожалуй, епископов, которые назначались Синодом. В итоге складывались семейные династии, представители которых из поколения в поколение обучались в местных духовных образовательных учреждениях, хранили и транслировали определенные профессиональные и культурные традиции.

Характерно, что дети священников не особенно активно стремились изменить свой сословно-культурный статус, их не часто можно было встретить в числе студентов светских высших и средних учебных заведений.

Наиболее образованная часть духовенства Енисейской губернии, осуществляя свою деятельность, смотрела на нее шире, чем просто исполнение пастырского долга, она видела в ней поле для более широкого общественного влияния. Многие священники активно участвовали в изучении истории края, сбережении уникальных памятников старины, занимались этнографическими исследованиями коренного населения. Они нередко состояли сотрудниками Красноярского подотдела Восточносибирского отдела ИРГО и губернского статистического комитета. Помогали в организации научных экспедиций, формировании коллекций местных музеев. Особенно велика роль протоиереев И.В. Фигуровского, Н.П. Асташевского, священников М.И. Сулова, Н.А. Путилова и Н.А. Орфеева, Ф. Катанова, П. Тыжнова в изучении истории церковных православ-

ных приходов, языка и религиозных верований коренного населения.

Научные изыскания лучших представителей енисейского духовенства по местной истории, этнографии, лингвистике проводились в целях решения насущных социально-культурных задач: просвещения коренных сибирских народов и защиты их от чрезмерной эксплуатации, общего улучшения системы образования русского крестьянского населения. В исследованиях они руководствовались не церковными догмами, а научной методологией. И хотя это не подрывало их религиозного мировоззрения, но вносило в него новые краски, ослабляя иррационально-схоластический элемент.

Занятия культурно-просветительской и научно-исследовательской деятельностью, не связанной с сословно-профессиональным статусом, становятся новой социальной и культурной потребностью для наиболее образованной части духовенства. Это ускорило размывание сословной замкнутости духовенства и способствовало более тесной его интеграции в пространство светской культуры.

В то же время довольно значительная часть приходских священников, имевших низкий образовательный статус, с настороженностью относились к новым культурным веяниям. Являясь преподавателями в ЦПШ, они выступали категорическими противниками включения в программу обучения каких-либо элементов научного знания. На этой почве нередко происходили их столкновения с учительской интеллигенцией, выступавшей за реформирование церковно-приходского образования, приближение его к потребностям современной жизни. Таким образом, уровень образования духовенства прямо коррелировал с его способностью к социокультурной динамике.

Заметно более низким был образовательный уровень городских сословий. Высшее образование среди них имели

0,15 %, выше начального – 4,9 %.⁸⁷ Правда, эти показатели не дифференцированы по отношению к различным сословиям, составлявшим основной контингент городского населения: купечеству, почетным гражданам, мещанам, разночинцам.

Самую массовую группу городского населения составляло мещанство. Подавляющая его часть была занята в сфере мелкой торговли и ремесленном производстве, где не требовалась высокая профессиональная квалификация. Поэтому эта часть не стремилась к получению образования выше начального и предпочитала общеобразовательной школе ремесленные и технические училища, которые давали практические знания и навыки, применимые в хозяйстве.

Однако в пореформенное время мещанство все более стремительно теряет свою социальную и культурную однородность, выделяя из своей среды как представителей крупного капитала, так и работавших по найму в самых разных профессиональных сферах: от занятых на службе в госаппарате, частных предприятиях, культурно-образовательных учреждениях до промышленных рабочих. Представителей этой части мещанства можно отнести к группе, обладавшей достаточно высокой социальной и культурной мобильностью. Среди них наблюдалась активная мотивация к получению качественного образования. Поэтому мы видим, что среди обучавшихся в гимназиях доля мещан самая высокая после дворян и чиновников. Особенно это было характерно для женских гимназий. Так, в Красноярской женской гимназии доля учениц из мещанского сословия выросла более чем за 20 лет (1885–1913) с 22,5 до 31,6 %⁸⁸. Аналогичная тенденция наблюдалась и в гимназиях других городов. Например, начальница Ачинской женской гимназии А.Е. Скороходова отмечала возмужавшее стремление к образованию среди девушек «из простой

среды». Как правило, они не только получали образование, но одновременно были вынуждены работать, чтобы оплачивать свое обучение и даже содержать родственников: «К великой чести таких девушек нужно сказать, что они заботятся не только о том, чтобы содержать своих братьев и сестер, но и стараются дать им образование, да и сами еще думают поучиться дальше. Несомненно, здесь велико и серьезное желание получить образование», – писала она.⁸⁹ Это было связано с тем, что гимназия давала девушкам из среднезажиточных и бедных слоев горожан возможность приобрести профессию учительницы, одну из немногих профессий, разрешенных для женщин, и не только самой содержать себя, но и помогать семье.

Насколько остро для городских сословий в начале XX в. встал вопрос о повышении своего образовательного ценза свидетельствует факт организации образовательных курсов для взрослых в Красноярске в 1915 году. Они были предназначены для тех, кто имел начальное образование, но желал бы повысить его, получив гимназический аттестат. Обучение велось по программе 8-классной мужской гимназии. Занятия проходили вечером, в нерабочее время. Курсы вели преподаватели Красноярской мужской гимназии. Плата была вполне демократичная – 12 рублей. Курсы сначала были рассчитаны на 150 человек, но к полной неожиданности организаторов записалось 300 человек и пришлось пойти на расширение набора. Среди записавшихся преобладали 2 возрастные группы: от 17 до 23 лет и от 21 до 31 года. В сословном отношении состав курсантов тоже показателен: дворян – 1,8 %; чиновников – 4,3 %; духовенства – 1,8 %; мещан – 31,4 %; крестьян – 60,7 %.⁹⁰

Гильдейское купечество составляло верхушку торгово-промышленной буржуазии. Оно занимало командные высоты в экономике губернии, присваивая львиную долю прибыли. Однако к концу пореформенного тридцатилетия

численность этой группы в Енисейской губернии уменьшилась в 2 раза, составив в 1897 г. 975 человек. Несмотря на то что представительство этого сословия в губернских гимназиях было невелико (2–6 %), учитывая, что в общей массе населения оно составляло не больше 0,5 %, эти цифры можно считать достаточно высоким показателем, свидетельствующим о довольно активной мотивации купцов к образованию. К тому же представительство детей купцов в гимназиях с конца XIX в. имело тенденцию к активному росту – более чем в 2 раза.

При изучении уровня образования у этого сословия выявляется следующая закономерность: если в первом поколении представители многих купеческих династий имели образование не выше начального, а некоторые и вообще его не имели, то уже во втором сыновья и дочери обгоняли своих родителей, получая дипломы не только столичных, но и европейских университетов. Дело в том, что основателями многих крупных купеческих династий в губернии являлись выходцы из социальных низов – мещан, крестьян. Даже те, кто был купцом не в первом поколении, образованием не блистали. Например, известный енисейский библиофил, обладатель уникальной библиотеки купец Г.В. Юдин происходил из купеческой семьи, в детстве получил домашнее образование и больше нигде не учился.

Признавая необходимость грамотности, большая часть купцов не видела особой пользы в обучении наукам, поскольку это не приносило практического результата. К тому же по домостроевским семейным традициям детям не полагалось быть образованнее отцов. К примеру, основатели крупных купеческих династий Гадаловых, Кузнецовых, Востротиных, Кытмановых, Саввиных, Щеголевых, Баландиных, Даниловых и др. имели в лучшем случае начальное образование. В большинстве же случаев дело ограничивалось обучением грамотности и письму случайны-

ми грамотеями: дьячками, отставными унтер-офицерами и солдатами, грамотными членами купеческих семей. Однако элементарной грамотности для них было вполне достаточно, чтобы вести дела. Они начинали свое дело, не имея ни унаследованных крупных капиталов, ни опыта, ни образования, и только благодаря своей деловой хватке, предприимчивости, энергичности за сравнительно короткое время поднимались на вершину богатства и общественного признания. Например, С.Г. Щеголев, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, был удостоен дворянского звания за заслуги в благотворительной деятельности. И.Г. Гадалов был возведен в звание потомственного почетного гражданина и чин статского советника; А.С. Баландин – потомственный почетный гражданин и коммерции советник. Но все они имели образование не выше начального. Таким образом, образование слабо влияло на социальную мобильность енисейских купцов в первом поколении.

Однако к концу XIX в. отношение к образованию в сознании купечества заметно изменилось. Это было связано с переходом к более сложным промышленным технологиям, новым формам организации капитала, которые требовали более широкого кругозора в технико-экономической сфере для успешного управления делом. Кроме того, сибирское купечество стало осознавать себя самостоятельной политической силой и стремилось использовать различные общественно-культурные институты и органы местной власти в своих интересах. Для этого нужно было изменить общественное сознание, которое было настроено не в пользу буржуазии, видя в ее представителях только «колупаевых», «разуваевых», «тит титьчей», «чумазых». Но общественное мнение формировала интеллигенция, поэтому надо было развернуть ее в свою сторону. И не только с помощью щедрых пожертвований на научные и куль-

турные нужды, но надо было ликвидировать ту громадную культурную пропасть, которая их разделяла. Поэтому отцы уже не отказывают своим сыновьям и дочерям, если те просят деньги на обучение в университетах каким-то очень далеким от купеческого дела наукам.

Начинает формироваться второе поколение купеческих династий, которое по своему социокультурному статусу если не окончательно разрывает связь с «купецкими интересами», то имеет к ним весьма отдаленное отношение. Например, купеческое семейство Крутовских. Основатель династии – М.А. Крутовский, купец и золотопромышленник, а вот оба его сына, Владимир и Всеволод, по стопам отца идти не захотели. Владимир, окончив Медико-хирургическую академию в Петербурге, чуть было не стал революционером-народовольцем, но спасла его от этого высылка в родной Красноярск. Здесь он целиком погружается в профессиональную деятельность окружного врача и общественные дела. Участвует в создании городского музея, Общества врачей Енисейской губернии, фельдшерской школы. Корреспондирует в сибирские газеты, занимается научно-исследовательской деятельностью, неоднократно избирается гласным в городскую думу. Вообще не было в Красноярске такого общественного события, в котором бы ни участвовал Крутовский, а вот от управления доставшимся в наследство золотыми приисками он отказался, хотя и получал с них годовой доход в 10 тыс. рублей, но не как хозяин, а как рантье. Революционные события 1917 г. вынесли Крутовского на вершину власти – он назначается комиссаром Временного правительства в Енисейской губернии, а в 1918 г. – министром внутренних дел Временного Сибирского правительства. Его младший брат Всеволод также был далек от предпринимательства. Учился на естественном факультете Санкт-Петербургского университета, но был исключен за политическую деятельность, из-за чего

ему даже пришлось эмигрировать в Англию. После возвращения в 1904 г. основал под Красноярском первый в Сибири сад крупноплодных сортов яблони. Всю последующую жизнь посвятил садоводству.

Так, купеческие сыновья по своим профессиональным занятиям и культурно-образовательному статусу вливались в новую социальную группу – интеллигенцию. Аналогичные превращения пережили выходцы из купеческого сословия: И.Т. Савенков, ставший видным педагогом и ученым-археологом, А.И. Кытманов, получивший ученую степень магистра за исследования в области почвоведения. Александр Игнатьевич стал основателем Енисейского музея, автором научных трудов по лекарственной флоре нижнего течения Енисея. Его дети, получив высшее образование, стали учеными, преподавателями, юристами, музыкантами. Его сестра, А.И. Кытманова, получила медицинское образование в Женеве, была тесно связана с революционными эмигрантскими кругами: П.Л. Лавровым, Г.В. Плехановым, В.И. Засулич. Вышла замуж за доктора химических наук Г. Барша, в Петербурге занималась образовательной деятельностью.

Яркий образец социокультурной трансформации, характерной для выходцев из купеческого сословия, представляет судьба Н.В. Латкина. Его отец, В.Н. Латкин, из коми-зырян, занимался торговой деятельностью сначала в Архангельской губернии, потом в Красноярске по свидетельству купца 2-й гильдии, но разорился. Николай Васильевич после разорения отца вынужден был, чтобы обеспечить себя, начинать с нуля. Со временем он стал хозяином ряда золотых приисков в Енисейском округе, членом крупной золотопромышленной компании, но от управления ее делами отошел, превратившись в рантье. Золотопромышленность его больше интересовала не как объект предпринимательской деятельности, а как объект

научного изучения. Он становится одним из первых исследователей истории золотопромышленности в Енисейской губернии. Попутно изучает недра, географию, речные пути Енисейского севера. Его труды печатаются в научных изданиях ИРГО. Надо заметить, что Латкин в юности окончил в Петербурге немецкое Петропавловское училище, дававшее серьезную общеобразовательную подготовку, и мечтал поступить в университет для занятия науками. Но только в зрелом возрасте он смог полностью отдаться своему увлечению.

Таким образом, Латкин фактически покидает свою словенную нишу и переходит в новую социокультурную среду. Он крупный ученый, сотрудник «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, общественный деятель. Его сын продолжил эстафету. Окончив юридический факультет Петербургского университета, занял кафедру истории русского права в училище правоведения. Публиковал научные статьи в юридических изданиях, был членом партии октябристов.

Наряду с той частью купечества, которая пережила полную социокультурную трансформацию, пополнив ряды местной интеллигенции, в недрах купеческого сословия формируется новая генерация, представители которой, получив качественное образование и приобщившись к ценностям высокой духовной культуры, продолжают дело отцов. Однако образование и наука для них – это не хобби для души, отдых от суровой действительности, а инструмент, необходимый для более эффективной организации капитала, грамотного использования природных и экономических ресурсов. Это давало им несомненный бонус в возраставшей конкуренции с крупным столичным и иностранным капиталом, который активно начинает проникать в это время в Сибирь.

Можно говорить о формировании нового буржуазного типа, соединявшего в своем лице старый купеческий капитал с интеллектом и культурой. Если их отцы и деды – это типы эпохи «дикого» капитализма, для которых получение прибыли было скорее неосознанным инстинктом, чем классовой целью, а поэтому только религиозная мораль и традиция удерживали их от разрушительных для социума действий, да и то не всегда. То новое поколение уже стремилось подвести под свою деятельность некий идеологический фундамент. Уже не инстинктивно, а вполне осознанно они ставят проблемы социальной и гражданской ответственности капитала. Строят жилье для рабочих, открывают больницы, школы, детсады, но не потому, что так велит им отцовская традиция купцов-благотворителей, а потому, что без решения социальных вопросов невозможно эффективно вести дело. И вполне логичным для этой части буржуазии становится вступление на путь политической борьбы за свои классовые интересы.

Наиболее наглядно этот социокультурный тип был воплощен в фигуре С.В. Востротина. Его дед – родоначальник династии – крепостной крестьянин Каслинского чугунолитейного завода на Урале. Переселившись после отмены крепостного права в Енисейскую губернию, он записался в мещанство. Его сыновьям удалось разбогатеть и стать гильдейскими купцами. Отец Степана Васильевича владел золотыми приисками и состоял вместе с братьями в семейной компании «Товарищество Востротиных». Сын, видимо, не планировал продолжать дело отца, а увлекся наукой. После окончания Енисейской прогимназии он поступил в Томскую гимназию. Получив среднее образование, поступает в Казанский ветеринарный институт, после окончания которого решает и дальше продолжать образование, поступив в Парижскую медицинскую школу. Он с энтузиазмом штудировал бактериологию, анатомию, антро-

пологию, изучает философию и иностранные языки, совершенно не задумываясь о хлебе насущном. Однако в 1889 г. судьба его делает крутой поворот, навсегда оторвав от любимой медицины. После смерти отца все заботы по управлению семейным капиталом легли на его плечи. Возглавив компанию «Товарищество братьев Востротиных», он на практике столкнулся с целым рядом ограничений, препятствовавших свободной деятельности частного капитала. Это логически привело Востротина в ряды буржуазно-либеральной оппозиции. В 1905 г. он вступает в партию кадетов, а в 1911 г. избирается в III Государственную думу по спискам кадетов вместо умершего В.А. Караулова. В 1912 г. он вторично избирается депутатом теперь уже в IV Госдуму.

Востротин относился к тем слоям либеральной буржуазии, которые были способны подняться до понимания общенациональных задач и социальной ответственности буржуазии, о чем свидетельствовала его активная гражданская позиция в вопросах общественной жизни. Он возглавлял несколько лет енисейское Общество попечения о начальном образовании. В 1895 г. был избран городским головой Енисейска. На его личные средства была построена лечебница для бедных, учреждено общество помощи бедным, построена ночлежка и открыта дешевая столовая. Его программа, с которой он баллотировался на выборах в Государственную думу, содержала пункты, направленные на расширение демократических свобод, введение земств в Сибири и всеобщего начального образования. В думских выступлениях Востротин подчеркивал неотложность проведения демократических реформ в Сибири, утверждая, что общество уже давно созрело, чтобы взять всю ответственность управления в свои руки. «Всюду здесь в населении имеется достаточно жизнедеятельных элементов, жаждущих работы на пользу своего края и своей родины», – заявлял он.⁹¹

За интересы населения Сибири он боролся не только с думской трибуны, но и в научных публикациях по вопросам социально-экономического и культурного развития Сибири, освоения Североморского пути. Позднее Востротин вошел в состав ЦК партии кадетов, после Февральской революции был назначен комиссаром по продовольственным вопросам, занимал пост товарища министра земледелия Временного правительства в первом коалиционном кабинете. В октябре 1917 г. вошел в состав Временного Совета Российской республики (Предпарламент). Участвовал в выборах в Учредительное собрание от Енисейской и Иркутской губерний.

Таким образом, Востротин благодаря широкому культурному кругозору смог выработать четкую гражданскую позицию, что помогло ему выдвинуться в ряды политической элиты общероссийского масштаба. Среди сибирской буржуазии это довольно редкий случай.

К новому социокультурному типу, который формируется на базе старого купечества, можно отнести и А.А. и В.А. Баландиных. Александр Алексеевич Баландин происходил из старинного купеческого рода. Его отец – А.С. Баландин, енисейский купец 1-й гильдии, один из основателей первой пароходной компании на Енисее, золотопромышленник, винозаводчик, потомственный почетный гражданин, неоднократно избирался городским головой Енисейска, был известен своей благотворительной деятельностью. Однако, являясь фактическим монополистом в торговле, он вел дела по старинке, не особо утруждая себя моральной рефлексией о праведности методов наживания капитала.

Сын его, окончив Петербургский университет со степенью кандидата естественных наук, вышел из купеческого сословия, получив статус титулярного советника и личного дворянина, однако отцовского дела не бросил, хотя и

очень был увлечен научными занятиями. Вернувшись в Енисейск и убедившись, что отцовские прииски большого дохода при старых методах эксплуатации не дают, он приступил к их технической реконструкции, а затем выгодно обернул это, продав за акции общества «Драга», которое давало самую высокую прибыль в золотопромышленности Енисейской губернии.

Еще в Петербурге он познакомился с Верой Арсентьевной, студенткой Высших женских курсов, дочерью минусинского купца 2-й гильдии А.С. Емельянова. В 1893 г. молодые обвенчались и уехали в Париж. Оба там продолжили свою учебу, Вера Арсентьевна слушала лекции в Сорбонне, работала в институте Пастера, стажировалась в Женевской химической школе. Но интересы Баландиной не ограничивались только рамками академической науки. Она знакомится с постановкой дела народного образования в Европе, мечтая о применении передовых методов обучения у себя на родине. Получив европейское образование, супруги возвращаются в Енисейск.

Занимаясь здесь предпринимательской деятельностью, они на практике использовали свои знания для более рациональной организации промышленного производства и транспортных схем, внедряли технологии, основанные на современных научных достижениях. Большое внимание уделялось улучшению социального климата посредством финансирования школ, детских садов, организации культурного досуга рабочих. Баландина открывает воскресную школу для 20 девочек, в которой сама ведет занятия. В 1898 г. на ее средства было построено здание для городского женского училища. При нем по инициативе Баландиной была открыта бесплатная библиотека, которая фактически стала центром общественной и культурной жизни города. К 1910 г. фонд библиотеки увеличился до 10 тыс. томов.

Являясь членом попечительского совета женской Енисейской гимназии, Вера Арсентьевна основала фонд, из средств которого выплачивались стипендии тем, кто после окончания гимназии поступал в высшие учебные заведения для продолжения образования. Она содействовала также созданию педагогического музея, работа которого по ее замыслу должна была стимулировать интерес к образованию у сибирской молодежи.

Особое внимание она уделяла развитию женского образования, являясь почетным членом Общества для доставления средств Высшим женским курсам в Петербурге. В 1897–1898 гг. Баландина пожертвовала 2 600 руб. на образование капитала, из которого выплачивались пособия студенткам-сибирячкам. На ее средства в 1900 г. были изданы сочинения известной российской писательницы и феминистки Е. Конради, в которых развивались идеи приоритета женского образования в России.

При активной поддержке Баландиной открывались школы для народа и в других округах Енисейской губернии. На ее средства был создан первый в с. Новоселово детский сад для крестьянских детей. Ее заслуги на ниве народного просвещения были отмечены присуждением ей в 1905 г. медали «За труды по народному образованию».

После возвращения в Сибирь Баландина не прерывала своих научных изысканий. Она занималась селекционной работой по выведению новых сортов пшеницы, садовых культур и лекарственных растений, изучала целебные свойства рапы сибирских соленых озер. Для своих опытов она создает химическую лабораторию, публикует результаты исследований в научных российских и заграничных изданиях. Ее перу принадлежат более 50 публикаций. Признанием ценности ее научных трудов стало ее избрание в действительные члены ряда научных обществ – Немецкого химического общества в Берлине, Русского физико-

химического общества, Вольного экономического общества, Красноярского подотдела РГО.

Братья О.А. и В.А. Даниловы – известные в губернии винозаводчики. Оба окончили Петербургский университет. Виктор Александрович сначала пошел по чиновной линии, дослужился до чина действительного статского советника, Осип Александрович имел чин коллежского асессора. После смерти отца, А.Д. Данилова, братья унаследовали Александровский винокуренный завод, превратив его в передовое в технологическом плане предприятие. Продукция Даниловых получала призы и награды на международных выставках в Париже, Мадриде, Бельгии. Они инвестировали капиталы в рыбопромышленность, выкупили Знаменский стекольный завод и провели техническую реконструкцию, значительно повысив производительность труда.

Но хозяйственная расчетливость Даниловых никогда не шла в ущерб рабочим. Одними из первых в губернии они ввели на своих предприятиях элементы социального страхования. Рабочим выплачивались пенсии, в годы русско-японской войны семьи рабочих и служащих, ушедших на фронт, получали их зарплату в полном объеме. При Александровском заводе была открыта начальная школа для детей рабочих. На Знаменском заводе финансировались различные театральные, музыкальные кружки, оркестры для культурного досуга рабочих. Братья активно поддерживали Минусинский музей, помогали в издании научных трудов ученым, имели своих стипендиатов в высших учебных заведениях. В деятельности Даниловых отчетливо просматриваются черты политики социального партнерства. Это прогрессивное направление стало развиваться крупным капиталом в странах Западной Европы в начале XX века.

Таким образом, образование становится реальным фактором эволюции местной буржуазии, которая посте-

пенно превращается из класса в себе в класс для себя, т. е. осознающим свою историческую миссию. Однако эта тенденция не стала ведущей, захватив лишь только ее просвещенную верхушку. В силу своих культурных связей и общих интересов с либерально-демократической интеллигенцией эта часть буржуазии начинает по-новому понимать свою социальную миссию как акторов экономического и социально-культурного прогресса. Если раньше купеческая благотворительность являлась проявлением культурного архетипа, древнего инстинкта социальной солидарности (надо делиться богатством), то теперь она получает рациональное обоснование в виде идеологии и практики социального партнерства.

На самом низу социальной лестницы находилось крестьянство, составлявшее основной контингент населения Енисейской губернии. Отношение крестьян к образованию в течение пореформенного периода заметно меняется. Если в начале периода крестьяне рассматривали получение грамоты преимущественно с точки зрения утилитарной выгоды – получение льгот при прохождении военной службы или перехода к другим занятиям, требовавшим знания грамоты (торговля, ремесло, занятие должности сельского писаря), то со временем тяга к знаниям все более связывается с личностными мотивами – повышением социального статуса, удовлетворением личных амбиций, пониманием самооценности знания. Так, крестьяне, отвечая на вопросы анкеты о значении образования в их жизни, признавали, что оно положительно влияет на повышение нравственной культуры в деревне. В селе Ирбейском Канского уезда, отвечая на вопросы анкеты, которую проводил известный исследователь крестьянского быта Л.С. Личков, писали: «Школа имеет влияние на нравы населения в том отношении, что крестьянин, обучавшийся в школе, не будет ругаться нецензурными словами и не так упивается

вином; при этом развивается религиозность; обучавшийся не пойдет накануне праздника в кабак, а в праздник сходит к обедне; смягчается отношение к женщине».⁹² В ответах из села Курагино отмечалось: «Наше село не так сильно суевериями и предрассудками. Окончившие курс в школе совсем оставляют суеверия и путем беседы и книг стараются даже указать своим родителям на их невежество и доказать нелепость суеверий».⁹³

Но на практике эти новые веяния были выражены очень слабо. Большая часть крестьян не воспринимала получение образования как необходимое условие для совершенствования земледелия, да и школа не давала знаний, нужных крестьянину в его хозяйственных делах. Те из очень немногих, которые все же оканчивали училища и продолжали учебу в учительских семинариях, уездных училищах, порывали с крестьянским образом жизни, пополняя ряды горожан. Если они и оставались в селе, то, как правило, поступали в писари при волостных правлениях или становились почтарями. И хотя они не порывали с крестьянской средой, но все же поднимались над общей массой, составляя высшую касту в деревне.

Уровень грамотности сельского населения в первые пореформенные десятилетия рос очень медленно. К началу 1890-х гг. по четырем округам (Красноярскому, Канскому, Минусинскому и Ачинскому) он составил 6,5 %. Среди мальчиков – 11,2 %, девочек – 1,6 %. Это меньше, чем в соседней Иркутской губернии, – 8,1 %.⁹⁴ На сто хозяйств грамотных в Иркутской губернии приходилось – 43, Ялуторовском округе Тобольской губернии – 38, Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии – 44, а в Енисейской губернии – 31. При этом по отдельным уездам и волостям наблюдался очень большой разрыв показателей: от 20,3 % в Ермаковской волости Минусинского округа до 4,8 % в волостях Ачинского округа.⁹⁵

Наиболее высокий уровень грамотности наблюдался среди жителей притрактовых сел, занимавшихся извозом, торговлей, и в селах, близко расположенных к городам. Старожилы губернии уступали в грамотности новоселам и переселенцам. Так, среди первых уровень грамотности составлял 9,8 %, тогда как у новоселов – 12,1 %, переселенцев – 14,3 %.⁹⁶

На показатели грамотности влияло и социальное положение крестьян, среди зажиточных старожилов грамотных было 44 %, а среди бедняков – 4,6 %.⁹⁷ Однако даже среди бедноты наблюдалась определенная дифференциация: часть бедноты из переселенцев, вынужденных для обузаведения хозяйством на новом месте работать по найму, старались получить хоть какое-то образование для того, чтобы найти работу. Тогда как беднота из старожилов имела самые низкие показатели грамотности.

Подводя итоги развития народного образования в пореформенный период, нужно отметить положительную динамику. Так, по данным Первой всероссийской переписи 1897 г., в целом по губернии грамотность крестьян выросла, составив 10,3 %, превысив общесибирский показатель (9,5 %), но в то же время заметно уступая уровню грамотности сельского населения в европейской части – 19,1 % (в целом по России 17,4 %). Однако эти положительные сдвиги не отвечали потребностям социально-экономического и культурного развития региона.

В начале XX в. Сибирь все более активно вовлекается в общероссийские процессы, связанные с курсом ускоренной промышленной модернизации, взятым правительством во главе с министром финансов С.Ю. Витте. Проведение Великой сибирской железнодорожной магистрали открыло колоссальный промышленный потенциал Сибири, в связи с чем заметно возрастает потребность в квалифицированных рабочих кадрах. Без дальнейшего расширения систе-

мы народного образования решение этого вопроса невозможно. Да и сами крестьяне, среди которых возрастает потребность в дополнении своих доходов торгово-промышленными занятиями, связанными с отходом в города, на золотые прииски, начинают активнее выступать за открытие школ в своих селах.

В начале XX в. возрастает количество приговоров сельских сходов об открытии школ. Крестьяне жаловались, что не имеют возможности дать детям образование из-за удаленности школ, собственной бедности. Так, жители деревни Мало-Кетской Бельской волости писали: «Обучать детей наших в селе Бельском нам становится невозможным вследствие нашей бедности. Во-первых, если отдать ребенка в село Бельское, надо доставлять ему необходимую пищу, во-вторых, содержать квартиру и дать приличную одежду».⁹⁸

В ряде прошений такого рода уже четко звучала мысль, свидетельствовавшая о понимании крестьянами того, что их бедственное положение является результатом неграмотности. Так, в приговоре крестьян с. Александровского Анцирской волости Канского уезда говорилось: «Начальных школ в деревне весьма недостаточно, и каждый год за бортом школы остается много детей, жаждущих получить скромное начальное образование. Бедность мучит и давит нас, поэтому мы хотим обучать наших детей, чтобы выбиться из бедности... Русский народ, к нашему общему несчастью, пребывает в нищете просвещения».⁹⁹

Хотя такие просьбы местные власти обычно одобряли, но их удовлетворение тянулось годами, вызывая естественное недовольство крестьян. Поэтому не случайно в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., кроме требований экономического и политического характера, крестьяне выдвигают как одно из самых насущных – требование всеобщего бесплатного образования. Так, в приговоре,

принятом на сходе крестьян Новоселовской волости, говорилось: «Спешно ввести всеобщее, бесплатное, обязательное образование на государственный счет, помня, что каждый год медлительности вырывает счастье у сотен тысяч наших крестьянских детей. Да ввести образование не такое, какое у нас есть сейчас, а гораздо лучшее, а то сейчас наши ребята хотя и учатся изредка, но не знают, как лучше жить, а потому так же небо и копят, как мы, сплошь почти неграмотные»¹⁰⁰.

Столыпинская аграрная реформа дала новый импульс к развитию крестьянского хозяйства. Распахивались новые земли, вводились новые севообороты, улучшалась агрикультура. Существенно в эти годы выросла обеспеченность крестьянских хозяйств машинной техникой. Крестьянское хозяйство все более активно втягивается в рынок. Чтобы успешно ориентироваться в запросах рынка, крестьянину уже нельзя было полагаться на стародедовские знания и навыки, приходилось расширять свой кругозор с помощью специальной экономической и сельскохозяйственной литературы – журналов, газет, биржевых сводок. К этому подталкивало и широкое распространение кооперации. Крестьяне создавали кредитные товарищества, кооперативы по закупке промышленных товаров и сбыту сельскохозяйственной продукции. Для того чтобы вести бухгалтерию, планировать бюджет и распределять доходы согласно паям, нужна была грамотность.

Насколько остро перед крестьянами в этот период встал вопрос доступа к образованию, свидетельствовал известный крестьянский деятель Енисейской губернии Ф.Ф. Девятков, неоднократно выступавший в печати за увеличение школ в сельской местности. «Как ни темен и безграмотен люд нашего края, но и у него уже явилось сознание, что плохо быть человеком непросвещенным, что приходит время, требующее от человека знаний более обшир-

ных, чем те, которыми пользовались люди отживших поколений, что приходит время, требующее от него понимания окружающего; что почет и уважение отдается теперь просвещенному разуму человека, а не его грубой силе... Достичь благ материальных и довольства, не говоря уже об умственных и нравственных, без просвещения, т. е. без грамотности немыслимо», – писал он.¹⁰¹

Образование, проникая в деревню, постепенно преобразовало не только хозяйственный, но и культурный уклад крестьянства. В селах появляются такие «городские» культурные новшества, как библиотеки, народные чтения, народные театры, народные дома, оркестры. Формы старого деревенского досуга с традиционными посиделками на завалянке и хороводами уже не в моде.

Особенно эти новшества были популярны среди молодежи, и не случайно именно школы становятся центрами, откуда на деревню распространяются волны культурного модерна, а сельские учителя – главными актерами начавшейся «культурной революции». Так, в селе Заозерном Канского уезда при школе в 1915 г. был открыт театр. Премьерой народного театра стал спектакль по пьесе А.С. Пушкина «Борис Годунов». Театральный бум стремительно стал распространяться по селам. Такие же театры открываются в школах Рыбинского, Большой Мурте, Частоостровском, Шалинском, Уяре, Знаменском заводе, Чернореченском.

У истоков движения за школьные театры стоял учитель-новатор красноярского приходского училища №16 В.А. Сипкин. Он создал библиотеку пьес для постановок в школьных театрах. Театральная библиотечка Василия Александровича была известна не только каждому учителю Енисейской губернии, но и далеко за ее пределами. В 1915 г. в ее книжном фонде было более 1 200 названий, в том числе 250 детских пьес.

Другой популярной формой культурного досуга крестьянства становятся народные чтения. Как правило, они организовывались при школах, велись учителями, определявшими круг чтения. Обычно в него входили книги для народного чтения известного издателя Сытина. В годы Первой мировой войны, когда был введен запрет на продажу вина, самой «читаемой» литературой стали книжки о вреде алкоголя. С большим вниманием слушались газеты, сообщавшие о новостях с фронта.

Под влиянием публичных чтений эта форма нового досуга постепенно внедряется и в крестьянские семьи. Корреспонденты губернских газет сообщали, что в селах среди крестьянства начинают широко распространяться семейные чтения, даже в тех семьях, где родители неграмотные. Знарок крестьянского быта Енисейской губернии Ф.Ф. Девятков утверждал, что такие на первый взгляд малозаметные изменения в крестьянском жизненном укладе приводят к «великим переменам». «Как внимательно слушает семья, когда 8–9-летний ученик усядется за стол читать книгу. Правда, сначала ни читающий, ни слушающий ничего не понимают. Но общее удовольствие заметно сразу. “Слушай-ка, мать, – говорит отец ученика, – Васютка-то как ловко читает, так и режет”».¹⁰² Со временем все участники чтений начинают понимать то, что доступно их развитию, и сознательно направлять чтение на те проблемы, которые для них имели жизненно важный интерес: о новых приемах ведения крестьянского хозяйства, изменениях в законах, относящихся к крестьянской жизни.

Важным последствием проникновения грамоты в деревню стал подрыв традиционного крестьянского менталитета. Раньше мир казался крестьянину неизменным, а хозяйственный и социальный порядок – вечным, а если и происходили какие-то перемены, то они были предопределены независимыми от человека силами: бог, судьба, при-

рода, власть. Теперь он убеждается в том, что знания дают человеку способность самому активно влиять на окружающий мир и изменять его. Это придает ему больше уверенности, инициативы и мотивирует на всевозможные инновации – от перемен в быту до смелых поступков в своем социальном и гражданском поведении. Власть обычая, общины, семьи уступает личной воле, мнению. И уже нет страха, что традиционный уклад может быть утрачен, а обновление воспринимается как улучшение.

Благодаря новым веяниям в селе начинает формироваться сельская интеллигенция. Этот процесс идет очень медленно, счет выходцев из крестьян, которым удается получить образование выше начального, шел на десятки по отношению к сотням тысяч крестьянского населения. Из 433 201 крестьянина и 7 622 казаков, проживавших в губернии, высшее образование на 1897 г. имели 47 человек, т. е. 0,01 %.¹⁰³ В начале XX в. эти цифры в абсолютном значении возрастают, и счет уже идет на сотни, но относительно общей массы крестьянства доля крестьянской интеллигенции по-прежнему оставалась каплей в море.

В целом на всю губернию, население которой составило в 1897 г. 570 161 человек, высшее образование имели 403 человека, или 0,07 %. Численность населения с образованием выше начального составила 5 995 человек, или 1,05 %.¹⁰⁴

Отмеченные сдвиги в жизни сибирской деревни имели колоссальное значение в смысле подрыва культурной архаики, в которой веками находилось русское крестьянство, и преодоления громадной дистанции, разделявшей его с другими классами, что было необходимым условием ускорения социального прогресса в российском обществе. Однако динамика социокультурной модернизации в начале XX в. не только в сибирском регионе, но и в российских масштабах была слишком слабой, чтобы решить эту исто-

рическую задачу. Это стало возможно лишь в советское время, когда государство, используя рычаги власти, перешло к активной социальной политике, частью которой стало перераспределение культурных ресурсов в пользу трудовых слоев населения. Это и явилось подлинной культурной революцией, результатом которой стали ликвидация громадных социально-культурных диспропорций и формирование однородного в гражданском и политическом плане советского общества, создание нового типа интеллигенции, которой уже не нужно было идти в народ, чтобы лучше узнать его.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первая всеобщая перепись Российской империи. Енисейская губерния. СПб., 1904. Т. 83. С. IV.
2. Там же.
3. Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. С. 20–21.
4. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. Вып. 2. Иркутск, 1894. С. 72.
5. Там же. С. 70.
6. В европейской части страны соотношение полов: на 100 мужчин 104,2 женщин (Материалы по исследованию ... Т. IV. Вып. 2. С. 64).
7. Там же. С. 78.
8. Там же. С. 90.
9. Там же.
10. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 262.
11. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 2. С. 98.
12. Там же. С. 73.
13. Там же. С. 35.
14. Там же. С. 130.

15. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 91.
16. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии. С. 95.
17. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 2. С. 132.
18. Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1903. С. 364.
19. Петрович (Белоконский И.П.). Движение переселенцев в Минусинский округ // Восточное обозрение. 1885. № 5.
20. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). Составил Н. Турчинов. СПб., 1910. Табл. II.
21. Первая всеобщая перепись. Т. 83. С. IV.
22. Там же. С. V.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же. С. V–VI.
26. Там же.
27. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии. С. 322.
28. Там же. С. 325.
29. Там же. С. 327.
30. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб., 1910; Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг., 1916.
31. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.
32. Там же. Ф. 595. Оп.13. Д. 629. Л. 173.
33. Там же. Д. 903. Л. 97.
34. Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб., 1865. С. 182; Памятная книжка Енисейской губернии на 1913. Красноярск, 1913. С. 187.
35. Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. Красноярск, 1913.
36. Первая всеобщая перепись. Т. 83. С. V.
37. Материалы по исследованию землепользования, Т. IV. Вып. 4. С. 132.
38. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 113; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 30.

39. Якименко П.А. О социальном составе переселенцев Сибири // Отечественная история. 1993. № 1. С. 176.
40. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 248.
41. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии. С. 185.
42. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 130.
43. Гурвич И.А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1888. С. 81.
44. Материалы по исследованию землепользования. Т. IV. Вып. 4. С. 248.
45. Там же. С. 258.
46. Там же. С. 255.
47. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии. С. 423.
48. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири / под ред. В.К. Кузнецова. СПб., 1912. Табл. II, III.
49. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 49.
50. ККМ, о/ф. №7886/231. Воспоминания И.Ф. Парфентьева. Л. 65.
51. Там же. Л. 68.
52. Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Воспоминания. М., 1999. С. 22–23.
53. ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1471. Л. 1 об.
54. Там же. Оп. 1. Д. 1096. Л. 2.
55. ККМ, о/ф. №7886/231. Воспоминания И.Ф. Парфентьева. Л. 65.
56. Там же.
57. Там же.
58. Туман-Никифорова И.О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.). КГТЭИ. Красноярск, 2004; Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии: учебное пособие. Красноярск, 2002.
59. Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 45.

60. Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Красноярск, 1995. С. 11.
61. Кускашев Д.В. Основные направления деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии в финансово-хозяйственной сфере (1870–1892) // Управление и экономика: теория и практика [Текст]: сборник научных трудов / Санкт-Петербургская академия управления и экономики (СПб.); Красноярский институт экономики; С.-Петерб. акад. упр. и экон. Красноярск: Гротеск, 2007. Вып. 3. С. 154.
62. ККМ, о/ф. №7886/231. Воспоминания И.Ф. Парфентьева. Л. 60.
63. Сибирская газета. 21 декабря 1886.
64. ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 36. Л. 47.
65. Там же. Д. 106. Л. 81.
66. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. С. XXXI.
67. ГАКК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 39. Л. 8–14; Д. 55. Л. 1–8.
68. Уманский А.А. Очерки золотопромышленности в енисейской тайге. СПб., 1888. Т. 1. С. 74.
69. Фёдорова В.И. Рабочий вопрос в неопубликованном научном наследии Д.А. Клеменца // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1983. Вып. VIII. С. 134.
70. Комогорцев И.И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1974. С. 188.
71. Там же.
72. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 39.
73. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 131.
74. Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 1999. Т.1. С. 104.
75. Островский А.Н. Вся жизнь театру. М., 1989. С. 194–195.
76. Корф Н.А. Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян // Русская мысль. 1881. №10. С. 4–5.
77. Материалы по исследованию землепользования. Иркутск, 1892. Вып. 2. Т. IV. С. 3.
78. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, Т. 83. С. VII.

79. Там же.
80. Памятная книжка Енисейской губернии. Красноярск, 1913. С. 186.
81. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. VIII.
82. Там же.
83. Там же.
84. Там же.
85. Там же.
86. Там же.
87. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. VIII.
88. Фёдорова В.И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск, 2015. С. 90.
89. Долидович О.М., Фёдорова В.И. Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX века (демографический, социальный, профессиональный аспекты). Красноярск, 2009. С. 157–158.
90. Сибирская школа. 1916. № 6. С. 112.
91. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб., 1915. С. 267.
92. Личков Л.С. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Русская мысль. 1896. № 1. С. 45.
93. Там же.
94. Материалы по исследованию землепользования. Иркутск, 1892. Т. IV. Вып. 2. С. 3.
95. Там же.
96. Там же.
97. Там же.
98. Жолудев Д.Г. Краткая история школ Красноярского края. Енисейск, 1961. С. 53–54.
99. Там же. С. 56.
100. Там же. С. 57.
101. Девятков Ф.Ф. Заметки по вопросу о школьной грамотности в Енисейской губернии // Сибирская школа. 1917. № 1. С. 26.
102. Там же. С. 36.
103. Первая всеобщая перепись 1897 г. Енисейская губерния. С. 28.
104. Там же.

Глава 3.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЕНИСЕЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

3.1. Народное образование

Общеобразовательная начальная школа

Признаки оживления общественно-культурной жизни в пореформенную эпоху особенно рельефно проявились в сфере образования. Либеральные реформы 1860-х гг. дали ощутимый толчок для приобщения к образованию широких демократических слоев населения. Большую роль в этом сыграли земства, взяв на себя основной груз по содержанию местных учебных заведений. Однако в Сибири не было земств, поэтому школьное дело здесь было поставлено в худшие условия, как с точки зрения финансирования, так и организации учебно-воспитательного процесса.

Начальная общеобразовательная школа в Енисейской губернии в пореформенный период была представлена большим разнообразием видов учебных заведений: уездные училища по Уставу 1828 г., городские училища по Положению 1872 г., приходские училища по Уставу 1828 г., училища по Положению 1874 г., сельские министерские (образцовые) по Инструкции 4 июня 1875 г., училища Сибирского казачьего войска и церковноприходские школы.

По своей внутренней структуре учреждения начальной школы подразделялись на одноклассные училища, представлявшие низшую элементарную школу, программа которой была рассчитана на три года и давала азы грамоты – читать, писать, считать, Закон Божий.

Особым типом школ первой ступени были так называемые школы грамоты. Срок обучения в них редко достигал двух лет; знания, которые они давали, были самыми минимальными.

Вторую ступень начального образования составляли двухклассные училища (министерские «образцовые» училища, двухклассные церковноприходские школы и часть приходских училищ по Уставу 1828 г.). Учебный курс первого класса двухклассных училищ был аналогичен одноклассной школе. Второй класс (с двухгодичным сроком обучения) давал дополнительный курс начального образования, в который входили Закон Божий, русская грамматика, история, география России, арифметика, основы геометрии и черчения, сведения по естествознанию.

Третью и последнюю ступень начальной школы составляли многоклассные училища. К ним относились в основном училища уездные по Уставу 1828 г. и городские по Положению 1872 г. В школах этого типа все предметы курса начального образования преподавались в более широком объеме. Срок обучения в уездных училищах был трехлетний, а в городских – шестилетний, продолжительность учебного года также была большей по сравнению с другими школами. Из всех начальных училищ выход в среднюю школу давали только уездные училища. Все остальные начальные школы были тупиковыми.

Учебные программы училищ всех трех ступеней в пределах каждого класса (класс захватывал несколько лет обучения) в основных своих чертах совпадали. Поэтому выпускник одноклассного училища мог перейти во второй класс любого начального учебного заведения высшего типа, а выпускник двухклассного училища – в третий класс городского училища. Таким образом, разнообразие видов училищ не мешало их достаточной однородности в учебном плане.

В Енисейской губернии на начало реформы народной школы всех учебных заведений числилось 57, из них 3 – уездных училища в Красноярске, Енисейске и Ачинске; приходских училищ по Уставу 1828 г. – 31; духовных училищ – 1; 17 школ казачьих полков и 1 женское училище 2-го разряда. В них учеников – 1 692 человека¹.

Таким образом, самым массовым типом учебных заведений начальной школы являлись приходские училища по Уставу 1828 года, которые подчинялись Министерству народного просвещения. Численность казачьих школ со временем заметно сократилась в связи с тем, что население части казачьих станиц было причислено к крестьянскому сословию. А те, что остались, подчинялись Министерству внутренних дел, и только в 1916 г., после одобрения Государственной думой и Государственным советом закона о передаче начальных училищ Астраханского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Амурского и Уссурийского казачьих войск они перешли в ведение Министерства народного просвещения.

В период контрреформ 1880-х гг. уездные училища почти повсеместно были преобразованы в городские по Положению 1872 г., что окончательно перекрывало возможность для их выпускников продолжать образование в средней школе. Вместо приходских училищ по Уставу 1828 г. основными типами начальной школы становятся одноклассные церковноприходские школы и школы грамотности. Так, на 1890 г. городских училищ и двухклассных школ из 176 заведений начальной ступени в губернии числилось всего шесть, в то время как школы элементарного типа составляли – 158, т. е. почти 90 процентов.² Тенденция к сокращению многоклассных школ начальной ступени и увеличению школ элементарного типа касалась не только сибирских губерний, а была повсеместной в 1880–1890-е годы. Она отражала общую линию правитель-

ства на ограничение доступа подавляющей части населения, и прежде всего крестьянства, к качественному образованию.

В 1890-е гг. в связи со строительством Транссибирской магистрали при железнодорожных станциях появляются железнодорожные школы. Дети в них обучались по общеобразовательной программе, но сами школы находились в ведении Министерства путей сообщения.

Динамика роста сети начальных школ в Енисейской губернии в первые пореформенные десятилетия носила застойный характер. Так, к 1882 г. число народных школ в губернии по сравнению с 1864 г. практически не изменилось, составив 59 (табл. 24). Из них 20 были сосредоточены в городах, где проживало всего 10 % населения. Бывали годы, когда количество школ не только не росло, а даже уменьшалось. Так, в Минусинском округе в 1871 г. из 31 училища закрылось 17, а к 1877 г. их осталось только тринадцать. Еще медленнее росла численность школ в Енисейском округе. Здесь в первые 10 лет после школьной реформы не открылось ни одной школы, а в последующие 20 лет только 9. В итоге к 1898 г. на весь огромный Енисейский уезд вместе с уездным центром насчитывалось только 14 школ.

Основные причины слабой динамики в развитии школьной сети связаны с тем, что потребность сельского населения в получении образования оставалась очень низкой. Для крестьян это было ненужной роскошью. Обученный за немалые для сельского общества деньги крестьянский сын все равно оставался в деревне. Для того чтобы пашню пахать, грамота, по мнению крестьян, не требовалась. Во-вторых, в губернии вплоть до 1880-х гг. ощущалась резкая нехватка учителей. Только открытие в Красноярске в 1873 г. учительской семинарии, готовившей кадры для народных школ, несколько ослабило напряженность.

Но и позднее эта проблема не утратила своей остроты. Так, в том же Минусинском округе в 1877 г. из 13 училищ только в 6 занятия вели учителя, имевшие специальную подготовку, а в остальных этим занимались случайные люди: сельские писари, акцизные чиновники, дьячки и пр.

Прогресс намечался только к концу 1890-х гг., когда в связи с проведением Сибирской железной дороги увеличился приток переселенцев из европейской части страны. В целом, по данным «Памятных книжек» Енисейской губернии, численность учебных заведений начального типа вместе с ЦПШ за 40 лет в губернии выросла более чем в 7 раз, а учеников – в 9 раз.

Заметно в эти годы изменилось соотношение городских и сельских училищ. Если в начале пореформенного периода в городах была сосредоточена почти треть всех учебных заведений, то к началу XX в. существенно возрастает доля школ в сельской местности – до 85,5 %. В них обучались 87,5 % учащихся, в городских школах – 12,5 %. По темпам роста сельская школа опережала городскую. За 40 лет число начальных школ в сельской местности выросло почти в 8 раз, а в городе более чем в 4,5 раза, число учащихся соответственно в 16 и 2,2. Также заметно выросло и число учащихся на одну сельскую школу – с 18,9 до 38,7 человек.

Однако по отношению к населению охват сетью начальных учебных заведений вырос за это время всего в 4 раза. Лишь $\frac{1}{4}$ часть детей от 7 до 15 лет имела возможность учиться в школе. Заканчивали начальные школы всего лишь 11,7 % детей.³

Таблица 24

**Рост сети учреждений начальной школы
и учащихся в Енисейской губернии**

Год	Сельские школы		Городские школы		Всего	
	школы	уча- щиеся	школы	уча- щиеся	школы	уча- щиеся
1864	44 (77 %)	834 (49,2 %)	13 (23 %)	858 (50,8 %)	57	1 692
1891	146 (82,3 %)	3 269 (62,7 %)	30 (17,7 %)	1 939 (37,3 %)	176	5 208
1894	181 (84 %)	5 379 (65 %)	32 (16 %)	2 887 (35 %)	213	8 266
1904	349 (85,5 %)	13 518 (87,5 %)	59 (14,5 %)	1 931 (12,5 %)	408	15 449

Памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 годы. СПб., 1865; Памятная книжка Енисейской губернии 1891 года. Красноярск, 1892; Памятная книжка Енисейской губернии 1896 года. Красноярск, 1896; Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 год. Красноярск, 1905.

Настоящий перелом в развитии начальной школы наступает после Первой русской революции 1905–1907 годов. Революция показала, что одной из причин социального и гражданского противостояния стал громадный культурный разрыв между верхами и низами общества, являвшийся результатом незавершенности либеральных реформ 1860–1870-х гг. в социокультурной сфере. Большая часть народа сознавала свою отчужденность от качественного образования как проявление гражданской ущербности, что только усиливало социальные противоречия. В сознании народных масс образованность и культура зачастую воспринимались как господские привилегии, что на фоне резкого социального неравенства и эксплуатации порождало

такие деструктивные формы проявления массового протеста, как погромы, направленные против студентов и интеллигенции, вандализм в отношении к памятникам культуры и даже к церквям. Передовая часть интеллигенции сделала из этого правильные выводы, поставив проблему реформы народного образования в тесной увязке с социально-политическими преобразованиями. Поэтому требования реформ в образовании мы видим в программах практически всех политических партий. Вопросы просвещения и образования остро звучали на многочисленных съездах и совещаниях начала века.

В 1907 г. правительство начало разрабатывать проект «Положения о начальных народных училищах». Предусматривалось ликвидировать многообразие типов начальных народных училищ, свести к единству устава, положения и правила по начальной народной школе, расширить учебные программы, но при этом передать духовенству полномочия по тщательному наблюдению и контролю за преподаванием в начальной школе. Допускалось создание двухклассных училищ, удлинение сроков обучения в одноклассных училищах до четырех и двухклассных до шести лет. И хотя этот проект не суждено было воплотить, тем не менее он свидетельствовал о том, что понимание необходимости кардинальной качественной перестройки школы в соответствии с потребностями времени все же было у правительства.

Однако самым значимым событием этих лет стал проект закона «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». Он был внесен в Государственную думу в ноябре 1907 г. министром народного просвещения П. Кауфманом. Предполагалось, что «всем детям обоего пола должна быть предоставлена возможность ... пройти полный курс обучения в правильно организованной школе». Продолжительность обучения в начальной школе по

проекту составляла 4 года, наполняемость классов в расчете на одного учителя – 50 учеников, радиус местности, на который должна приходиться одна школа, – 3 версты. Все расходы по содержанию школ возлагались на органы местного самоуправления.

Проект обсуждался в печати, на многочисленных местных съездах по народному образованию, на заседаниях III Государственной думы, в думской комиссии по народному образованию и в Государственном совете. Однако после длительных дебатов в Думе он был отклонен. Среди тех, кто выступил против этого проекта, были и сибирские депутаты. Дело в том, что согласно проекту закона на содержание одного училища казна должна была отчислять 420 руб., остальную часть от необходимой суммы должны были выделять органы местного самоуправления. Такая сумма была существенно меньше, чем выделялось раньше на основании закона от 05.06. 1900. В Сибири, например, на одноклассное училище казна выделяла в год 500–700 руб., а на двухклассное – 1 000–1 400 руб. Для Сибири, где не было земств, способных взять на себя расходы по обеспечению закона о всеобщем образовании, сокращение финансирования школ государством стало бы большим ударом. Во-первых, потому, что содержание одной школы в силу специфических климатических и экономических условий здесь обходилось гораздо дороже, чем в европейской части страны. Так, в северных территориях дети из отдаленных районов в сильные морозы обычно оставлялись при школе, а это, естественно, требовало дополнительных расходов. Во-вторых, в случае сокращения финансирования школ государством все затраты были бы возложены на население, и в первую очередь на крестьян, казенные повинности которых и без того были тяжелее, чем у их собратьев в коренной России. Поэтому сибирские депутаты потребовали либо увеличения правительствен-

ных затрат на образование в Сибири, либо введения земств. «Сомнения нет, – заявлял член сибирской фракции депутатов Госдумы Н.Н. Волков, – без земств Сибирь не увидит всеобщего обучения; без земств она по-прежнему будет коснеть во мраке невежества».⁴

Тем не менее, не дожидаясь результатов обсуждения проекта закона о всеобщем образовании, 3 мая 1908 г. в Думе приняли закон, существенно расширявший финансирование начального образования. Этот закон в литературе нередко ошибочно трактуют как закон о введении обязательного начального образования. Согласно закону сверх обычных сумм, ассигнуемых по смете Министерства народного просвещения, выделялись дополнительные средства «на поддержание и дальнейшее расширение начального образования» в размере 6,9 млн руб. в год.

На местах финансирование учебных заведений предполагалось осуществлять только при условии, что органы местного самоуправления (земства и городские думы) возьмут на себя обязательства по составлению школьных сетей, сохранению прежних размеров расходования средств на образование и обеспечению бесплатности обучения. Объем необходимого финансирования составлял 390 рублей на 50 детей школьного возраста (от 8 до 11 лет), считая жалованье учителю (в год не менее 360 рублей) и законоучителю (на 100 детей школьного возраста) не менее 60 рублей.⁵

Поскольку в Сибири не было земств, то обязательства по дополнительному финансированию образования могли взять на себя только органы городского самоуправления. Вытянуть такой груз финансовых затрат под силу оказалось только губернскому центру.

Красноярская городская дума ежегодно наращивала расходы на образование. Еще в 1903 г., т. е. за 5 лет до принятия закона о дополнительном финансировании на-

чальных училищ, городские власти Красноярска приняли на свой бюджет все школы города. Таким образом, к моменту принятия в 1908 г. закона о дополнительном финансировании начального образования в Красноярске сложилась благоприятная возможность для перехода к обязательному начальному образованию, и в 1908 г. городская дума Красноярска поставила этот вопрос в повестку дня. При думе была создана училищная комиссия, на плечи которой были возложены разработка школьной сети в соответствии с законопроектом о введении всеобщего начального образования. Для сравнения, в городах, относившихся к Западносибирскому учебному округу (Томск, Новониколаевск, Барнаул и др.), к введению всеобщего начального образования приступили только в 1911 году.

Важным фактором, ускорившим развитие школьной сети в Сибири вообще и в Енисейской губернии в частности, стала столыпинская аграрная реформа. Десятки тысяч переселенцев каждый год прибывали в губернию, образовывая новые поселки на карте края. Интенсивный приток переселенцев заставлял губернские власти больше уделять внимания строительству школ. Каждый год только на средства Переселенческого управления открывалось 5 школ, а всего за 1906–1916 гг. в губернии было открыто 478 школ, но, с учетом численности приезжавших переселенцев, этого было крайне недостаточно. Так, в среднем ежегодно в губернию прибывало по 30 тыс. человек, из них детей школьного возраста – 2 700 чел. Чтобы обеспечить потребность в школьных заведениях для такого числа детей, надо было открывать ежегодно 54 школы.

К 1916 г. в Енисейской губернии насчитывалась 781 школа: из них 469 училищ по Указу 1874 г., в том числе 24 двухклассных; 75 приходских училищ по Указу 1828 г.; 8 училищ при железнодорожных станциях; 226 церковно-приходских школ и 3 мусульманских школы. Общее число

учащихся выросло до 44 555 человек.⁶ При этом большую часть из открытых в это время школ составляли школы МНП, доля ЦПШ сократилась до 30 %. Однако даже и те, кто поступал в начальные школы, далеко не всегда их оканчивали. Процент выпускников школ МНП не превышал 10–12 %. Были такие школы, которые вообще не давали выпускников.

После Первой русской революции 1905–1907 гг. постепенно начинает меняться структура начальных школ. В них возрастала доля высших начальных училищ, учебная программа которых была намного шире, чем в училищах низшей ступени, что позволяло их выпускникам продолжить образование в школах средней ступени. Если раньше начальные училища повышенного типа были сосредоточены только в губернском центре и уездных городах, то к 1916 г. они уже стали появляться и в сельской местности. Правда, из 9 училищ высшего типа на сельскую округу приходилось только два: одно в Каратузской волости Минусинского уезда и одно в Рыбинской волости Канского уезда. Три из них действовали в Красноярске и по одному в Ачинске, Канске, Минусинске и Енисейске. Доступность училищ высшего типа оставалась низкой не только для сельчан, но и для горожан. Их недостаточное количество постоянно отмечалось в отчетах Дирекции народных училищ. Доля учеников в них составляла всего лишь 2–3 % от общей массы учащихся начальной школы.

Школы МНП и ЦПШ существовали обычно в крупных селах, дети же остальных поселений, отстоявших от них на десятки верст, были фактически обречены на безграмотность. Однако выход находили в частном обучении с помощью непрофессиональных преподавателей. Как правило, это были либо сельские писари, либо выходцы из ссыльнопоселенцев, живших наемным трудом. Когда се-

зонные сельскохозяйственные работы заканчивались, они переключались на обучение детей местных жителей.

Крестьяне обычно нанимали учителей вскладчину для небольшой группы детей (от 2 до 10 учеников). Так, возникла частная домашняя школа. Некоторые из таких школ находились под надзором местного церковного причта, но по большей части никакого контроля со стороны образовательных ведомств за ними не было, и качество образования, конечно, не отвечало школьному уровню. В лучшем случае, дети в таких школах получали навыки чтения и письма, но не более того. Навыки письма обычно ограничивались лишь умением ставить подпись, а читать дети могли только печатный текст. Об эффективности воспитательной работы в таких школах вообще говорить не приходится, поскольку нравственный уровень самих учителей, большая часть из которых была выслана за всевозможные преступления и провинности, оставлял желать лучшего. Но крестьяне все же предпочитали домашнее обучение детей открытию церковной или министерской школы, поскольку обучение частным образом давало быстрый практический результат и обходилось дешевле. Так, в среднем плата с одного двора равнялась 50 копейкам. Не случайно поэтому открытие школ МНП или ЦПШ, обычно инициировавшееся властями, наталкивалось на противодействие со стороны крестьян. Сельские сходы часто отказывались от открытия школ, мотивируя это тем, что «от училищного дела никаких хороших результатов не бывает».

Однако можно найти и такие примеры, когда в частных школах образование было поставлено на уровень, значительно превосходивший обучение в начальных училищах МНП. К ним можно отнести частную школу в д. Усть-Сыда Абаканской волости, открытую известной общественной деятельницей В.А. Баландиной. В школе бесплатно обучались дети местных крестьян, а занятия вела сама Ба-

ландина. Школа не в пример казенным была лучше обеспечена учебно-методической литературой, наглядными пособиями, помещалась в специально построенном здании.

В пореформенное время, кроме школ для православного населения, в Енисейской губернии возникают образовательные учреждения, находившиеся под эгидой духовных заведений иных религиозных конфессий. Так, в селах Минусинского округа Нижняя и Верхняя Буланка и Верхнем Суэтуке, где проживали латыши, финны и эстонцы, были основаны три школы, находившиеся в ведении лютеранской церкви. Они финансировались из средств Финляндского Сената. Преподавание в них велось на финском, латышском, эстонском и немецком языках. Русский язык преподавался только в одной из этих школ – в селе Верхняя Буланка. Надо заметить, что процент обучавшихся в лютеранских катехизаторских школах детей по отношению ко всему населению был гораздо выше, чем в селах с православным населением, и меньше было недоучившихся учеников. Это объясняется укоренившейся для лютеранской церкви традицией, по которой грамотность являлась обязательным условием для получения первого причастия (конфирмации).

В пореформенный период в Енисейской губернии появляются и первые образовательные учреждения для еврейского населения. В 1878 г. в Красноярске была открыта Талмуд-школа, предназначенная для обучения детей из бедных еврейских семей. Первоначально преподавание сводилось к обучению грамоте на иврите и основам еврейского вероучения, но позднее было введено и обучение грамоте на русском языке. В 1880-е гг. начальные еврейские училища возникают в Канске и Енисейске. От обычных приходских училищ еврейские школы отличались тем, что в них вместо Закона Божия преподавались основы иудаизма и все они имели статус частного образовательного

учреждения. В начале XX в. в Енисейской губернии возникают хедэры – еврейские религиозные школы для мальчиков.

Одной из самых многочисленных этнических групп, проживавших на территории Енисейской губернии, являлись татары. Их компактные поселения сложились в Енисейском, Красноярском и Канском округах. Однако на всю губернию в начале 1890-х гг. действовали всего лишь две мечети. При них и были открыты мусульманские начальные школы – мектебе. Обучением детей в таких школах занимались местные муллы. Образование сводилось к элементарным навыкам чтения и письма, знаниям Корана и религиозно-дидактических произведений татарских и арабских писателей. В таких школах не было традиционной классно-урочной системы, с каждым учеником занятия проходили индивидуально. В начале XX в. в связи с резким возрастанием потока переселенцев из европейской части страны на территории губернии образуются многочисленные поселения татар. Так, к началу Первой мировой войны их насчитывалось более 50. Под влиянием решений сельских сходов в этих поселениях стали открываться татарские национальные школы. В это время характер обучения в них все более приближается к светскому, вводятся общеобразовательные предметы: арифметика, география, история. Первые два года образование шло на родном языке, а на третьем году переходили на русский язык. Усиливается в это время и контроль за национальными училищами со стороны уездных училищных инспекторов.

Самую большую по численности этническую группу населения после русских на территории Енисейской губернии составляли коренные народности. Царское правительство главный упор в просвещении коренных народов делало на миссионерскую деятельность православной церкви. Поэтому основной формой школ здесь становятся

миссионерские, работавшие под эгидой созданного в 1871 г. в Красноярске Комитета православного миссионерского общества.

Миссионерские школы работали по программе церковно-приходских училищ, но поскольку между русским преподавателем и коренным населением возникал языковой барьер, то это порождало массу трудностей. И та программа, которую в обычной школе проходили за год, в миссионерских школах требовала гораздо большего времени. Хотя были среди миссионеров не только знавшие языки аборигенов, но и ведшие службы на них. Как, например, настоятель Енисейского Спасского монастыря, архимандрит Макарий, в миру М.И. Суслов. В его лице население видело не только просветителя, но и защитника от притеснений со стороны чиновников и купцов.

К концу XIX в. в губернии действовало 16 миссионерских школ: 14 со 100 учащимися в Ачинском и Минусинском уездах и 2 с 20 учениками в Туруханском крае. Как правило, среди учеников миссионерских школ преобладали дети русского населения. В 1890 г. из 17 учеников туруханской миссионерской школы было 12 русских, 3 тунгусов, 1 остяк и 1 долганин.⁷ Аборигены с настороженностью относились к обучению. Во-первых, даже среди крещеных очень сильны были двоеверие и приверженность к шаманским культам. Во-вторых, грамотные инородцы призывались на службу в армию, что не могло не настораживать желавших поступить в школу. К началу XX в. число школ на севере края возрастает. Стали возникать школы интернатского типа для кочевых племен. Так, в 1900 г. в Тазовском приходе дьяком Г. Мелентовым была открыта школа с общежитием на 4 ученика.⁸ В 1905 г. в Хатангском приходе работали воскресная школа, где обучались 6 человек мужского пола, и домашняя школа катехизатора Соколова. Всего в них обучались 10 человек по всем предметам, и

еще трое учились только молитвам. Возраст учеников был от 8 до 32 лет.

Однако в целом успехи в просвещении коренного населения Туруханского края почти за 40 лет были весьма скромными: лишь 50 ученикам удалось овладеть грамотой.

Более активно школьное образование развивалось среди аборигенов Минусинского округа. Еще в 1864 г. в административном центре Качинской степной думы Усть-Абакане было открыто первое одноклассное училище для хакасов, относившееся к ведомству МНП. В первые десять лет его деятельности численность учеников была очень мала и не превышала 10 человек. Рост числа учащихся наметился лишь после Первой русской революции.

В 1908 г. Усть-Абаканское одноклассное училище было преобразовано в двухклассное. В 1914–1915 гг. в нем обучались 145 человек. В 1867 г. министерские школы были открыты в улусах Усть-Ерба и Хызынжуль, а в 1869 г. – в Аскизе, административном центре Сагайской степенной думы. Выпускником Аскизского училища был выдающийся сын хакасского народа, ученый-тюрколог Н.Ф. Катанов. К 1916 г. на территории Хакасии работало 50 школ: из них 7 министерских и 13 церковноприходских.

Православные миссионеры отмечали, что особенно активно стремление к грамоте наблюдалось среди тех племен, которые жили в непосредственной близости с поселениями русских земледельцев – качинцев и сагайцев. Некоторые из них, окончив миссионерскую школу, поступали в учительские семинарии и затем возвращались в родные места обучать грамоте своих соплеменников. Среди учителей-хакасов большой вклад в распространение просвещения внесли Г.В. Киржибеков, В.Н. Окунев, Г.И. Итыгин.

Активная просветительская деятельность русской интеллигенции и православной церкви среди коренного населения юга края дала заметные результаты. Если в середине

XIX в. грамотных аборигенов насчитывались единицы, то к 1917 г. общая грамотность хакасского населения достигла 3 %.

Средняя общеобразовательная школа

В дореформенный период в Енисейской губернии не существовало учебных заведений, дававших полное среднее образование, хотя по царскому указу 1828 г. в каждой губернии полагалось иметь хотя бы одну гимназию. Однако в Сибири к началу 1860-х гг. были открыты лишь 3 гимназии: в Иркутской, Тобольской и Томской губерниях.

Попытку восполнить недостаток гимназического образования в Енисейской губернии в 1864 г. предпринял известный сибирский общественный деятель С.С. Шашков, открыв в Красноярске класс для мальчиков и девочек, обучение в котором шло по программе гимназии. Но поскольку это было частное учреждение, то доступ в него был возможен лишь для ограниченного круга лиц, и его деятельность не могла снять остроты вопроса об открытии в городе гимназии.

В 1864 г. в Красноярске был создан Временный комитет по устройству гимназии в составе председателя Енисейского губернского правления Гаупта, председателя Енисейского губернского суда Ефимова, губернского архитектора Неклюдова, купца М. Сажина и других. Однако инициатива красноярцев натолкнулась на сопротивление в МНП. Министру показалось, что для Красноярска будет достаточно и прогимназии и то при условии, что уездное училище в Красноярске будет закрыто. После долгих проволочек проект новой гимназии все же был утвержден, однако приступить к его реализации удалось лишь четыре года спустя. Время ушло на сбор пожертвований, которые собирались по всей губернии.

1 июля 1868 г. в Красноярске состоялось открытие гимназии. Первый набор ее учеников насчитывал 70 человек, и в его составе преобладали дети дворян, чиновников и купцов. В последующие годы положение практически не изменилось. Так, на 1892 г. среди учеников гимназии дети дворян и чиновников составили 42,8 %, купцов – 21 %, мещан – 23 %, крестьян – 6,8 %, казаков – 3,1 %.⁹

Красноярская мужская гимназия действовала по Уставу 1864 г. как классическая с преподаванием одного классического языка – латинского, занимавшего около 60 % учебного времени. Кроме того, в программу входило изучение Закона Божьего, истории, математики, естественной истории, современных языков, географии, чистописания, рисования, черчения. К необязательным предметам относились пение, гимнастика, танцы, проводившиеся во внеучебное время. Преподаватели по новому уставу получали большую свободу в выборе учебной литературы и изменении программы обучения. Но уже в 1871 г. был принят новый устав, согласно которому еще более увеличивалось время на изучение классических языков, исключалась естественная история, вводилось преподавание логики. По новому уставу преподаватели должны были соединять в своей работе обучение и воспитание. Первым директором гимназии стал И.Д. Месс, преподавателями назначены: И.М. Рачковский, учитель Закона Божьего, Г.К. Тюменцев, учитель математики и естественной истории, К.П. Можайский, учитель русского языка, Н.Ф. Красиков, учитель истории.

В первые годы своего существования гимназия испытывала многочисленные трудности материального и организационного порядка: отсутствовала библиотека, не хватало учебной литературы, не были оборудованы кабинеты, плохо держались педагогические кадры. После первого года работы уехали 3 преподавателя, их заменили учителями

из городского училища, приглашали также для педагогической работы местных чиновников. В 1871 г. преподавательский состав укрепился новыми учителями: И.Т. Савенковым, А.В. Линдром, И.А. Крестовским, внесшими свежую струю в жизнь гимназии.

В 1876 г. состоялся первый выпуск Красноярской мужской гимназии, оказавшийся очень немногочисленным: из 70 поступивших к выпускным экзаменом дошло 6 учеников, а выдержали их и получили аттестаты только 3 ученика. В последующие годы выпуски гимназистов оставались немногочисленными.

Таблица 25

**Численность учащихся в мужских гимназиях
и прогимназиях Енисейской губернии**

Годы	1868	1889	1896	1900	1905	1909
Красноярская гимназия	70	174	265	285	389	420
Енисейская прогимназия	-	59	86	103	154	171
Всего	70	233	351	388	543	591

Источники: ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 310, 135; Бакай Н.Н. 25-летие Красноярской губернской гимназии. Красноярск, 1893; Памятные книжки Енисейской губернии, 1890, 1898, 1903.

В год первого выпуска в Красноярской гимназии состоялось открытие второго учебного заведения средней школы – прогимназии в Енисейске. Здание для нее было построено стараниями местного купечества, пожертвовавшего около ста тысяч рублей. Долгое время в ней было открыто 6 классов, и только в 1905 г. с открытием седьмого класса она была преобразована в гимназию.

Тем не менее потребность в средних учебных заведениях у населения возрастала по мере того, как ускорялось

торгово-промышленное развитие губернии. Так, городские думы Канска и Минусинска неоднократно подавали прошения об открытии мужских гимназий. Однако чиновники из Восточносибирского учебного округа сочли возможным открыть в этих городах только реальные училища. В 1911 г. было открыто реальное училище в Канске, в 1913 г. – в Минусинске. Они были ниже реальных гимназий по своему статусу и имели три отделения: общее, предназначавшееся для подготовки в высшие технические учебные заведения, и два с профессиональным уклоном – механико-техническим и химико-техническим.

Высокая плата препятствовала демократизации социального состава учащихся. Доля низших сословий в 1870-х гг. не превышала и трети, а в 1880 – первой половине 1890-х гг. она еще более уменьшается под влиянием Доклада министра народного просвещения И.Д. Делянова, получившего в обществе название «Циркуляра о кухаркиных детях». Министр рекомендовал директорам гимназий ограничить прием «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию». Даже в начале XX в. доля привилегированных сословий составляла больше половины, а представительство податных сословий (мещане и крестьяне) даже сокращается, несмотря на то, что после Первой русской революции часть учеников, освобожденных от платы, увеличилась до 20 %. Примечательно, что примерно половину освобожденных от уплаты за обучение составляли дети учителей.

Высокая плата (в 1909 г. она составляла уже 50 руб.) также вела к тому, что далеко не все поступавшие могли окончить обучение по материальным причинам. За 25 лет существования Красноярской мужской прогимназии ее

окончили всего лишь 144 ученика. Такой же низкий процент выпускников был и в Енисейской мужской прогимназии: с 1876 по 1891 г. ее окончили 45 человек.¹⁰ В среднем гимназии оканчивали не более 25–30 % учащихся.

Таблица 26

Сословный состав учащихся Красноярской мужской гимназии (%)

Годы	1896	1900	1909
Дворяне и чиновники	41,6	47,5	44,7
Духовенство	2,1	1,9	5,7
Почетные граждане и купцы	2,1	1,9	6,6
Мещане	43	41,3	24,7
Крестьяне	5,1	5,6	12,1
Прочие	6,1	1,8	6,2

ГАКК. Ф. 348. оп. 1. Д. 310, 135. Жолудев Д.Г. Краткая история школ Красноярского края. Енисейск, 1961. С. 26.

Основным источником финансирования мужских гимназий в губернии, в отличие от женских, являлись не городские сборы, а казенные средства. Доля казны в бюджете гимназий составляла около 70 %, тогда как городские сборы давали всего 1–2 %. Плата за обучение составляла в структуре бюджета около трети.

Финансирование средних школ в губернии увеличивалось очень медленно. Даже после Первой русской революции, когда правительство начинает наращивать расходы на образование, до Сибири доходили лишь жалкие остатки. Так, расход на все школы в России в 1911 г. составил 31 млн руб., из них на Сибирь приходилось всего 914 тыс. рублей.¹¹ Поэтому динамика финансирования гимназий выглядела довольно вялой. Так, расходы казны на финансирование Красноярской мужской гимназии с 1896 по

1909 г. выросли с 40 446 до 44 972 руб., т. е. в 1,1 раза. На одного ученика приходилось 109 руб. 43 коп.¹²

В конце 1890 – начале 1900-х гг. положение российских гимназий стало постепенно улучшаться. Это совпало с приходом на пост министра народного просвещения Н.П. Боголепова, являвшегося сторонником либерализации образования. Благодаря принятым им мерам в гимназиях был сокращен курс классических языков, произошло сближение преподавания в классических и реальных гимназиях, значительно поднят уровень женского образования за счет расширения учебных программ, сокращено количество переходных экзаменов. Сменивший Боголепова новый министр П.С. Ванновский завершил начавшиеся преобразования проектом «Единая общеобразовательная школа». Согласно ему средняя школа становилась семилетней. Первые три класса являлись обязательными для всех учеников. Учащиеся начальной школы могли поступать сразу в 4 класс гимназии, сдав экзамены по предметам, не входившим в курс начальной школы. С 4 класса учащиеся могли выбирать курсы естествоведения или классических языков. Ванновский установил временный порядок введения реформы: в 1 и 2 классах новую программу ввели полностью, в 3 и 4 классах отказались от греческого языка, но из-за воспитательного значения увеличили курс русской истории, а старших классов реформа вовсе не коснулась.

Женское образование

В конце 1850-х гг. был сделан большой шаг в развитии женского образования. Правительство к этому времени осознало необходимость перехода от поддержки отдельных учебных заведений сословного типа для женщин к созданию сети женских школ открытого типа для всех сословий, чтобы таким образом способствовать равенству

полов в образовании. В докладе Александру II министра народного просвещения А.С. Норова в связи с этим отмечалось, что создание «открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже больших селениях было бы величайшим благодеянием для отечества и довершило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собою всеобщие и специальные нужды всех состояний и обоих полов».¹³ Реализацией этого плана стало утверждение императором Положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения от 30 мая 1858 года. Цель создаваемых училищ, согласно Положению, заключалась в том, чтобы «сообщить ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства».

Женские училища делились на два разряда. Училища первого разряда имели шестилетний срок обучения, их программа была близка курсу Девичьих институтов, включая Закон Божий, русский язык и словесность, арифметику и начала геометрии, географию, историю (всеобщая и русская), естествознание, физику, рисование, чистописание и рукоделие. К необязательным предметам были отнесены французский и немецкий языки, музыка, пение и танцы. Женские училища второго разряда имели трехлетний курс обучения, их программа была приближена к курсу уездных училищ и включала: Закон Божий, краткую русскую грамматику, сокращенный курс географии и русской истории, арифметику, чистописание и рукоделие.

Первыми, кто откликнулся на новое Положение в Енисейской губернии, стали жители Енисейска. По инициативе городского головы А.С. Баландина городская дума приняла решение об открытии училища второго разряда. Открытие училища состоялось в августе 1860 года. Вначале были открыты приготовительный и 1 классы, а к 1 января

1861 г. – 2 класс. В числе 39 первых учениц 19 были из купеческого сословия, 8 – из мещанского, 6 – из крестьян.¹⁴ Плата за обучение составляла 15 руб. в год. Бесплатно могли учиться те девочки, которые предоставляли удостоверение городского головы или одного из выбранных членов попечительского совета о неимении средств.

Однако судьба Енисейского женского училища оказалась печальной. В 1869 г. в городе вспыхнул пожар, в котором пострадало и здание училища. После этого оно уже не возобновило свою работу.

В августе 1869 г. женское училище 2 разряда было открыто в Красноярске. Начальницей училища стала С.А. Померанцева, имевшая свидетельство от Томской губернской гимназии на звание учительницы народных училищ, ее помощницей – М. Осипова, окончившая Полтавский институт благородных девиц. В открывшиеся в первый год два класса были приняты 42 ученицы. В начале следующего учебного года с открытием 3 класса количество учащихся значительно увеличилось: в 1 классе было 45 учениц, во 2 – 20, в 3 – 7. Женские училища заложили предпосылки для возникновения женского среднего образования в Енисейской губернии.

В 1870 г. вышло положение «О женских гимназиях и прогимназиях», на основании которого женское училище в Красноярске было преобразовано в четырехклассную прогимназию. Уже в первые годы работы прогимназии желающих обучаться было достаточно, число учениц росло с каждым годом. Но прогимназия все же не давала полного среднего образования, и ее выпускницам приходилось продолжать образование в других сибирских городах. Поэтому попечительский совет прогимназии стал ходатайствовать об открытии старших классов и преобразовании ее в гимназию. В 1878 г. это удалось сделать, но открытие новых классов пришлось отложить, так как для этого тре-

бовалось более просторное здание, строительство которого затормозилось из-за пожара 1881 г.

В первый год работы в гимназии обучались 42 девочки. Переезд в 1885 г. гимназии в новое здание позволил увеличить контингент учениц. В последующие годы он постоянно рос. С 1880 по 1892 г. в гимназии обучались 489 учениц.¹⁵ По сословному составу преобладали две самые большие группы – дети чиновников и дворян (35,4 %), мещан (22,5 %).¹⁶ На долю крестьян приходилось всего 7 %, но их представительство постоянно росло. В 1913–1914 уч. г. детей дворян и чиновников было 164 (21,2 %), почетных граждан и купцов – 42 (5,4 %), духовенства – 29 (3,7 %), казаков – 5 (0,6 %), мещан – 245 (31,6 %), крестьян – 194 (25 %), прочих 98 (12,5 %).¹⁷

Для некоторых девушек гимназия стала только первым шагом на пути к образованию. После ее окончания они отправлялись на Бестужевские женские курсы, которые открывали путь к педагогической, научной, просветительской и общественно-политической деятельности значительному числу сибирячек. Некоторые бестужевки после окончания курсов продолжили обучение за границей: В.А. Баландина, Е.А. Комарова, Е.А. Красикова, Е.М. Крутовская, А.И. Кускова, Е.И. Окулова и др. Некоторые выпускницы гимназии оставили яркий след в общественно-культурной жизни края: В.А. Баландина – ученая, предприниматель, общественный деятель; М.В. Красноженова – фольклорист, этнограф, педагог; Г.И. Окулова-Теодорович – участница революционных событий 1917 г., член Красноярского губкома партии и Президиума губисполкома, в 1918–1920 гг. член ВЦИК и его Президиума, начальник политотдела Восточного фронта и член РВС 1-й, 8-й и Западной армий.

В 1872 г. на базе Енисейского женского училища открывается прогимназия. Становление нового учебного за-

ведения проходило в непростой обстановке. Прогимназия столкнулась с хронической нехваткой финансирования, из-за которого не смогли открыть в 1875 г. 4 класс. Резко колебалась численность учениц, которые уходили из гимназии, как писалось в отчетах, по причине бедности. Хотя совет попечителей всячески пытался поддержать их, выделяя бесплатные учебники, помогая одеждой, обувью. Некоторых вообще освобождали от платы за обучение. Лишь к 1881 г. удалось открыть 7 класс, что послужило основанием для преобразования прогимназии в гимназию.

Практически одновременно с Енисейской гимназией открывается прогимназия в Минусинске. В 1880 г. были открыты приготовительный и первые два класса. В 1882 г. открылись еще два класса. У Минусинской прогимназии с самых первых лет ее существования возникли те же проблемы, что и у Енисейской, т. е. скудное финансирование и связанная с этим текучесть педагогических кадров. Несмотря на то что городская общественность горячо поддерживала гимназию, остававшуюся до открытия реального училища единственным средним образовательным учреждением в городе, денег, выделявшихся городской думой, хронически не хватало. Участие казны было мизерным, составляя всего 13,2 % от общего бюджета.

Четвертой женской гимназией в Енисейской губернии стала Ачинская. В 1885 г. открылись приготовительный и первый класс, а в 1887 г. к ним добавились 2 и 3, таким образом, была создана прогимназия. С открытием старших классов она в 1908 г. была преобразована в гимназию.

В 1897 г. городские власти Канска приняли решение об открытии на базе женского приходского училища женской прогимназии, для чего была открыта подписка на сбор пожертвований для постройки здания под прогимназию. Всего собрали 34 тыс. руб. Однако открыть прогим-

назию удалось только в 1907 г. В 1913 г. она была преобразована в гимназию.

Большую роль в развитии женского специального образования в Енисейской губернии сыграла фельдшерская школа. В 1874 г. в Красноярске было открыто повивальное училище с родовспомогательным отделением и приютом для детей. Там готовили акушерок («повивальных бабок») к работе на селе из лиц крестьянского сословия, обучение было платным (100 рублей в год). Такая плата была непосильной для крестьян. Поэтому во всех губернских отчетах постоянно отмечался недостаток повивальных бабок и акушерок в губернии, что приводило к большой смертности женщин при родах и различным послеродовым осложнениям. Но власть не предпринимала шагов на пути к решению этого вопроса, что подтолкнуло сибиряков к самостоятельным действиям. В 1889 г. по инициативе красноярского Общества врачей решено открыть фельдшерско-акушерскую школу для девочек, ставшую первым учебным заведением такого типа в Сибири.

В уставе школы, утвержденном в 1889 г., было записано: «Красноярская женская фельдшерская школа имеет целью образование сведущих и опытных фельдшерниц для службы, как в городах, так и в селениях. Она учреждается при Красноярской городской лечебнице и содержится за счет Общества врачей Енисейской губернии».¹⁸ Первоначально школа существовала на средства Общества врачей и добровольные пожертвования. Жертвователями были известные купцы, общественные деятели Красноярска: А.П. Кузнецов, В.А. Данилов, И.А. Матвеев, Н.К. Переплетчиков, В.А. Баландина. Впоследствии, с 1903 г., правительством и Красноярской городской думой на содержание школы выделялись субсидии – 6 500 рублей в год.

Первым директором школы стал В.М. Крутовский. В дальнейшем на эту должность избирались Обществом вра-

чей М.О. Данилович, Н.К. Пулло, Н.Г. Бенедиктов, В.А. Вангородский и др. Попечительницей стала А.П. Кузнецова, инспектрисой Е.И. Коновалова. Двенадцать действительных членов Общества врачей Енисейской губернии пожелали вести преподавание в школе бесплатно: Н.Г. Бенедиктов, М.О. Данилович, С.А. Калашников, П.Н. Коновалов, В.М. Крутовский, И.С. Кусков, А.Г. Куркутов, А.П. Прейн и др. Среди преподавателей можно было увидеть имена известнейших в Красноярске женщин: М.С. Чернявской, Л.С. Крутовской.

Ежегодно в школу поступали 50–70 учениц. Общее число учащихся достигало 170 человек. Школу знали не только в Сибири, но и по всей России. В 1911–1912 гг. из 180 учениц жительницами Енисейской губернии являлись 78 (42,4 %), жительницами других сибирских губерний – 31 (16,8 %), из губерний Европейской России – 75 (40,8 %). С 1912 г. в училище стали учиться и мужчины.¹⁹

Фельдшерская школа дала возможность реализовать свое право на образование и труд многим сибирячкам. Ее выпускницы были востребованы повсеместно. Врачебные управы предпочитали назначать в сельские и городские больницы именно женщин-фельдшерниц.

Профессиональное образование

Значительные сдвиги в социально-экономическом развитии Сибири в конце XIX – начале XX вв., вызванные строительством Транссибирской железнодорожной магистрали, заострили проблему подготовки квалифицированных кадров для различных отраслей экономики, образования, здравоохранения и культуры. Как следствие, в системе народного образования края стала заметно возрастать роль профессиональных учебных заведений.

Принятый в 1888 г. закон о промышленных училищах определил три типа профессионально-технических учебных заведений: средние технические, низшие технические и ремесленные училища. Позднее, в 1893 и 1894 гг., правительство дополнительно решило создать два типа упрощенной профессиональной школы: школы ремесленных учеников и низшие ремесленные школы. Указанные учебные заведения давали только ремесленную выучку без опоры на какие-либо теоретические знания. В 1897 г. вводится еще один тип низшей профессиональной школы – ремесленные учебные мастерские, наиболее примитивный и дешевый тип профессионального учебного заведения. Основная его задача – подготовка рабочих по ремонту сельскохозяйственного инвентаря и ремесленников для некоторых видов кустарной промышленности. Подобные учебные заведения, не дававшие никакой теоретической подготовки, не справлялись с решением задачи профессионального образования. Правительство же считало такой тип профессиональной школы вполне подходящим для Сибири. Однако в реальной жизни положение определялось потребностями хозяйственного развития регионов.

Одним из первых профессионально-технических училищ в губернии стало училище, открытое в 1874 г. в Красноярске по инициативе купчихи Т.И. Щеголевой. Деятельность училища осуществлялась в рамках «Устава Красноярского ремесленного училища Т.И. Щеголевой», утвержденного 16 августа 1876 г. генерал-губернатором Восточной Сибири бароном Фредериксом. Для решения организационных и хозяйственных вопросов училища при городской управе был создан попечительский совет, который состоял из городского головы и двух членов, выбираемых думой на четыре года, с двумя кандидатами. Кроме того, членом попечительского совета являлась и сама Т.И. Ще-

голева как основательница и почетная попечительница училища.

Ремесленное училище находилось в ведении Министерства народного просвещения. Учебной и воспитательной работой занимался педагогический совет. В его функции входили: перевод учеников из класса в класс, выдача свидетельств ученикам, окончившим курс обучения, определение объема задаваемых учителями уроков и т. д. Преподаватели-предметники назначались председателем педагогического совета из числа учителей гимназий и уездного училища, а мастера по обучению ремеслам приглашались попечительским советом.

Обучение осуществлялось по программе двухклассных училищ МНП. Кроме общеобразовательных предметов, обучали ремеслам: сапожному и башмачному, кузнечному и слесарному, токарному и резному, столярно-плотницкому и переплетному. Ученики выбирали ремесла по своим наклонностям, а также с учетом пожеланий родителей. В 1908 г. училище было преобразовано из шестиклассного в четырехклассное низшее ремесленное училище. Резко была сокращена общеобразовательная подготовка и увеличена специальная.

Численный контингент учащихся составлял около ста человек, в его составе преобладали горожане из небогатых сословий – мещан и крестьян. Так, в 1912–1913 гг. из 100 учеников 39 были детьми мещан, 44 – крестьян, 3 – казаков, 3 – дворян, 11 прочих сословий.²⁰

В связи с потребностями Сибирской железной дороги в Красноярске в 1894 г. было создано первое в Сибири техническое железнодорожное училище с трехлетним сроком обучения. Оно готовило машинистов, помощников машинистов, дорожных мастеров и других техников. С 1894 по 1904 г. оно выпустило 126 человек.²¹ В 1907 г. директором училища был назначен выпускник Петербургского техно-

логического института инженер-технолог А.Ф. Парадовский, впоследствии активный борец за советскую власть в Красноярске, расстрелянный белогвардейцами в октябре 1918 г.

Интересы переселенческого дела вызвали к жизни необходимость подготовки кадров для землеотводного дела. С этой целью в Красноярске в 1910 г. было открыто землемерное училище, относившееся к учебным заведениям средней школы. Численность учащихся в 1914 г. составила 170 человек. Училище готовило техников для производства межевых и земельных работ. Обучение было платным (20 рублей в год), но существовали 60 обязательных казенных стипендий по 180 рублей в год.

В 1905 г. в среде красноярского купечества был поднят вопрос об открытии учебного заведения коммерческого типа. С этой целью создана комиссия из купцов П.Ф. Горданского, И.Т. Савельева, С.В. Тельгина, постановившая часть капитала Купеческого общества использовать для постройки здания под будущее учебное заведение. Однако дальше намерения дело не пошло, и лишь в октябре 1911 г. Купеческое общество открыло бухгалтерские одногодичные вечерние курсы для взрослых. На курсах изучались бухгалтерия, коммерческая арифметика, коммерческая корреспонденция, законоведение, сведения по политической экономии и товароведению, каллиграфия и письмо на пишущей машинке.

Открытие бухгалтерских курсов было лишь первым шагом в деле коммерческого образования. В Красноярске к тому времени назрела настоятельная потребность в создании среднего учебного заведения с программой коммерческого или торгово-промышленного училища. Еще в 1909 г. Красноярская городская управа предложила Купеческому обществу принять участие в учреждении такого заведения.

Купеческое общество изъявило полную готовность к этому, и в результате было принято решение открыть в Красноярске реальное училище с коммерческим отделением по образцу Петровского училища в Петербурге. Предполагалось, что главными источниками финансирования будущего учебного заведения должны были стать пособия от казны, ссуда из городских средств, ссуда из капитала купеческого общества, пожертвования городских дум Ачинска, Минусинска, Канска, Енисейска, частных лиц, банков, торгово-промышленных фирм. Программа училища должна была включать, кроме общеобразовательных предметов, еще и специальные предметы по организации и ведению коммерческого дела. В их число входил также курс политэкономии, дававший такие понятия, как «рынок», «спрос», «капитал», «кредит», «деньги», «оборот капитала» и так далее, преподавались также основы бухгалтерского учета, законоведение.

26 сентября 1913 г. в Красноярске состоялось открытие городской торговой школы. В правилах для поступающих в торговую школу говорилось, что в школу принимаются дети обоего пола всех сословий, национальностей и вероисповеданий. Действительно, состав первого набора учащихся 1913–1914 учебного года свидетельствовал, что новое учебное заведение было очень демократичным: из 126 учеников 118 – дети крестьян и мещан.

27 января 1910 г. в Красноярске состоялось торжественное открытие рисовальной школы. Ее директором был назначен красноярский архитектор Леонид Чернышев, а первым преподавателем – Д.И. Каратанов. Позднее Чернышева сменил М.Г. Костылев, выпускник училища живописи, ваяния и зодчества в Москве, преподававший рисование в гимназии и железнодорожном училище.

В день открытия школы красноярцы отправили своему великому земляку В.И. Сурикову, который горячо поддерживал идею открытия школы, телеграмму: «Многоуважае-

мый Василий Иванович, Красноярск поздравляет Вас, своего знаменитого земляка, открытием первой в Сибири рисовальной школы». Получив это известие, Суриков организовал отправку из Петербурга в Красноярск вагона с гипсовыми слепками и другими учебными пособиями. Потом, бывая в Красноярске, он обязательно заходил в школу, просматривал работы учеников, давал советы учителям.

Численность учеников школы постоянно менялась, многие отчислялись из-за неуплаты, но в среднем она оставалась в пределах 20 человек. Малочисленность учеников объяснялась еще и тем, что школа не давала выпускникам удостоверяющих документов о получении профессии, а учила «для души». Это, собственно, и стало причиной для отказа председателя попечительского совета школы П.И. Гадалова от своих обязанностей. В заявлении в училищную комиссию городской думы он предложил пересмотреть программу, включив в нее, помимо обучения практическим навыкам, еще и преподавание теоретических предметов. Он предложил ходатайствовать перед Министерством торговли и промышленности о включении школы в его ведомство, чтобы выпускники получали документы о квалификации.²² Городская дума согласилась с этими предложениями и постановила изменить устав школы в соответствии с требованиями Министерства торговли и промышленности. Однако в 1916 г. школьная секция комитета по народному образованию при Министерстве приняла постановление о преобразовании школы в среднее учебно-художественное училище, выпускники которого получали бы право преподавать рисование в начальных школах, а также право поступления в высшие художественные училища. Процесс реформирования школы так и не был закончен в связи с начавшейся в 1917 г. революцией.

Выпускниками школы стали многие впоследствии известные сибирские художники: Андрей Лекаренко, Геор-

гий Лавров, Алексей Вошакин, Александр Ефремов, Ксения Матвеева, Георгий Троицкий.

Задачу подготовки педагогических кадров для губернских начальных заведений выполняла Красноярская учительская семинария с трехгодичным курсом обучения, открывшаяся в 1873 г. Условия приема в гимназию были рассчитаны на выходцев из низших слоев общества: в нее принимались юноши от 16 до 22 лет, окончившие двухклассные училища. Выпускники семинарии были обязаны отработать в школе четыре года, а кто не отработывал положенный срок, должны были выплачивать денежную сумму в размере затрат на обучение. Семинария готовила учителей для одноклассных сельских училищ, но 2/3 ее выпускников оставались в городе, занимая чиновничьи должности.

С учительской семинарией тесно была связана деятельность ее первого директора И.Т. Савенкова, внесшего огромный вклад в подготовку учительских кадров Сибири и в развитие педагогической мысли. Разработанная им система основывалась на передовых идеях российской педагогической школы и продолжала традиции К.Д. Ушинского. Книга «Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий, начинающим сельским учителям и учительницам о главнейших обязанностях народного учителя» (Красноярск, 1892) стала, по существу, одним из первых в истории народного образования Сибири примером разработки основ профессиональной этики педагогов. Особенно Иван Тимофеевич подчеркивал необходимость знакомства учителя с традициями народной педагогики. Он ввел в книгу огромный пласт из древнего эпоса, отражавший представления народа о сущности и задачах обучения и воспитания.

Расширение сети учебных заведений в начале XX в. заострило проблему подготовки педагогических кадров.

Эту задачу по-прежнему выполняла Красноярская учительская семинария, но в начале XX в. она уже не могла обеспечивать подготовку учителей ни в количественном, ни в качественном плане. Она готовила в основном учителей для приходских училищ, программа которых не отвечала уровню городских училищ, гимназий и прогимназий. Поэтому возникла необходимость открытия учительского института – специального учебного заведения, готовившего кадры для уездных, городских и высших начальных училищ. Такие институты до начала XX в. существовали лишь в Центральной России. Первый учительский институт в Сибири открылся в 1902 г. в Томске, а после Первой русской революции они появляются и в Восточной Сибири. В Красноярске учительский институт был открыт в 1916 г. В августе состоялись вступительные экзамены на три факультета (словесно-исторический, физико-математический, естественно-географический), и был зачислен 21 студент. Директором института был назначен А.Д. Медведев, окончивший физико-математический факультет Юрьевского университета и историко-филологический факультет Петербургского университета. Костяк преподавательских кадров института составили видные впоследствии деятели просвещения и науки в крае В.А. Смирнов, А.М. Гневушев и др. Первый выпуск студентов состоялся в годы Гражданской войны.

Незадолго до начала Первой мировой войны гласные Красноярской городской думы инициировали вопрос об открытии в городе Лесного института для подготовки специалистов для бурно развивавшейся в Енисейской губернии лесной промышленности. Комиссия думы, в которую вошли П.С. Смирнов, А.Н. Оносовский, Н.А. Шепетковский, П.И. Кусков и В.Т. Волков, представила доклад с обоснованием своего проекта и обращение на имя предсе-

дателя Совета министров.²³ Однако начавшаяся война помешала осуществлению этого проекта.

Рост рядов педагогической интеллигенции, ее профессиональной и общественно-политической активности вызвал потребность создания специального печатного издания, в котором сибирские педагоги могли бы обсуждать свои профессиональные проблемы, обмениваться опытом, высказываться по наиболее злободневным вопросам состояния образования в крае и положения самих учителей. Его создание связано с именем красноярского учителя Г.И. Итыгина. Первый номер журнала «Сибирская школа» под редакцией Итыгина вышел в 1916 г. Он издавался ежемесячно тиражом в 1 тыс. экземпляров и вскоре превратился в настоящую трибуну, с которой учителя могли рассказать обо всем, что их волновало. В нем печатались статьи, письма учителей из глубинки, рецензии на новейшие труды по педагогике и методике, хроника событий из жизни просветительских учреждений, художественные произведения, авторами которых являлись учителя. В круг корреспондентов издания входили такие известные педагоги, как Н.П. Березовский, П.А. Коротков, В.А. Сипкин, И.М. Голицын, историк Н.Н. Козьмин, исследователь А.Р. Шнейдер. Писали в журнал даже учащиеся. Журнал, издававшийся Итыгиным, стал первым специальным педагогическим изданием в Сибири и, безусловно, сыграл важную роль в развитии школьного дела в крае.

Подводя итоги развития народного образования в губернии на рубеже XIX – начала XX вв., следует отметить, что за этот период произошли громадные позитивные изменения как с точки зрения масштабов охвата обучением различных социальных групп населения, так и расширения их профильной и организационной структуры. Удалось вплотную подойти к созданию учебного заведения высшей школы. Благодаря влиянию общественных организаций, постоянному освещению школьного дела в местной печати

школа постепенно превращается из закрытого полусословного учреждения, где царил слепое повиновение учеников, в очаг формирования культуры и новых гражданских отношений. Хотя, конечно, этот процесс находился еще в самой начальной своей стадии и сдерживался не только удаленностью края от центров общественного движения, но и тем, что власть не уделяла достаточного внимания Сибири в своей культурно-образовательной политике.

3.2. Организация научного изучения края

Успехи в развитии образования создавали благоприятные предпосылки для оживления научных исследований. Не случайно именно учительская интеллигенция являлась активной участницей в деятельности научно-просветительских обществ, музеев. Преподаватели красноярских гимназий А.К. Завадский-Краснопольский, А.С. Еленев, М.В. Красноженова, В.А. Смирнов, А.М. Гневушев и др. внесли весомый вклад в развитие и популяризацию научных знаний.

Особо следует выделить в этом ряду Марию Васильевну Красноженову. Ее жизнь являет достойный пример подвижнического служения благородному делу народного просвещения и научного изучения родного края. Окончив в 1890 г. Красноярскую женскую гимназию, она осталась в ней преподавать географию. Одновременно молодая девушка работает в воскресной школе и народной читальне. Столкнувшись на практике с нуждами народного образования в методических пособиях и наглядных материалах, она в 1898 г. выступила с инициативой создания в Красноярске подвижного педагогического музея, целью которого являлась подготовка наглядных пособий и разработка методических рекомендаций по их использованию в педаго-

гической практике. Учреждения подобного рода существовали только в Москве и Петербурге, педагогический музей в Красноярске стал первым в Сибири. Вскоре в его фондах уже насчитывалось около пятисот экспонатов, включавших материалы археологических раскопок, коллекции минералов, гербарии и чучела животных, собрания книг и иллюстраций, предметы народного быта, макеты орудий труда, анатомические муляжи и пр. Все это не только использовалось педагогами красноярских училищ и гимназий, но и рассылалось бесплатно в сельские школы Енисейской губернии.

Не менее сильным увлечением Марии Васильевны стало изучение сибирского фольклора. Она вошла в историю сибирской науки как талантливый исследователь народного творчества населения притрактовых сел Енисейской губернии, собирательница сказок, песен, частушек, заговоров, рецептов народной медицины. Красноженова объездила в поисках этнографического и фольклорного материала почти все уголки Енисейской губернии, собрав бесценные свидетельства духовной культуры народа. Ее труды публиковались на страницах «Известий» ВСОРГО и Красноярского подотдела ИРГО, «Этнографического обозрения». В 1914 г. Красноженова была удостоена серебряной медали РГО за научные труды. Ею была собрана уникальная коллекция иллюстраций (более 3 тыс.) с видами старого Красноярска и его окрестностей.

В организации научного изучения края большую роль играли научные и культурно-просветительские общества. Одним из первых возникших в губернии обществ такого типа явилось Общество врачей Енисейской губернии, созданное в 1886 г. Первым президентом Общества был избран доктор П.И. Мажаров, вице-президентом П.И. Рачковский, секретарем В.М. Крутовский.

В первые годы в его состав вошло девять городских врачей и два уездных, а в 1890 г. оно уже насчитывало в своих рядах 83 человека. Общество фактически возглавило работу по улучшению организации врачебной помощи в губернии. Усилиями членов Общества в Красноярске стали систематически проводиться медико-санитарные обследования школ и промышленных предприятий, издавался бюллетень, а с 1889 г. протоколы, отражавшие положение здравоохранения и деятельность членов Общества, был организован лекторий для жителей города. С 1903 г. при Обществе врачей стала издаваться первая в Сибири медицинская газета «Сибирские врачебные ведомости».

Отношение губернской администрации к Обществу врачей было двойственным. Она готова была использовать его в своих интересах, но как только инициатива общественности переходила рамки, очерченные властью, показывала прямую враждебность. Это случалось достаточно часто, поскольку члены Общества не ограничивались узкими рамками профессиональной деятельности, а стремились увязать задачи улучшения медицинской помощи с решением острых социальных вопросов. Так, большой общественный и научный отклик получил доклад В.М. Крутовского, сделанный им на заседании Общества врачей по материалам медико-статистического обследования рабочих на золотых приисках Енисейской губернии, вышедший позднее отдельной брошюрой «Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих». Крутовский обоснованно доказал, что нормы выработки, назначавшиеся предпринимателями для рабочих, превосходили физиологические возможности человека, показав этим хищнический характер эксплуатации. Власти сочли, что его доклад носил предвзятый в политическом отношении характер. В рапорте начальника губернского жандармского управления

говорилось: «Крутовский, разбирая отношения золотопромышленников и рабочих друг к другу, не только стал на сторону рабочих как врач, но, защищая их интересы, придал своему докладу характер, могущий возбудить рабочих против золотопромышленников». Заседания Общества стали подвергаться жесткой цензуре.

Большой вклад в изучение Приенисейского края внес уроженец Красноярска И.А. Лопатин. В 1866 г. он возглавил Туруханскую экспедицию, увенчавшуюся открытием Норильского медно-никелевого месторождения. Ученый первым указал на необходимость промышленного освоения природных богатств этого уникального района.

Пионером в изучении Енисейского севера можно назвать купца М.К. Сидорова. За 30 лет деятельности на этой ниве он истратил около 1,7 млн рублей. Он открыл и начал разработку громадного месторождения графита в низовьях Енисея. На 9 приисках на Нижней Тунгуске им было добыто 70 тыс. пудов графита. Кроме того, Сидоров открыл месторождения меди, каменной соли. Образцы добытых им пород демонстрировались в 1862 г. на Всемирной выставке в Лондоне и произвели настоящий фурор. Михаил Константинович был награжден за свои находки тремя золотыми медалями и дипломом Королевского географического общества.

Стремясь привлечь внимание мирового и отечественного капитала к освоению богатств севера, он настойчиво пропагандировал свои идеи через печать. Его перу принадлежал ряд статей («Записки о занятиях по исследованию и развитию в промышленном и торговом отношениях Туруханского края», «Новый мореходный путь из Европы в Сибирь», «К вопросу о золотопромышленности»), опубликованных в журналах и записках научных обществ, а также достаточно солидные работы: «Проект заселения Севера путем развития промышленности и торговли Сибири» (То-

больск, 1864), «О богатствах северных окраин Сибири и народах, там кочующих» (СПб., 1873), «Труды для ознакомления с Севером России» (СПб., 1882), в которых он доказывал огромную будущность северных окраин для развития экономики России.

Он пытался заинтересовать этим вопросом и представителей научного мира, выступив с докладом «Об исследовании Нижней Тунгуски, ее водной системы и богатствах ее» на заседании Русского географического общества. Предприниматель представил ученым составленную им карту Нижней Тунгуски, за которую был награжден серебряной медалью общества. Сидоров также обратился в Общество для содействия русской промышленности и торговли и Вольное экономическое общество, убеждая их членов в громадной пользе освоения Енисейского Севера. За «многолетние и полезные труды» по изучению Сибири Сидоров был награжден Большой золотой медалью Вольного экономического общества.

Важным условием освоения Сибири Сидоров считал устройство новых путей сообщения, которые бы соединили Сибирь с европейской частью страны. На заседаниях комитета, основанного по его инициативе для обсуждения нужд развития северных территорий, он предложил проект строительства канала, который бы соединял реки Турухан и Таз, дав возможность перевозить грузы из Енисея в Обскую губу и далее североморским путем в Западную Европу. Чтобы доказать возможность судоходства по северным морям, он в 1862 г. предложил капитану 1-го ранга П.И. Крузенштерну и его сыну лейтенанту П.П. Крузенштерну предпринять плавание в устье Енисея на шхуне «Ермак». В августе шхуна вышла из устья Печоры в направлении Карского моря, но ей удалось дойти только до полуострова Ямал. Хотя своей главной задачи экспедиция

и не выполнила, зато внесла ценный вклад в изучение Арктики.

Заслуживает признания подвижническая деятельность сотрудника Красноярского музея М.Е. Киборта. Ученый описал 219 видов птиц, обитавших в окрестностях Красноярска. Материалы экспедиций по исследованию орнитологической фауны Прикрасноярья сделали его имя известным в научных кругах страны и за рубежом. Его коллекции экспонировались в музее Академии наук Петербурга, в Берлине, Вене, Лондоне.

Изучению географии Енисейской губернии были посвящены труды члена РГО, преподавателя Красноярской гимназии А.К. Завадского-Краснопольского и директора гимназии А.С. Еленева. Известностью в научном мире пользовались труды по изучению флоры Енисейской губернии и Сибири Я. Прейна, открывшего и описавшего ряд неизвестных ранее растений Сибири.

В начале 1890-х гг. в связи с проектированием Сибирской железной дороги развернулось геологическое изучение местности вдоль будущей трассы. По результатам этих исследований К.И. Богдановичем была составлена первая геологическая карта Красноярского, Канского и Ачинского округов. В 1896 г. Богданович одним из первых указал на наличие угольных пластов в Минусинском округе.

В 1893 г. известный исследователь Арктики Э.В. Толль исследовал район Анабарской губы и Хатангского залива. Он впервые описал плоскогорье на междуречье Анабара и Попигая, сделал орографическое описание хребта Прончищева, собрал ценную палеонтологическую, зоологическую и этнографическую коллекции. Во время своей второй экспедиции в 1900 г. Толль организовал обширное геологическое исследование побережья Таймыра а также провел геофизические и метеорологические изучения местности.

Большую роль в изучении крестьянского хозяйства Енисейской губернии сыграл В.Ю. Григорьев. Он участвовал в статистическом обследовании крестьянских хозяйств Енисейской губернии, организованном в начале 1890-х гг. Департаментом государственного земельного имущества. Результатом обследования стал многотомный труд «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний». Григорьеву в нем принадлежали разделы «Население» и «Землевладение», в которых содержались обширные сведения о численности населения, размере посевных площадей, урожайности и производительных силах крестьянского хозяйства.

В ряду наиболее значительных работ в научном наследии Григорьева необходимо отметить труд «К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края» (СПб., 1906). Основой для него послужили материалы, собранные им в экспедиции по Аскизской и Абаканской инородческой управам. Автор выступал против распространенной в деятельности землеустроительных органов практики урезания земельных наделов у инородцев, доказывая, что это грозит подрывом кочевого скотоводства, составлявшего экономическую основу хозяйства инородцев.

С Красноярском была связана деятельность известного сибирского историка и архивиста Н.Н. Бакая. В начале 1890-х гг. он возглавил работу комиссии по разборке архивов разных учреждений Енисейской губернии. Благодаря неутомимой деятельности ученого были спасены уникальные документальные материалы по истории Сибири, оказавшиеся под угрозой исчезновения. Особенно много внимания Бакай уделял актовым источникам. Не случайно его первой крупной научной публикацией стал очерк «Обзор главнейших актов, относящихся к истории колонизации

Сибири в конце XVI–XVII вв.» (Красноярск, 1891). Большой заслугой ученого стала разработка принципов классификации и научной экспертизы архивных материалов по истории Сибири.

Пионером в изучении археологических памятников палеолита на территории края можно назвать И.Т. Савенкова. В 1884 г. при раскопках на Афонтовой горе в окрестностях Красноярска он обнаружил стоянку древнего человека, отнесенную им к эпохе палеолита. Находка ученого имела сенсационный характер, так как коренным образом меняла научные представления о границах расселения человека в древности.

Во второй половине 1880-х гг. Савенков совершает ряд экспедиций с целью обследования обширного района среднего и верхнего течения Енисея и его притоков: Кана, Бирюсы, Маны, Бузима. Его публикации в изданиях Русского географического общества по результатам экспедиций получили высокую оценку известных исследователей Сибири Д.А. Клеменца, Н.М. Ядринцева, И.А. Лопатина, И.Д. Черского. Имя скромного учителя из Красноярска становится известным в научном мире. В 1892 г. Савенков выступает с докладом на международном археологическом конгрессе в Москве. Его сообщение о находках палеолитических стоянок на берегах Енисея получило широкий резонанс. Французский археолог Ж.А. де Бай назвал выступление Савенкова «центральным событием конгресса».

В 1907 г. Савенков возглавил Минусинский музей. В поле его интересов в это время оказываются памятники древнего наскального искусства, обнаруженные в верховьях Енисея и его притоков. Собранный им материал послужил основой для книги «Изобразительное искусство на Енисее» (М., 1910), в которой он высказал новаторские мысли о датировке енисейских петроглифов и эволюции наскальной живописи к первобытным системам письмен-

ности. Эта работа получила высокую оценку в академических кругах. Савенков был удостоен за нее диплома члена-корреспондента Академии наук.

Исключительное значение для организации научного изучения Енисейской губернии имело создание в 1901 г. Красноярского подотдела Русского географического общества. С этой инициативой выступили члены Общества врачей Енисейской губернии, Переселенческого управления и гласные Красноярской городской управы, образовавшие учредительный совет, в состав которого вошли В.Ю. Григорьев, В.М. и Вс.М. Крутовские, А.В. Адрианов, Н.М. Мартьянов, П.И. Рачковский, А.И. Кытманов, Н.А. Шепетковский и др. Начинание сибиряков было поддержано главой Русского географического общества П.П. Семеновым-Тянь-Шанским и известным исследователем Сибири Г.Н. Потаниным. Отдел вскоре стал главным центром по организации и финансированию научных экспедиций по исследованию природных и экономических ресурсов края, координации связей с научными учреждениями в губернии и за ее пределами. С 1903 г. в ведение отдела был передан Красноярский музей, стали издаваться «Известия» отдела (с 1904 г. «Записки»), в которых публиковались результаты научных изысканий, проведенных под эгидой отдела.

К числу наиболее значительных исследовательских проектов, осуществленных под руководством отдела, следует отнести этнографическую экспедицию Ф.Я. Кона в Урянхайский край в 1902 г., экспедицию П.Е. Островских по изучению физико-географических особенностей Туруханского края в 1904 г., экспедиции А.Я. Тугаринова в 1907–1908 гг. с целью комплексного изучения природы и населения Туруханского края.

Важную роль в научном изучении Сибири во второй половине XIX в. начинают играть местные музеи. Одним

из первых краеведческих музеев в Сибири стал Минусинский. Инициатива по его созданию принадлежала городскому аптекарю Н.М. Мартьянову. Разработанный им устав был представлен в городскую думу и получил одобрение 18 июня 1877 г., а сам Мартьянов был назначен распорядителем музея. Устав Минусинского музея был положен в основу многих музеев Сибири. Его концепция базировалась на представлении о музее как учреждении комплексного типа, сочетающего функции научно-исследовательского и культурно-просветительского центра с широкими задачами практического плана: пропаганды новейших промышленных и сельскохозяйственных технологий среди местного населения.

Благодаря самоотверженному труду и энтузиазму его основателя музей из далекой сибирской провинции вскоре становится известным в научных кругах страны и за рубежом. В 1881 г. вышел каталог коллекций музея, и хотя он был опубликован небольшим тиражом (300 экземпляров), но был замечен в столичных научных изданиях, которые поместили на своих страницах благожелательные отзывы о нем.

Особенно привлекла внимание ученых уникальная археологическая коллекция музея, которой по признанию известного шведского ученого Мартина «могла бы позавидовать не одна европейская столица, так как по обилию древностей она единственная в мире». В адрес музея начинают приходить многочисленные письма от научных учреждений, библиотек, общественных организаций, ученых. Посылки с коллекциями музея расходятся в Москву, Петербург, Киев, Берлин, Вену, Гельсингфорс, Падую. С музеем сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные ученые: П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, Мартин, Колон, Тюмен.

С 1887 г. музей принимает участие в выставках, организованных научными обществами Сибири, во всероссийских выставках в Нижнем Новгороде. В 1900 г. на всемирной выставке в Париже Мартьянов экспонирует образцы, раскрывающие перед европейцами хозяйственные достижения сибиряков, и памятники истории и культуры Енисейской губернии. За участие в этой выставке музей был удостоен диплома и серебряной медали.

Создание Минусинского музея послужило толчком для активизации общественности и в других городах губернии. В 1883 г. в Енисейске состоялось открытие музея, у основания которого стояли гласный городской думы Н.В. Скорняков и ученый-краевед А.И. Кытманов. Большую часть музейных фондов (3 064 экспоната) составляла коллекция Кытманова. Музей вскоре становится базой для многих научных экспедиций по изучению Енисейского Севера, в его работе принимают участие известные исследователи Арктики А.И. Вилькицкий, Э.В. Толль, С.О. Макаров.

В Красноярске открытию музея предшествовала большая подготовительная работа, в которой активное участие приняли П.С. Проскуряков, И.Т. Савенков, М.Е. Киборт, А.С. Еленев и др. Ядро фондов будущего музея составили собрание минералов А.П. Кузнецова, ботаническая коллекция Н.М. Мартьянова, нумизматическая коллекция Матвеевых.

12 февраля 1889 г. состоялось открытие музея. Первые годы его существования были нелегкими. Городская дума затягивала принятие устава, что делало его положение неопределенным. Единственным источником финансирования были добровольные пожертвования, поэтому бюджет нового учреждения был более чем скромным. С первых лет своей работы музей стал играть заметную роль в общественно-культурной жизни города. В его работе принимали

участие видные ученые Д.А. Клеменц, Г.Н. Потанин, И.Т. Савенков.

В 1887 г. учителем Д.С. Каргополовым был открыт музей в Ачинске. Хотя он значительно уступал по количеству экспонатов Минусинскому, Красноярскому и Енисейскому музеям, тем не менее его экспозиция вполне отвечала задачам краеведческого исследования. Известный ученый, основоположник музейного краеведения в Сибири Д.А. Клеменц, ознакомившись с его деятельностью, писал: «Из молодых музеев последний (Ачинский музей – В.Ф.) произвел на меня самое благоприятное впечатление – маленький, с крошечными средствами как раз по городу, он исключительно местный, и задачи его ставились весьма определенно: река Чулым со своим бассейном и ее обитатели в прошлом и настоящем». Каргополову также принадлежала и заслуга создания в 1912 г. краеведческого музея в Канске.

Особую роль в научном изучении края сыграла политическая ссылка. Многочисленные ограничения, жестко регламентировавшие жизнь и занятия ссылных революционеров, стесняли возможности заниматься научными исследованиями. Однако потребности общества в квалифицированных специалистах были настолько остры, что местные власти нередко были вынуждены отступать от строгих инструкций и прибегать к помощи своих политических противников.

Ведущей темой научных исследований ссылных стала тема народа. Мир народа как сосредоточение высших духовных начал нашел отражение в трудах ссылных народников Д.А. Клеменца, С.Я. Елпатьевского, А.А. Макаренко, В.С. Арефьева. Они дали всестороннюю характеристику духовной жизни сибирского крестьянина, включавшую материал по религиозным обрядам, народной медицине, знаниям о природе, представлениям о социальном идеале,

песенный фольклор и т. д. Своими трудами они опровергли распространенное в академической науке мнение об ущербности духовного мира сибиряка. Работа А.А. Макаренко «Сибирский народный календарь», в которой автор впервые ввел в научный оборот сведения по календарной обрядности русских крестьян Енисейской губернии, основанная на изучении фольклорных традиций, стала настоящим открытием многогранной и богатой духовной жизни сибирского крестьянства. Отмечая значение труда Макаренко, один из рецензентов сравнивал «Календарь» с «эпосом, которая нравится своей величавостью, архаичностью и которую хочется изучать, исследовать как сокровищницу русской народной культуры».

Ссылных народников и марксистов как исследователей волновали одни и те же вопросы: механизмы социальной и экономической эксплуатации трудового населения, формы народного протеста. Об этом пишет в очерке «Енисейская губерния» народник С.Л. Чудновский, раскрывая картину закабаления старожильческой верхушкой крестьян-переселенцев, темных поборов, с помощью которых кулацкая верхушка в союзе с местными чиновниками грабила своих же односельчан. Об этих же процессах говорят в работах социал-демократы, марксисты А.Г. Шлихтер, Я.М. Свердлов.

А.Г. Шлихтер, работая в управлении земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии, разработал программу и провел в 1912 г. статистико-экономическое обследование рыбопромысловых крестьянских хозяйств и кустарных промыслов Туруханского края. Надо сказать, что Шлихтер стал пионером в изучении крестьянского хозяйства Енисейского севера, потому что все исследования крестьянского населения, проводившиеся ранее, ограничивались лишь центральными и южными округами Енисейской губернии. Даже сам факт экспедиционного ис-

следования, в ходе которого пришлось объехать территорию протяженностью 1 234 версты и дать подворное описание 487 крестьянских хозяйств, в чрезвычайно трудных условиях бездорожья, отсутствия сколько-нибудь приличного штата помощников, можно без преувеличения назвать научным подвигом. Шлихтер не только собрал и обработал статистический материал, но и дал блестящий пример научного анализа социально-экономического положения рыбопромысловых хозяйств, результаты которого были опубликованы в книге «Экономическое положение крестьян Туруханского края» (Красноярск, 1916). Он убедительно доказал, что крупный торговый капитал широко внедрился в традиционные крестьянские промыслы, подчинив их себе. Исследователь вскрывает механику закабаления рыбных промыслов торговым капиталом через снабжение населения припасами, ростовщическим кредитом и как следствие этого постепенную трансформацию крестьянства в наемных рабочих. Автор подчеркивает противоположность интересов между трудовой частью крестьян-промысловиков, с одной стороны, и представителями купеческого капитала и крестьянской верхушкой, пускавшей капитал в торговые операции, – с другой.

Об аналогичных процессах в среде крестьян Туруханского края писал и Я.М. Свердлов, отбывавший здесь в 1913–1917 гг. ссылку. В ряде научных очерков и газетных статей («Туруханский край», «Очерки Туруханского края», «Положение крестьян и инородцев») он раскрывает картину постепенного закабаления русского и коренного населения торговым капиталом: «Местное население пребывает в полной кабале у различных торговцев-скупщиков рыбы и пушнины. «Рыцари первоначального накопления» не брезгают никакими средствами – одним из главных до сих пор была водка, чтобы кабала не ослабевала, но даже превращалась в вечную».²⁴ Правда, он отмечает, что эти про-

цессы в силу окраинного положения Сибири сильно отставали от общероссийских, а потому хозяйство местного крестьянства еще сохраняло в значительной степени полунатуральный характер.

Народник В.С. Арефьев исследовал проникновение торгового капитала на рыбопромыслах в Приангарье, но, в отличие от Шлихтера, изучал не социально-экономические механизмы закабаления крестьянства, а его последствия на социально-культурном уровне. Арефьева как бытописателя интересовали не столько этнографические детали, сколько глубинные деформации в общественном быте и сознании крестьян, вызванные ростом социального неравенства и эксплуатации. Зорким взглядом этнографа и писателя он подмечал то, что не видели экономисты, социологи, оперировавшие новейшими методами научного анализа: раскол в народной среде, который определялся не доходностью крестьянского хозяйства, зависевшей от обеспеченности землей, инвентарем, скотом, а стремительно менявшейся системой социальных и нравственных ценностей. Разрушительный, регрессивный характер этих изменений в равной степени признавали и народники, и марксисты, не смотря на различие их теоретико-методологических установок.

Общей темой в научных интересах социал-демократов и народников была тема нарождавшегося в Сибири пролетариата. При этом и те и другие рассматривали формирование пролетариата как неизбежное следствие вторжения капиталистических отношений в деревню. В статьях Д.А. Клеменца, С.Л. Чудновского, В.С. Арефьева, А.А. Макаренко, Л.П. Буланова и др. давалась характеристика правового положения рабочих, условий их труда, заработной платы.²⁵

Высокую оценку в научном мире получили труды ссыльных народников П.Е. Кулакова и Д.Е. Лаппо по изу-

чению коренных народов юга Енисейской губернии. Кулаков, служивший секретарем губернского статистического комитета, в 1897 г. возглавил научную экспедицию по изучению хозяйственного быта инородцев Минусинского и Ачинского округов. По результатам исследования им были опубликованы в центральной и местной печати статьи «К новейшей истории минусинских и ачинских инородцев», «Постоянное имущество, производство и потребление у минусинских и ачинских инородцев» и др., в которых он вскрыл разрушающее влияние современных исторических процессов на патриархально-родовые институты у инородцев. Выводы ученого при всем сочувствии к судьбам коренного населения Сибири были весьма пессимистичны. Он полагал, что вторжение капиталистических отношений, нивелирующих культурные процессы в обществе, неизбежно приведут, в лучшем случае, к стиранию культурно-этнических особенностей, а в худшем – к полной ассимиляции некоторых малочисленных народов Сибири.

Исследования Лаппо были в основном посвящены изучению традиционного права хакасов. В трудах «Общественное управление минусинских инородцев» (Томск, 1904), «Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары)» (Красноярск, 1905), «Троеверы. Из жизни минусинских инородцев» (Томск, 1904), «Степное земское положение» (Красноярск, 1907), «Степное право и имперский закон» (Томск, 1909) и др. он убедительно показал, что правительство в своей политике в вопросах управления коренными народами, стремясь опереться на родовые институты и традиционное право, в конечном счете вело к консервации их отсталости и культурной изоляции, что загоняло решение проблемы в тупик, затрудняя поступательные процессы социальной и культурной эволюции коренного населения. Сам народник видел пути решения проблемы в постепен-

ной модернизации традиционного права, подчинении его определенным процессуальным правилам, чтобы «дикое и жестокое» постепенно ушло из общественной жизни инородцев, а права личности получили гарантию закона.

Исследование народника С.Л. Чудновского по истории Енисейской губернии положило начало развитию научного краеведения. В работе Чудновского «Енисейская губерния» была дана всесторонняя картина социально-экономического развития губернии в пореформенный период. В ее основу были положены очерки, написанные народником для «Сибирской газеты». По решению редакции газеты они были переданы в Красноярскую городскую думу, объявившую конкурс на работу, посвященную истории губернии в связи с 300-летним юбилеем присоединения Сибири. Решением комиссии книга Чудновского была удостоена премии думы.

Большой вклад в изучение крестьянского хозяйства Минусинского округа внес П.А. Аргунов, высланный в Сибирь за участие в народнической организации «Общестуденческий союз». Используя статистические материалы и коллекции из фондов Минусинского музея, он написал капитальный труд «Очерки сельского хозяйства Минусинского края», изданный в 1892 г. в Казани. Работа Аргунова получила высокую оценку в научных кругах, она была удостоена медали Русского географического общества. Известный сибирский исследователь-статистик В.Ю. Григорьев писал о ней как о «ценном вкладе в статистико-экономическую литературу о сельском хозяйстве Сибири».

Таким образом, оживление в научном изучении края, наметившееся на рубеже веков, было связано с вовлечением его природных, экономических и культурных ресурсов в процессы, вызванные ускорением капиталистической модернизации страны.

3.3. Печать

Заметная роль в культурной жизни губернии принадлежала печати. Начало местной печати было положено изданием «Енисейских губернских ведомостей» в 1857 г. Большую часть материалов газеты составляли официальная хроника и перепечатки из столичных газет. Официозный характер издания не отвечал общественным запросам сибиряков, жаждавших слышать свободное слово. Однако неоднократные попытки красноярцев организовать частные издания оставались безуспешными, наталкиваясь на препоны со стороны губернских властей. Лишь в 1889 г. красноярскому учителю Е. Кудрявцеву удалось добиться разрешения на издание газеты «Справочный листок Енисейской губернии». Программа издания в первое время ограничивалась вопросами справочно-информационного характера, но вскоре Кудрявцеву удалось добиться разрешения на публикацию статей об общем состоянии губернской экономики, городской жизни и фельетонов. И хотя газета стала более привлекательной по содержанию, тем не менее Кудрявцеву так и не удалось вывести свое издание на уровень таких газет, как «Восточное обозрение» и «Степной край», которые имели общесибирское значение. С 1895 г. газета стала издаваться под названием «Енисей», а с 1905 г. – «Сибирский край».

Одним из завоеваний Первой русской революции стало провозглашение в Манифесте 17 октября 1905 г. свободы слова. Это дало толчок к возникновению в губернии целого ряда различных по своей общественно-политической направленности изданий. Только в Красноярске было основано более 10 новых газет. Как правило, они являлись печатными органами местных партийных организаций. Либерально-областническую окраску имели «Енисейский край», «Сибирь», «Красноярец», «Енисейское слово», «Го-

лос Сибири», являясь трибуной красноярского отдела Сибирского областного союза.

В дни вооруженного декабрьского восстания стал выходить «Красноярский рабочий», издававшийся от имени Красноярского комитета РСДРП. Вышло пять номеров газеты, после подавления восстания ее издание было прекращено и возобновлено нелегально в августе 1907 г. под названием «Рабочий». Однако вышло всего лишь два номера.

Издания правомонархического плана начали выходить, когда массовое революционное движение уже пошло на спад. В 1907 г. в Красноярске стала выходить газета «Сусанин», издававшаяся правомонархической организацией «Союз мира и порядка». Близкую ей идейно-политическую окраску имела и газета «Православный сибиряк».

После революции в связи с ужесточением цензуры число газет в губернии заметно сокращается, остаются лишь издания узкоспециализированного профиля, а также совершенно лояльный к властям «Сусанин». Из либеральных газет выжил только «Красноярец», издававшийся поверенным окружного суда А.А. Жалудским, однако даже весьма робкая критика властей, которую позволяла себе редакция, раздражала власти, и в 1909 г. газета была закрыта.

К началу Первой мировой войны издательский рынок вновь оживляется. Издание газет становится прибыльным делом, и местная буржуазия начинает вкладывать свои капиталы в новую для себя сферу предпринимательской деятельности. К этому времени в губернии зарождается и журнальное дело. Начало было положено сатирическими изданиями, пользовавшимися спросом у публики. Один за одним появлялись журналы такого плана, как «Хи-ха-Ха!», «Куманёк», но их существование было весьма непродолжительным, поскольку даже шуточные намеки в адрес вла-

сти нередко приводили к нештучным неприятностям для редакции журналов.

Самым ярким явлением в губернской журналистике стал журнал «Сибирские записки», который начинает издавать с 1916 г. В.М. Крутовский. Программа журнала включала вопросы научно-просветительского и общественно-политического плана, художественную часть, литературную критику. Таким образом, он явился первым в Сибири «толстым журналом». Вокруг его редакции объединились видные российские и сибирские литераторы, ученые, общественные деятели: Г.Н. Потанин, Н.Н. Козьмин, С.Я. Елпатьевский, А.И. Иванчин-Писарев, В. Шишков, Л. Пантелеев, Г. Гребенщиков, Ф. Лыткин, А. Новоселов. Выход первого номера журнала был замечен в российской критике, его приветствовал А.М. Горький. Журнал оказался «долгожителем» в сибирской журналистике, где время издания журналов иногда исчислялось несколькими месяцами. «Сибирские записки» издавались даже в годы гражданской войны до 1919 г.

С развитием губернской журналистики связано и складывание особого отряда местной интеллигенции – профессиональных литераторов. Среди мастеров «литературного цеха» следует назвать Ф.Ф. Филимонова, М.Ф. Глебова, Ф.И. Романова, А.Б. Ключе, И.И. Лебедева, В.И. Анучина, Н.В. Скорнякова. Конечно, губернская журналистика не дала сколько-нибудь громких имен, оставивших память в российской литературе. Исключение, пожалуй, представляет творчество уроженца губернии С.А. Сretenского. Его рассказы, повести и статьи на сибирские темы печатались в столичных изданиях. Он вел один из разделов в популярном сатирическом журнале «Искра». В произведениях Сretenского с документальной достоверностью и большой художественной силой отражены тяжелый быт приисковых рабочих, бесправие сибирского крестьянина, страдав-

шего от произвола местных начальников, жестокие нравы сибирской бурсы. К самым значительным произведениям писателя можно отнести повесть «Сибирские мученики», опубликованную в 1888 г. уже после смерти писателя в сборнике «Рассказы из жизни приискового люда», сюжет которой был взят из жизни крестьян, отправившихся на заработки на прииски. В повести отчетливо просматриваются народнические симпатии автора, сочувственно относившегося к нуждам крестьянства.

Сретенский, помимо литературного дара, обладал и блестящими музыкальными способностями, неплохо рисовал, но жизнь талантливого писателя сложилась неудачно, он не смог в полной мере реализовать отпущенные ему творческие силы.

Однако благодаря деятельности именно таких литераторов второго ряда формировалась культурная среда и традиции, столь необходимые для успешного развития художественной жизни в провинции.

3.4. Художественная культура

Рост культурных запросов проявился в отношении сибиряков к театру. Интерес к нему первоначально удовлетворялся главным образом за счет гастролировавших трупп, репертуар и постановки которых не отличались особенно высоким вкусом. Поэтому местная интеллигенция, жаждавшая видеть на сцене лучшие образцы театральной классики, нередко сама устраивала самодеятельные представления. Прекрасными актерами были И.Т. Савенков, отдавший много времени и творческих сил театру, и И.П. Кузнецов, который не только играл на сцене, но и писал пьесы для любительских спектаклей.

В 1874 г. антрепренер А. Егоров организовал в Красноярске постоянную труппу, однако вскоре она распалась. Из ее остатков было позднее сформировано первое в Сибири актерское товарищество, но и оно просуществовало недолго, столкнувшись с финансовыми трудностями. Именно последнее обстоятельство привело к тому, что к концу 1880-х гг. театр в Красноярске влачил жалкое существование. Городская дума выделяла из своего скудного бюджета, такие мизерные средства, что их не хватало даже на поддержание здания театра в нормальном состоянии. Оно вскоре пришло в полное запустение, а находиться там стало небезопасно. И тогда городская общественность, не пожелавшая примириться с перспективой утраты театра в Красноярске, взяла инициативу в свои руки. В 1887 г. красноярскими театрами было создано Общество любителей драматического искусства, в числе учредителей которого выступили известные в городе люди И.П. Кузнецов, супруги Матвеевы, В.А. Данилов, И.Т. Савенков, В.М. Крутовский, Н.Д. Тютрюмов и др. Общество взяло на себя все заботы о содержании театра, затраты которого должны были покрываться из денежных взносов его членов и сборами со спектаклей. Чтобы привлечь как можно больше зрителей и одновременно наполнить театральную кассу, почти каждую неделю давали премьеру. Поспешность, с которой в репертуар вводились новые спектакли, разумеется, не могла не сказаться на их художественном уровне. Нередко шли пьесы низкопробного плана, вроде «Час в тюрьме, или в чужом пиру похмелье». Но все же красноярские театралы не чуждались и сложных постановок, знакомя горожан с лучшими образцами русской и зарубежной классики – пьесами А.С. Грибоедова, А.Н. Островского, В. Шекспира, Ф. Шиллера.

С постройкой железной дороги в Енисейскую провинцию все чаще стали приезжать столичные театральные

труппы. Большим событием для местных театралов стал приезд труппы Малого театра во главе с великой русской актрисой Г.Н. Федотовой. В мае 1902 г. труппа артистов московских театров под руководством А.П. Щепкиной (А.А. Яблочкина, М.П. Юдина, А.А. Матвеева и другие) показала в Красноярске пять спектаклей, среди них «Бешеные деньги», «Волки и овцы» А.Н. Островского. Спектакли с участием столичных актеров проходили в недавно построенном здании Народного дома имени А.С. Пушкина (ныне драматический театр им. А.С. Пушкина).

Большой популярностью у красноярцев пользовались музыкальные вечера, обычно проводившиеся в зале Общественного собрания. Концертировали в основном гастролеры. Увлеченность музыкой у отдельных красноярцев была столь велика, что решено было организовать свой музыкальный коллектив. В ноябре 1882 г. красноярский педагог З.А. Барш объединил вокруг себя городских меломанов в кружок, участники которого стали концертировать с программой, включавшей достаточно сложные в профессиональном отношении произведения музыкальной классики. С 1886 г. кружок стал называться «Красноярским обществом любителей музыки и литературы». Большой вклад в его деятельность внес ученик Н.А. Римского-Корсакова С.М. Безносиков, организовавший в 1887–1888 гг. в Красноярске симфонический оркестр. На концертах оркестра пропагандировалась русская классическая музыка, ставились сцены из опер. Однако его деятельность оказалась кратковременной. После отъезда Безносикова ему не нашлось достойной замены, и оркестр распался.

Самым ярким явлением в культурной жизни Енисейской провинции в пореформенный период стало творчество выдающегося художника В.И. Сурикова, феномен которого выходит за рамки локальной культуры, приобретая общероссийское и мировое значение.

Уроженец Красноярска, выходец из старинного казачьего рода, свои первые шаги в живописи делает в родном городе под руководством учителя рисования Н.В. Гребнева. Почувствовав исключительную одаренность своего ученика, Гребнев стал заниматься с ним индивидуально. Он же поддержал его стремление поступить в Академию художеств после окончания училища в 1861 г. Однако осуществить свою мечту талантливому юноше сразу не удалось, и лишь в 1870 г. он смог отправиться в Петербург. Это стало возможно благодаря помощи известного енисейского золотопромышленника П.И. Кузнецова, предоставившего ему стипендию на время обучения в Академии.

После окончания в 1875 г. Академии Суриков не порывает связей с Сибирью, она по-прежнему оставалась источником, питавшим его творческие замыслы. Сибирская тема присутствует в таких знаменитых картинах художника, как «Меншиков в Березове» и «Боярыня Морозова». Сюжет, внешний антураж и лица героев также имеют прямые ассоциации с сибирским периодом жизни Сурикова. Так, историю боярыни Морозовой он слышал в детстве от крестной матери О.М. Дурандиной, в доме которой жил, когда учился в училище. Также и композиция картины сложилась из воспоминаний о том, как по одной из улиц Красноярска везли кого-то из осужденных к публичному наказанию. Прообразами героини картины стали его родственницы. Художник признавал, что «женское царство “Морозовой” вышло из нашего деревенского дома в Торгошине».

После окончания работы над «Боярыней Морозовой» Суриков в 1887 г. вместе с семьей приезжает в Красноярск на отдых. Здесь он делает зарисовки видов города, пишет портреты матери, брата, знакомых. К этому времени относится замысел его картины, посвященной Степану Разину. Тогда же было сделано несколько этюдов к картине, в том

числе и портретные зарисовки самого Разина, для которых художнику позировал известный красноярский педагог и ученый И.Т. Савенков.

С пребыванием в Красноярске связана картина Сурикова «Взятие снежного городка», сюжетом которой послужило любимое развлечение сибиряков, устраивавшееся обычно на масленичные гуляния. Местом, где Суриков делал этюды с построенного по его заказу снежного городка, стало с. Лодейское под Красноярском. Большая часть из 30 персонажей картины была написана художником со своих родственников, красноярских знакомых и жителей села.

Художник не раз высказывал мысль об особом типе духовного склада сибиряка. Он был убежден, что в Сибири дух свободы способствовал развитию человеческого достоинства и активности личности, поднимая ее на такую нравственную высоту, которая была невозможна в условиях многовекового крепостного рабства, господствовавшего в коренной России. Он писал: «В Сибири народ другой, чем в России, – вольный, смелый». И эти качества глубоко импонировали художнику, хотя он и не идеализировал казацкую вольницу в Сибири, прекрасно осознавая ее оборотную сторону – произвол и жестокость сильной личности.

Этот взгляд художника на проблему наиболее полно проявился в его картине «Покорение Ермаком Сибири», которую можно назвать программной в мировоззрении художника. Работа над ней также была связана с его поездками в Сибирь в 1891–1895 гг. Собирая материал для картины, художник много работал в Красноярске, Минусинске, Тюмени, Тобольске, Сургуте, Таре, где он искал прототипы своих героев, делал этюды. В Минусинском музее он работал с черепами древних обитателей Сибири, срисовывал музейные экспонаты: костюмы, оружие, знамена.

Образ Ермака Суриков писал с одного из десятников казачьего полка в Минусинске.

Продолжением сибирской исторической тематики стала работа Сурикова над картиной «Красноярский бунт». Сюжет ее был навеян знакомством со статьей сибирского историка Н. Оглоблина «Красноярский бунт 1695–1698 гг.», на которую обратил внимание художника красноярский общественный деятель В.М. Крутовский. Сурикова привлек этот сюжет тем, что в событиях, описанных историком, принимали участие его предки. Художник сделал несколько набросков с картины, но она так и осталась незавершенной.

До конца жизни Суриков не порывал своих связей с родными местами. Сибирь не только питала его творчество, она определяла глубинные пласты его мироощущения. Очень точно органическую связь творчества художника с его родиной подчеркнул внук художника М. Кончаловский, заметив, что «если бы Суриков не был сибиряком, он бы не был Суриковым».

Приезды великого русского художника на родину оказывали благотворное влияние на становление молодых сибирских художников. По инициативе Сурикова в Красноярске в 1910 г. была открыта рисовальная школа с четырехгодичным сроком обучения. Одним из ее первых преподавателей стал Д.И. Каратанов, которого с Суриковым связывали дружеские отношения. Под его влиянием в творчестве самого Каратанова начинает преобладать тематика, связанная с историей Сибири.

Влияние Сурикова сказалось и на творчестве красноярского архитектора Л.А. Чернышева, ставшего первым директором рисовальной школы. По проектам Чернышева был построен целый ряд зданий, преобразивших архитектурный облик Красноярска: купеческий клуб (пр. Мира, 71); особняк в стиле «ориенталь» с мавританскими элементами (ул. Кирова, 24); здание музея (ул. Дубровинского).

Таким образом, новая эпоха вызвала к жизни лучшие силы в сибирском обществе, пробудив понимание гражданского долга, стремление послужить обществу своими знаниями и способностями. Красноярцы внесли свой вклад в развитие не только сибирского края, но и в сокровищницу русской культуры, дав миру имя своего гениального земляка В.И. Сурикова. Его талант вырос на красноярской земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 год. СПб., 1865. С. 141.
2. Памятная книжка Енисейской губернии на 1891 год. Красноярск: Енисейская губернская типография. 1892. С. 140–141.
3. Давыдов П. Народное образование в Енисейской губернии в цифрах // Сибирские вопросы. 1908. № 11. С. 19.
4. Волков Н.Н. Вопрос о всеобщем обучении в освещении сибирских депутатов // Сибирские вопросы. 1911. № 11. С. 47.
5. ПСЗРИ. 1881–1913 гг. Т. 28. Ч. 1. С. 228–229.
6. Березовский Н.П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 г. Общие сведения. Красноярск, 1916. С. 2.
7. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 67. Л. 50.
8. Выдрин Е. Миссионерская школа в Туруханском крае в конце XIX – начале XX вв. // История образования и науки в Сибири. Красноярск, 2009. Вып. 3. С. 19.
9. Бакай Н.Н. 25-летие Красноярской губернской гимназии. Красноярск, 1893. С. 20.
10. Жолудев Д.Г. Краткая история школ Красноярского края. Енисейск, 1961. С. 26.
11. Волков Н.Н. Вопрос о всеобщем обучении в освещении сибирских депутатов // Сибирские вопросы. 1911. № 11. С. 42.

12. ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 310. Л. 24 об.; Д. 135. Л. 4.
13. Цит. по кн: Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. М., 2009. С. 117.
14. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893. (1860 г.): в 4 т. Енисейск, 1893. С. 376.
15. ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.
16. Там же.
17. Там же. Д. 270. Л. 7 об.
18. Там же. Ф. 612. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
19. Там же. Ф. 612. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
20. Шилов А.И. Профессионально-техническое образование в Восточной Сибири конца XIX – начала XX веков. Красноярск, 2004. С. 41.
21. Енисей. 1904. 2 июля.
22. Терешкова М. Красноярская рисовальная школа. URL: <http://www.krasplace.ru/>
23. ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 168. Л. 204.
24. Свердлов Я.М. Туруханский край // Избранные произведения. Т. 1. С. 61–62.
25. Арефьев В.С. О прошлом и настоящем ангарских аборигенов // Сибирский сборник. Иркутск, 1902. Вып. 1; Он же. Рабочие на Сибирской железной дороге // Северный вестник. 1895. № 10; Макаренко А.А. Отхожие кабальные рабочие // Юридический вестник. 1887. № 4; Клеменц Д.А. В Абаканской степи // Сибирская газета. 1884. 8 января; Соловой А. (Буланов А.) Государственная защита приисковых рабочих // Юридический вестник. 1887. № 11.

Заключение

Отмена крепостного права ускорила переход страны на рельсы капиталистической модернизации. Однако формирование новой социально-экономической структуры на сибирской окраине в пореформенное тридцатилетие шло с заметным отставанием по сравнению с промышленными центрами страны. Положение Сибири как колонии в экономическом смысле приводило к консервации докапиталистических отношений, сдерживая масштабы и темпы прогрессивных изменений.

В развитии Енисейской губернии отмеченные тенденции усугублялись ее экономико-географическим положением – удаленностью от крупных торговых магистралей и рынков общесибирского значения, малой плотностью населения. Поэтому в сравнении с соседними сибирскими регионами темпы торгово-промышленного развития и формирования крупных капиталов в крае существенно уступали, а его громадный промышленный потенциал оставался нереализованным, экономика губернии носила аграрный характер. Формирующаяся местная буржуазия не могла сколько-нибудь эффективно использовать рычаги первоначального накопления, и ее предпринимательская активность и богатства выглядели довольно скромно на фоне ее российских и сибирских собратьев.

Лишь к концу XIX в. с проведением Транссибирской железнодорожной магистрали богатства края были открыты для всей страны, и сюда устремляется крупный российский и иностранный капитал. Тем не менее и в это время экономика губернии сохранила в основном аграрный характер. В промышленности преобладали мелкие предприятия кустарного типа. Крупные предприятия были малочисленными и отсталыми в техническом отношении. Наиболее продвинутой в технико-экономическом развитии являлась золотопромышленность. Здесь в начале XX в. в свя-

зи с проникновением в отрасль крупного российского и иностранного капитала началась быстрая модернизация производства. Росли прибыли акционерных компаний, однако большая их часть присваивалась российской и иностранной буржуазией, а не вкладывалась в развитие края.

Также противоречивыми оказались итоги развития в аграрной сфере. Массовое переселение крестьян, начавшееся с середины 1890-х гг. и активизировавшееся в годы столыпинской реформы, привело к росту сельскохозяйственного производства за счет введения новых посевных площадей, определенным подвижкам в культуре производства, более широкому распространению сельскохозяйственной техники. Вместе с тем сокращение фонда свободных земель имело своим следствием сужение возможностей для экстенсивного производства, являвшегося в условиях крайней неразвитости экономической инфраструктуры в крае наиболее оптимальной моделью, обеспечивавшей поступательное развитие крестьянского хозяйства. В результате на рубеже XIX–XX вв. при общем росте валовых сборов производство зерна на душу населения в Енисейской губернии начинает сокращаться, нарастают признаки аграрного кризиса, которому сопутствуют углубление социальной дифференциации, рост социальной напряженности.

Благополучие сибирского крестьянства, основывавшееся на обилии свободных земель, широком доступе к природным богатствам, постепенно уходит в прошлое. Углубляется пропасть между старожильческой верхушкой, активно втягивавшейся в торгово-ростовщическое предпринимательство, и прибывавшими из европейской части страны переселенцами, которым все труднее становилось подниматься на ноги, так как обилие дешевой рабочей силы в деревне понижало их заработки. Часть переселенцев стала уходить в города, на прииски, пополняя ряды про-

мышленных рабочих. Приток в города этих людей, которые, по сути, были обмануты в своих ожиданиях найти в Сибири лучшую долю, радикализировал общественные настроения и создавал взрывоопасную обстановку.

Ситуация усугублялась и быстро растущей культурной дифференциацией в обществе. Раньше сибирское население в культурном плане было относительно однородно, и это отчасти сглаживало социальные контрасты. Большая часть трудового населения города и села не испытывала сколько-нибудь активной мотивации к получению образования, так как примитивные технологии в сельском хозяйстве и промышленности не требовали высокой квалификации, а относительное материальное благополучие примиряло с неграмотностью. Но по мере того как возможности экстенсивной модели для крестьянского хозяйства сужаются и нужно было переходить к интенсивным методам, которые требовали знаний агротехники, активизируется стремление к получению образования. Чтобы успешно ориентироваться в запросах рынка, крестьянину уже нельзя было полагаться на стародедовские знания и навыки, приходилось расширять свой кругозор с помощью специальной экономической и сельскохозяйственной литературы – журналов, газет, биржевых сводок. К этому подталкивало и широкое распространение кооперации. Крестьяне создавали кредитные товарищества, кооперативы по закупке промышленных товаров и сбыту сельскохозяйственной продукции. Для того чтобы вести бухгалтерию, планировать бюджет и распределять доходы согласно паям, нужна была грамотность.

Заметно возрастает потребность в повышении образовательного уровня и среди городского населения в связи с переходом к более сложным технологиям на производстве, возрастающей социальной мобильностью населения. Но дело было не только в утилитарных мотивах, со временем

тяга к знаниям среди трудового населения города и деревни все более связывается с личностными мотивами: повышением социального статуса, удовлетворением личных амбиций, пониманием самоценности знания. Однако удовлетворить эту потребность, несмотря на рост сети образовательных учреждений в губернии было достаточно сложно. Даже в последнее двадцатилетие, которое отмечено самой активной динамикой школьной сети в Енисейской губернии, грамотность выросла незначительно – с 13,6 % в 1897 г. до 17 % накануне революции 1917 года.

Образовательная система губернии не отвечала потребностям времени: не хватало не только начальных, но и средних образовательных учреждений. Профессиональное образование только зарождалось в начале XX века. Специальных учебных заведений было в губернии так мало, что они могли готовить квалифицированных рабочих и служащих только для двух отраслей экономики – железной дороги и торговли. Все остальные отрасли, в том числе наиболее высокотехнологичные – золотопромышленность и речной транспорт, испытывали огромные трудности в обеспечении квалифицированными кадрами, что в конечном счете сдерживало промышленную модернизацию региона.

Система общего образования в губернии так и осталась незавершенной, в ней отсутствовала ступень высшего образования. И если зажиточная часть сибиряков могла позволить себе получать образование в российских или даже заграничных учебных заведениях, то трудовые слои воспринимали свою отчужденность от образования как проявление социальной несправедливости, своего рода социальной и культурной сегрегации. Таким образом, образование не могло сколько-нибудь эффективно выполнять роль социального лифта и смикшировать возрастание социально-классового напряжения.

Отмеченные особенности перехода от аграрной стадии к индустриальной были присущи всей Сибири, однако в отношении Енисейской губернии нужно отметить некоторую специфику. Если в Западной Сибири этот переход развивался более или менее плавно, то в Енисейской губернии он носил скачкообразный характер. До середины 90-х гг. XIX в. экономика губернии в силу ее удаленности от общесибирских рынков сохраняла полунатуральный характер, соответственно и динамика социальных процессов была довольно вялой по сравнению с другими сибирскими регионами, которые более активно втягивались в рыночные отношения в течение пореформенного периода. В Енисейской же губернии этот процесс начинает стремительно развиваться только в течение двух предреволюционных десятилетий. Переселенческое движение в годы столыпинской реформы буквально накрыло губернию девятым валом. В Западной Сибири интенсивность переселенческого движения и до реформы была достаточно активной. В Енисейской губернии с этим столкнулись впервые. Общество к этому было не готово не только в организационном смысле – куда поселить, как устроить переселенцев, но и в социально-психологическом. Огромные массы неустроенных людей в городах и деревнях создавали проблемы: рост преступности, нищенства, проституции.

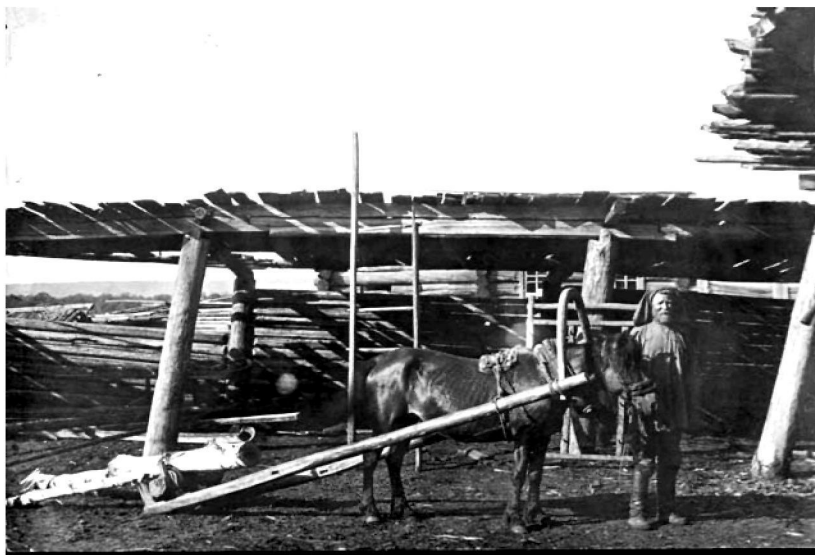
Приток переселенцев привел к повсеместному повышению цен и удорожанию потребительской корзины и в городе, и в деревне. Рост доходов населения шел гораздо медленнее. Кроме того, это все происходило на фоне двух войн – Русско-японской и Первой мировой, которые этим процессам придавали особую остроту и болезненность. Общественный разогрев за это время достиг своей предельной точки. Если раньше волны общественных подъемов доходили до берегов Енисея отдаленными отголосками и задевали лишь очень узкие слои местной интеллиген-

ции, то в XX в. Енисейская губерния становится эпицентром революционных событий. В декабре 1905 г. в Красноярске возникает Красноярская республика. Власть в городе де факто оказалась в руках совета рабочих и солдатских депутатов. В 1917 г., когда начался второй акт революционной драмы, то советы в Красноярске, Енисейске, Ачинске и Канске уже с весны стали проводить самостоятельную политику без оглядки на комиссара Временного правительства. Таким образом, Енисейская губерния становится локомотивом социально-политических процессов в Сибири, но этот локомотив движется в сторону не буржуазной модернизации, а советской, т. е., следуя известной библейской истине, – первые стали последними, а последние стали первыми.

Приложение

Крестьянская заимка. Приангарье. Начало XX в.

*Крестьянин на своем подворье.
с. Кежда Енисейского уезда. Начало XX в.*

Кустарь-горшечник. с. Атаманово. Начало XX в.

Винокуренный завод Яриловых. Минусинский округ

Крупчаточная мельница И.Г. Гусева. Минусинский округ

Промывка золотоносной породы на Кызаском прииске Ачинского уезда

Добыча золота открытым способом. Рождественский прииск

Базар в Красноярске. Новобазарная площадь

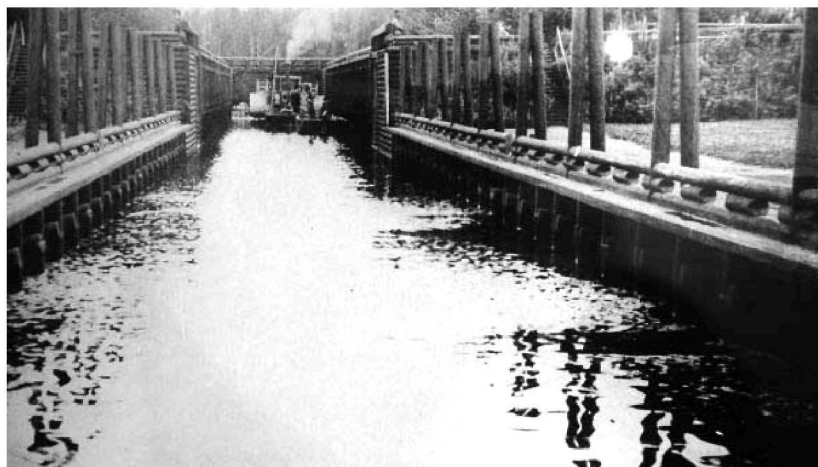
Лавки гостинного двора в Енисейске

Здание Красноярского отделения Госбанка

Батеневская пристань. Минусинск

Обь-Енисейский канал

*Строительство железнодорожного моста
через Енисей в Красноярске*

Строительство Транссиба на Среднесибирском участке

*Крестьяне-переселенцы у временного жилья.
Минусинский уезд. Конец XIX в.*

*Семья крестьян-старожилов.
Красноярский уезд. Начало XX в.*

Крестьянская семья из д. Ловать Канского уезда

*Участники 1-го съезда золотопромышленников
Енисейской губернии. 1898 г.*

*Енисейские купцы
на Нижегородской ярмарке*

В.А. Баландина

Купец И.Г. Щеголев с женой

Рабочие и жители Знаменского стекольного завода. Начало XX в.

Рабочие Леонидовского винокуренного завода. Конец XIX в.

На уроке в школе на Знаменском стекольном заводе

Здание учительской семинарии в Красноярске

Ремесленное училище Т.И. Щеголевой. Красноярск

Фельдшерская школа. Красноярск, 1903

*И.Т. Савенков,
директор Красноярской учительской семинарии, археолог*

*В.М. Крутовский с ученицами
фельдшерско-акушерской школы*

*Н.М. Мартьянов,
основатель Минусинского музея*

Струнный оркестр Енисейской гимназии

Г. Минусинск. Городской Мартьяновский Музей.

изд. Н. В. Федорова.

Минусинский музей

*А.И. Кытманов,
основатель Енисейского музея*

*Н.В. Латкин, ученый,
исследователь енисейской
золотопромышленности*

*Н.Ф. Катанов,
ученый-тюрколог*

*Выдающийся русский художник
В.И. Суриков*

Научное издание

Вера Ивановна Фёдорова

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ
1861–1917 гг.:
ЭКОНОМИКА. ОБЩЕСТВО.
КУЛЬТУРА

Монография

Редактор *Ж.В. Козутица*
Корректор *М.А. Исакова*
Верстка *М.Н. Богданова*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 22.12.16. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 21,5. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 12-183

Отпечатано в типографии «ЛИТЕРА-принт»,
т. 295-03-40